Роберт Стивенсон

Чёрная стрела

Роберт Льюис Стивенсон
Чёрная стрела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611323

Аннотация

Это произведение – яркий образец историко-приключенческого романа XIX века. Книгой об отважном Дике Шелтоне зачитывалось не одно поколение молодых. Не устарел роман и сегодня.

История героя развивается в русле событий братоубийственной войны в Англии второй половины XV столетия. Юный Ричард Шелтон, спасаясь от своего покровителя, которого обвиняет в смерти отца, бежит из дома и присоединяется к разбойникам. Попутно он влюбляется в Джоанну Сэдли, которая тоже вынуждена скитаться, переодевшись в мужское платье… Много трудностей ждет влюбленных на пути к счастью и благополучию.

Погрузитесь в мир средневековых интриг и загадок, пуститесь в рискованные приключения времен войны Алой и Белой розы!

Содержание

«Критик за очагом» 5
Пролог 6
Часть первая 15
- Глава I 15
- Глава II 20
- Глава III 24
- Глава IV 28
- Глава V 33
- Глава VI 38
- Глава VII 42

Часть вторая 47
- Глава I 47
- Глава II 52
- Глава III 56
- Глава IV 60
- Глава V 63

Часть третья 68
- Глава I 68
- Глава II 72
- Глава III 76
- Глава IV 78
- Глава V 83
- Глава VI 86

Часть четвертая 89
- Глава I 89
- Глава II 93
- Глава III 98
- Глава IV 102
- Глава V 107
- Глава VI 109

Часть пятая 115
- Глава I 115
- Глава II 119
- Глава III 123
- Глава IV 126
- Глава V 131
- Глава VI 135
- Глава VII 140
- Глава VIII 143

Роберт Стивенсон
Чёрная стрела

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

«Критик за очагом»

Одному мне известно, что я выстрадал, и насколько выиграли мои книги благодаря вашему неусыпному вниманию и поразительной настойчивости. Но вот перед вами книга, которая вышла в свет, не имея вашего imprimatur; странная вещь в истории нашей дружбы, еще более необычна – причина этого. Я с любопытством, с досадой и, наконец, с улыбкой следил за вашими тщетными стараниями прочитать «Черную Стрелу»; и, мне думается, я действительно заслужил бы упрек в отсутствии юмора, если бы упустил случай и не поставил вашего имени впереди единственной моей книги, которой вы не читали… и никогда не прочтете.

Но я все-таки надеюсь на большее постоянство со стороны других. Повесть была написана несколько лет назад для определенного круга читателей и, могу добавить, в соревновании с известным автором; мне кажется, я поступлю правильно, назвав его: это мистер Альфред Р. Филлипс. В свое время она не осталась без награды. Разумеется, не мне было оспаривать у мистера Филлипса его заслуженное первенство; но в глазах тех самых читателей, которые ни во что не ставили «Остров Сокровищ», «Черная Стрела» явилась значительным шагом вперед. Читатели отдельно изданных книг и читатели журнальных романов принадлежат к двум различным мирам. В другом суде «Острову Сокровищ» был вынесен противоположный приговор. Хотел бы я знать, будет ли то же самое и с его преемником?

Р. Л. С.
Озеро Саранак, 8 апреля 1888 г.

Пролог
Джон Мститель

Однажды поздней весной после полудня колокол на башне Моот-Хауса, в Тонсталле прозвучал в необычное время. Люди, работавшие вблизи и вдали, в лесу и на полях вдоль реки, побросали свою работу и бросились по направлению звука колокола. В деревушке Тонсталль собралась группа бедных жителей, удивлявшихся этому призыву.

В те времена – в царствование старого короля Генриха VI – деревушка Тонсталль имела такой же вид, какой сохранила и до сих пор. Десятка два неуклюжих домов, выстроенных из толстого дуба, было разбросано по длинной зеленой долине, подымавшейся от реки. Внизу дорога пересекала мост и, подымаясь на другую сторону реки, исчезала на опушке леса, по пути к Моот-Хаусу и дальше, к Холивудскому аббатству. На полдороге к деревушке среди тисовых деревьев стояла церковь. Повсюду – вблизи на склонах и вдали на горизонте – виднелись леса зеленых вязов и зеленеющих дубов.

На холме у самого моста, где стоял каменный крест, собралась группа людей – с полдюжины женщин и высокий малый в деревенской одежде, – обсуждавших вопрос о том, что мог означать неожиданно раздавшийся звук колокола. Полчаса тому назад по деревушке проскакал гонец. Он выпил кружку эля, не решившись сойти с лошади, так как очень торопился. Он сам не знал вестей, которые вез, так как у него были только запечатанные письма от сэра Даниэля Брэклея к сэру Оливеру Отсу, священнику, заведовавшему домом во время отсутствия хозяина.

Раздался конский топот, и вскоре молодой мастер Ричард Шельтон, сирота, живший у сэра Даниэля Брэклея, показался из-за края леса и проехал по мосту, по которому звонко застучали копыта его коня. Он-то уже наверно знает в чем дело, – и разговаривавшие окликнули его, прося объяснений. Он охотно остановился. То был молодой человек, еще не достигший восемнадцати лет, загорелый, с серыми глазами, в куртке из оленьей кожи с черным бархатным воротником, в зеленом берете на голове и со стальным арбалетом за спиной. Оказалось, что гонец привез важные известия. Предстояла битва.

Сэр Даниэль прислал сзывать всех, кто мог стрелять из лука или управляться с алебардой, приказывая немедленно отправиться в Кеттлей, грозя в противном случае сильным гневом; но Дик не знал, за кого они будут сражаться и где ожидается битва. Скоро придет сам сэр Оливер, а Беннет Хэтч вооружается, так как он поведет отряд.

– Это разорение для страны, – сказала одна из женщин, – когда бароны ведут войну, крестьянам приходится питаться кореньями.

– Нет, – сказал Дик, – всякий, кто пойдет, будет получать по шесть пенсов в день, а стрелки по двенадцать.

– Если останутся живы, – возразили женщины, – то хорошо; ну, а если умрут, тогда, что, мастер?

– Нет лучше смерти, как за своего законного господина, – сказал Дик.

– Он вовсе не мой законный господин, – сказал молодой парень. – Я был приверженцем Уэльсингэмов, как и все, что живут по Брайерлейской дороге, вот уж два года. А теперь должен быть на стороне Брэклея! Так повелел закон! Неужели же это естественно? Тут у меня и сэр Даниэль, и сэр Оливер, который более знаком с законом, чем с честностью, – а я считаю, что у меня нет другого законного господина, кроме бедного короля Гарри Шестого, да благословит его Господь, бедного простака, не умеющего отличать своей правой руки от левой!

– Ты злоязычен, друг, – заметил Дик, – и сразу говоришь плохо и о своем добром хозяине, и о его милости короле! Но король Гарри – хвала всем святым! – пришел в себя и желает, чтобы все устроилось мирно. Что же касается сэра Даниэля, то ты очень храбр за его спиной! Но я не буду сплетником… и довольно.

– Я не говорю ничего дурного о вас, мастер Ричард, – возразил крестьянин. – Вы еще мальчик, а вот когда вырастете, то и очутитесь с пустым кошельком. Больше ничего не скажу; святые да помогут соседям сэра Даниэля, а Пресвятая Дева тем, кого он опекает.

– Клипсби, – сказал Ричард, – я по чести не должен слушать того, что вы говорите. Сэр Даниэль – мой добрый господин и мой опекун.

– Ну, отгадайте мне одну загадку, – возразил Клипсби. – На чьей стороне сэр Даниэль?

– Не знаю, – проговорил Дик, слегка краснея, потому что его опекун постоянно в это смутное время переходил с одной стороны на другую, и каждая перемена сопровождалась увеличением его состояния.

– Ага! – возразил Клипсби. – Этого не знаете ни вы, ни один человек на свете. Потому что он из тех, что ложится спать приверженцем Ланкастерского дома, а встает защитником Йорка.

Как раз в это время на мосту раздались звуки железных подков; все обернулись и увидели Беннета Хэтча, который галопом приближался к ним. То был смуглый человек с сединой в волосах, с тяжелой рукой и суровым лицом, вооруженный копьем и мечом, в стальном шлеме и кожаной куртке. Он был великий человек в своей местности, правая рука сэра Даниэля в мирное и военное время; теперь, благодаря стараниям своего господина, он был назначен начальником отряда из ста человек.

– Клипсби, – крикнул он, – отправляйся к Моот-Хаусу и пошли туда же и остальных лодырей. Боуер даст вам шлемы и кольчуги. Мы должны отправиться до захода солнца. Смотри же: сэр Даниэль расправится с тем, кто опоздает к сбору. Смотри хорошенько! Я знаю, что ты негодный человек! Нанс, – прибавил он, обращаясь к одной из женщин, – что, старик Аппльярд в городе?

– Ручаюсь, что нет, – ответила женщина, – наверное, в поле.

Группа рассеялась: Клипсби лениво побрел по мосту, Беннет и Шельтон поехали вместе по дороге через селение и мимо церкви.

– Увидите старого ворчуна, – сказал Беннет. – Он употребит на воркотню и восхваление Гарри Пятого более времени, чем нужно человеку для того, чтобы подковать лошадь. И все потому только, что принимал участие во французских войнах!

Дом, к которому они направлялись, стоял в конце селения, среди кустов сирени; за ним с трех сторон шли поля, доходившие до опушки леса.

Хэтч сошел с лошади, бросил повод на изгородь и пошел по полю вместе с Диком к старому солдату, который, стоя по колена в капусте, рыл землю, напевая по временам надтреснутым голосом отрывки песен. Вся одежда его была кожаная; только капюшон и пелерина были из черной байки и завязывались чем-то красным; его лицо походило на скорлупу грецкого ореха как по цвету, так и по бороздам. Но старые серые глаза были еще ясны, и зрение не ослабло. Может быть, он был глух, может быть, считал недостойным старого стрелка, участвовавшего в битве при Азинкуре, обращать внимание на такую помеху, но ни тревожные звуки колокола, ни приближение Беннета и юноши, по-видимому, не произвели на него никакого впечатления. Он продолжал упорно рыть землю и напевать слабым, дрожащим голосом:

«И если, о, леди, твоя будет милость,
Молю, пожалей обо мне»…

– Ник Аппльярд, – сказал Хэтч, – сэр Оливер кланяется вам и просит вас сейчас же прийти в Моот-Хаус, чтобы принять командование над гарнизоном.

Старик взглянул на пришедших.

– Здорово, господа! – усмехаясь проговорил он. – А куда же отправляется мастер Хэтч?

– Мастер Хэтч отправляется в Кеттлей со всеми, кого мы только можем посадить на коня, – ответил Беннет, – по-видимому, там ожидается битва, и милорд нуждается в подкреплении.

– В самом деле? – сказал Аппльярд. – Ну, а сколько же человек оставляете вы мне?

– Я оставляю вам шесть добрых молодцев и сэра Оливера в придачу, – ответил Хэтч.

– Так не удержать нам позиции, – сказал Аппльярд, – недостаточно людей. Нужно человек сорок.

– За этим-то мы и пришли к тебе, старый ворчун, – ответил Беннет. – Кто другой, кроме тебя, мог бы сделать что-нибудь в таком доме и с таким гарнизоном?

– Ага! Когда жмет где-нибудь, то вспоминают и о старом сапоге, – заметил Ник. – Никто из вас не умеет сидеть на лошади или управляться с алебардой; а что касается стрельбы из лука – Святой Михаил! Если бы ожил старик Гарри Пятый, он встал бы перед вами и спокойно позволил бы вам стрелять в него по фартингу за выстрел.

– Ну, Ник, найдутся еще и теперь люди, умеющие хорошо натянуть тетиву, – сказал Беннет.

– Хорошо натянуть тетиву! – вскрикнул Аппльярд. – Да! Но кто же умеет хорошо стрелять? Тут нужен и глаз, и голова на плечах. Ну, что ты назовешь хорошим выстрелом, Беннет Хэтч?

– Да вот тот, который попадет отсюда в лес, – ответил Беннет, оглядываясь вокруг.

– Да, это довольно хороший выстрел, – сказал старик, оборачиваясь, чтобы взглянуть через плечо. Вдруг он прикрыл глаза рукой и уставился вдаль.

– На что это вы смотрите? – спросил, хихикая, Беннет. – Уж не видите ли Гарри Пятого?

Ветеран молча продолжал смотреть на холм. Лучи солнца ярко освещали луга на его склоне; несколько белых овец щипали траву; все было тихо, только издали доносился звук колокола.

– Что такое, Аппльярд? – спросил Дик.

– Да вот птицы, – ответил Аппльярд.

И действительно, над деревьями леса, там, где он врезался в луга и заканчивался двумя чудесными зелеными вязами, на расстоянии полета стрелы от поля, где стояли разговаривавшие, стая птиц металась взад и вперед в очевидном беспокойстве.

– Что же с птицами? – спросил Беннет.

– Ах! – возразил Аппльярд. – Вот вы, словно умный, собираетесь на войну, мастер Беннет. Птицы – хорошие часовые; там, где леса, они являются в первых рядах сражения. Видите, если бы мы были не здесь, а в лагере, то можно было бы подумать, что нас выслеживают стрелки… а вы бы так ничего и не знали!

– Ну, старый ворчун, – сказал Хэтч, – самые близкие к нам воины в Кеттлее, под командой сэра Даниэля; мы здесь в безопасности, словно в лондонском Тауэре, а вы пугаете людей из-за нескольких зябликов и воробьев.

– Послушать только его! – со смехом сказал Аппльярд. – Да сколько мошенников дали бы себе обрезать уши, чтобы только выстрелить в кого-нибудь из нас! Святой Михаил! Они ненавидят нас, словно хорьков, мой милый!

– Ну, по правде сказать, они ненавидят сэра Даниэля, – заметил Хэтч довольно сдержанно.

– Да, они ненавидят сэра Даниэля, но ненавидят и всякого, кто служит у него, – сказал Аппльярд, – и первым делом они ненавидят Беннета Хэтча и стрелка Николаса. Послушайте,

если бы там, на опушке леса, появился здоровый малый, и мы стояли бы так, что ему было бы удобно целиться в нас, – вот как мы стоим теперь, спиною к лесу, – то как вы думаете, кого из нас выбрал бы он?

– Бьюсь об заклад, что вас, – ответил Хэтч.

– А я ставлю мой кафтан против кожаного пояса – он выбрал вы вас! – вскрикнул старый стрелок. – Вы сожгли Гримстон, Беннет; этого вам никогда не простят, мастер. Что касается меня, то, Бог даст, я скоро буду в мирном месте, вдали от всякого выстрела – как из лука, так и из пушки. Я старый человек и быстро приближаюсь к дому, где уготовано ложе. Но вы, Беннет, останетесь после меня на свою погибель и, если доживете до моих лет неповешенным, то, значит, угас истинный английский дух.

– Ты самый злой дурак во всем Тонсталле, – сказал Хэтч, очевидно раздраженный этими угрозами. – Собирайся-ка, прежде чем явится сэр Оливер, и перестань болтать хоть ненадолго. Если ты так же много разговаривал с Гарри Пятым, то уши. его были шире его карманов.

Стрела прожужжала в воздухе, словно большой шершень; она попала между лопатками старого Аппльярда, пронзила его насквозь, и он упал лицом в капусту. Хэтч подпрыгнул в воздухе с отрывистым криком, потом согнулся вдвое и побежал к дому. Дик Шельтон встал за кусты сирени и держал арбалет наготове, целясь в опушку леса.

Ни один лист не шевелился. Овцы спокойно щипали траву; птицы уселись на свои места. Но старик лежал со стрелой в спине; Хэтч ухватился за косяк двери, а Дик притаился за кустами сирени.

– Вы видите что-нибудь? – крикнул Хэтч.

– Ни одна ветвь не шелохнется.

– По-моему, стыдно оставлять его лежать так, – сказал Беннет, подходя нерешительными шагами и с очень бледным лицом. – Смотрите за лесом, мастер Шельтон, присматривайте хорошенько. Да помогут нам святые! Но каков выстрел!

Беннет положил старого стрелка к себе на колени. Старик еще не умер; лицо его исказилось от боли; глаза то открывались, то закрывались. По-видимому, он страдал ужасно.

– Ты меня слышишь, старый Ник? – спросил Хэтч. – Нет ли у тебя какого-нибудь последнего желания, прежде чем отправиться, старый брат?

– Выньте стрелу и дайте мне умереть, во имя Богоматери, – задыхаясь, проговорил Аппльярд, – я покончил со старой Англией. Вытащите стрелу.

– Мастер Дик, – сказал Беннет, – подойдите сюда и выдерните стрелу. Он скоро отойдет, бедный грешник.

Дик отложил арбалет и, сильно дернув, вытащил стрелу. Хлынул поток крови; старик приподнялся на коленях, призвал имя Божие и упал мертвым. Хэтч на коленях среди кочнов капусты горячо молился о спасении отлетавшей души. Но видно было, что и во время молитвы мысли его заняты другим – он не сводил глаз с того уголка леса, откуда был сделан выстрел. Окончив молитву, он встал, снял одну из своих железных рукавиц и вытер свое бледное, мокрое от страха лицо.

– Следующая очередь – моя, – сказал он.

– Кто сделал это, Беннет? – спросил Ричард, продолжая держать стрелу в руке.

– Только святые знают это, – сказал Хэтч. – Мы с ним выгнали из домов и имений добрых сорок человек. Он поплатился за это, бедняга; может быть, скоро поплачусь и я. Сэр Даниэль слишком притесняет людей.

– Странная стрела, – сказал юноша, рассматривая стрелу.

– Да, правда! – вскричал Беннет. – Черная с черным оперением. Вот так зловещая стрела! Говорят, черный цвет предвещает похороны. А тут написаны и слова. Сотрите кровь. Прочтите, что там написано.

– *«Аппльярду от Джона Мстителя»*... Что это значит?..

– Ну, это мне не нравится, – сказал Беннет, покачивая головой. – «Джон Мститель»… как раз подходящее имя для негодяев. Но чего ради мы стоим здесь, словно мишени! Возьмите его под колена, добрый мастер Шельтон, а я подыму его за плечи, и мы снесем его в дом. Это будет страшный удар для бедного сэра Оливера; он побелеет как бумага и будет бормотать молитвы, словно ветряная мельница.

Они подняли старого стрелка и отнесли в дом, где он жил один. Тут они положили его на пол, жалея тюфяка, и приложили все усилия, чтобы придать трупу должное положение. Домик Аппльярда был чистенький, но довольно пустой. Тут была кровать с синим одеялом, буфет, большой сундук, два складных стула, стол на петлях в углу у камина; на стенах висели луки и другое оружие старого воина. Хэтч с любопытством оглянулся вокруг.

– У Ника были деньги, – сказал он. – У него, может быть, отложено фунтов шестьдесят. Хотелось бы мне найти их. Когда теряешь старого друга, мастер Ричард, то самое лучшее утешение – получить наследство после него. Вот, взгляните, бьюсь об заклад, там лежит груда золота. Стрелок Аппльярд приобретал легко, а отдавал с трудом. Да упокоит Господь его душу! Около восьмидесяти лет он расхаживал по земле и все добывал что-нибудь; а теперь он лежит на спине, бедный ворчун, и ничего ему больше не надо; если его пожитки достанутся доброму другу, то, я думаю, ему будет веселее на небесах.

– Ну, Хэтч, – сказал Дик. – Уважай его незрячие глаза. Неужели ты решишься на воровство перед его трупом? Да он, пожалуй, встанет тогда!

Хэтч перекрестился несколько раз, но вскоре румянец вернулся на его побледневшее лицо; его не так легко было отговорить от принятого решения. Сундуку не поздоровилось бы, если бы как раз в ту минуту не раздался стук распахиваемой калитки; в дом вошел высокий, толстый, краснощекий, черноглазый человек, лет около пятидесяти, в черной рясе.

– Аппльярд, – проговорил вошедший и вдруг словно замер на месте.– Ave Maria! – вскрикнул он. – Да защитят нас святые угодники! Что это такое?

– Да, плохо дело с Аппльярдом, господин священник, – ответил совсем весело Хэтч. – Убит у порога своего дома и теперь входит во врата чистилища. Там, если верить рассказам, он не будет нуждаться ни в углях, ни в свечах.

Сэр Оливер с трудом добрался до складного стула и, весь бледный и дрожащий, опустился на него.

– Это Божий суд! О, какой удар! – прорыдал он и забормотал молитвы.

Хэтч между тем снял свой шлем и набожно опустился на колени.

– А, Беннет, – сказал священник, немного оправившись, – что это может быть? Какой враг сделал это?

– Вот стрела, сэр Оливер. Взгляните, на ней написаны слова, – сказал Дик.

– Ну! скверные вести! – вскрикнул священник. – «Джон Мститель!» Вполне подходящее название для Лолларда![1] И вдобавок черная, как дурное предзнаменование! Господа, эта стрела не нравится мне. Но нам необходимо посоветоваться. Кто бы это мог быть? Подумай-ка хорошенько, Беннет. Кто из многих злоумышленников решается так смело выступить против нас? Симнель? Я сильно сомневаюсь в этом. Уэльсингэмы? Нет, они еще не дошли до этого; они еще надеются победить нас законным образом, когда настанет иное время. Вот еще Симон Мельмсбери. А ты как думаешь, Беннет?

– А что вы думаете, сэр, об Эллисе Декуорсе?

– Ну, это уж нет, Беннет. Только не он, – сказал священник. – Смута никогда не подымается снизу, Беннет; все разумные хроникеры сходятся в этом мнении; возмущение всегда

[1] Слово Лоллард (Lollard), обозначавшее «пустой болтун», было презрительным прозвищем, которое давали духовным лицам, восставшим в XIV столетии против господствующей церкви *(прим. перевод.)*.

идет сверху вниз; когда Дик, Том и Гарри берутся за свои луки, нужно пристально вглядеться, кому из лордов может быть полезно это движение. Так как сэр Даниэль снова присоединился к партии королевы, то он теперь в немилости у лордов партии Йорка. Оттуда и идет этот удар, Беннет. Я постараюсь узнать, кто подготовил его, но здесь главная причина этого несчастного случая.

– Извините, сэр Оливер, – сказал Беннет, – они здесь так нагрелись, что я давно уже чую пожар. Чуял его и бедный грешник Аппльярд. И, извините, умы всех здесь так скверно настроены против нас, что для бунта не нужно им ни Ланкастера, ни Йорка. Выслушайте мои слова. Вы, служитель церкви, и сэр Даниэль, вечно поворачивающийся, куда дует ветер, вы отняли добро у многих людей и немало их погубили и перевешали. Вас призывали к суду, но уж не знаю каким образом, вы всегда оказывались правы. Вы думаете, что на том и делу конец? Ну, нет, извините, сэр Оливер: человек, у которого отняли добро и которого побили, приходит в ярость и когда-нибудь, когда попутает нечистый, он возьмет свой лук да и всадит вам стрелу на целый ярд.

– Нет, Беннет, ты ошибаешься. Беннет, ты должен был бы радоваться, что есть кому наставлять тебя, – сказал сэр Оливер. – Ты пустой болтун, враль, глотка у тебя больше твоих обоих ушей вместе взятых. Обрати на это внимание, Беннет, обрати.

– Ну, я не буду больше ничего говорить. Как вам угодно, – сказал Беннет.

Священник встал со стула, вынул из висевшего у него на шее ящичка с письменными принадлежностями сургуч, печать и кремень. Он приложил печать сэра Даниэля к буфету и к сундуку, причем Хэтч с недовольством смотрел на это. Потом все несколько боязливо вышли из дома и сели на лошадей.

– Нам пора уже быть в пути, сэр Оливер, – сказал Хэтч, держа стремя для священника, пока тот садился.

– Да, но времена изменились, Беннет, – возразил священник. – Аппльярда уже нет, упокой, Господи, его душу! Я задержу тебя в гарнизоне, Беннет. У меня должен быть верный человек, на которого я мог бы положиться в эти дни. «Стрела во дне летящая», говорится в евангелии; не помню дальше текста, я ленивый священник, я слишком погружен в мирские дела. Ну, едем, мастер Хэтч. Всадники должны уже быть у церкви.

Они поехали вниз по дороге; ветер развевал полы плаща священника. На небе, за ними, подымались тучи, закрывая солнце. Они проехали мимо трех разбросанных домиков деревушки Тонсталль и, доехав до поворота, увидели перед собой церковь. Десять-двенадцать домов скучились впереди нее; сзади кладбище подходило к лугам. У арки кладбищенских ворот собралось около двадцати человек, некоторые из них сидели в седлах, другие стояли около своих лошадей. И вооружение, и лошади их отличались большим разнообразием: у одних были копья, у других алебарды, у третьих мечи. Некоторые сидели на лошадях, еще покрытых грязью от только что проведенной борозды. Все это был всякий сброд этой местности, так как лучшие люди и лошади были уже на войне с сэром Даниэлем.

– Недурно! Да будет благословен крест Холивуда! Сэр Даниэль будет очень доволен, – заметил священник, мысленно пересчитывая отряд.

– Кто готов в путь? Выезжайте все, кто верен нам! – крикнул Беннет.

Какой-то человек пробирался между вязами; услышав этот призыв, он отбросил всякое стеснение и бросился прямо к лесу. Люди, стоявшие у кладбищенских ворот, не замечавшие до сих пор присутствия незнакомца, встрепенулись и рассыпались во все стороны. Сошедшие с лошадей вновь вскочили в седла, остальные бросились преследовать незнакомца, но им приходилось огибать церковь и кладбище и потому ясно было, что добыча ускользнет от них. Хэтч с громким ругательством хотел перескочить через ограду, но лошадь отказалась сделать прыжок, и всадник очутился в пыли на земле. Хотя он сейчас же вскочил на ноги

и схватил повод, время все же было упущено, и беглец был слишком далеко, чтобы можно было догнать его.

Дик Шельтон оказался умнее всех. Вместо того, чтобы заняться бесполезным преследованием, он снял со спины арбалет и приготовил стрелу. Когда все остальные отказались от своих намерений, он повернулся к Беннету и спросил, нужно ли стрелять.

– Стреляй! Стреляй! – крикнул священник с кровожадной яростью.

– Стреляйте в него, мастер Дик, – сказал Беннет. – Попадите в него так, чтобы он упал, словно созревшее яблоко.

Беглецу оставалось сделать только несколько прыжков, чтобы очутиться в безопасности, но на окраине луг круто подымался к холму, и потому ему приходилось бежать медленнее. Целиться было нелегко, из-за сумрака и порывистых движений беглеца. Дик прицелился и почувствовал нечто вроде сожаления; он почти желал не попасть в цель. Стрела полетела.

Беглец споткнулся и упал, Хэтч и остальные преследователи разразились громкими, радостными криками. Однако они делили шкуру медведя, еще не поймав его. Беглец упал, не причинив себе никакого вреда; он сейчас же вскочил на ноги, повернулся, взмахнул с вызывающим видом шляпой и в следующее мгновение исчез за опушкой леса.

– Чума его возьми! – крикнул Беннет. – У него ноги вора, он умеет бегать. Но вы попали в него, мастер Шельтон; он унес с собой вашу стрелу; я не очень-то завидую этому подарку.

– Но что он делал у церкви? – спросил сэр Оливер. – Опасаюсь, что что-нибудь очень дурное. Клипсби, добрый малый, сойди-ка с коня да поищи хорошенько среди вязов.

Клипсби скоро вернулся с какой-то бумагой в руках,

– Эта бумага была прибита к двери церкви, – сказал он, подавая ее сэру Оливеру. – Больше я ничего не нашел.

– Ну, клянусь могуществом нашей Матери-церкви, это уже приближается к святотатству! – вскричал сэр Оливер. – Если это делается по приказанию короля или владельца замка, то уж нечего делать! Но чтобы всякий бродяга в зеленой куртке мог прибивать бумаги к дверям святилища – это уж очень близко к святотатству, и люди сжигались за дела меньшей важности! Но что это такое? Темнеет быстро. Добрый мастер Ричард, у вас молодые глаза. Прочтите мне, пожалуйста, этот пасквиль.

Дик Шельтон взял бумагу в руки и прочел ее вслух. Это были очень грубые вирши, почти без рифм, написанные большими буквами и с невероятными ошибками.

«За пояс заткнул я четыре стрелы;
Все черные стрелы в отплату за зло,
Четыре по счету негодных людей,
Насилье которых меня доняло.
Одной уже нет; она метко попала:
Старик Аппельярд ей сражен.
Для мастера Беннета Хэтча другая,
Кем Гримстон с стенами сожжен.
А вот и для сэра Оливера Отса —
Им Гарри, сэр Шельтон, убит.
Четвертой, сэр Даниэль, вскоре вы ждите,
Увидите, как она в вас полетит.
Так каждый получит на долю стрелу,
И черная – черное сердце пронзит.
Скорее читайте молитву свою,
И ныне, и присно вас смерть поразит.

Джон Мститель за всех
Из Зеленого леса
И его веселые товарищи
Нет, у нас есть еще стрелы а хорошие пеньковые веревки и для других из ваших приверженцев».

– Увы! Где милосердие и другие христианские добродетели? – печально проговорил сэр Оливер. – Дурен здешний мир, господа, и с каждым днем становится все хуже и хуже. Я готов поклясться на Холивудском кресте, что я так же невиновен в нанесении какого-либо зла, умышленно или неумышленно, тому доброму рыцарю, как некрещеный ребенок. Да никто и не думал его убивать, они заблуждаются и в этом, есть еще живые свидетели.

– Вы это напрасно, господин священник, – сказал Беннет. – Эти разговоры совсем неуместны.

– Нет, мастер Беннет, нет. Знайте свое место, добрый Беннет, – ответил сэр Оливер. – Я докажу свою невиновность. Я не хочу погибнуть по ошибке. Я беру всех в свидетели, что я чист в этом деле. Я даже не был в Моот-Хаусе. Меня послали по делу раньше девяти часов.

– Сэр Оливер, – перебил его Хэтч, – так как вам не угодно прервать эту проповедь, то я приму другие меры. Гофф, труби, чтобы садились на лошадей.

Раздался звук трубы. Беннет подошел близко к пораженному священнику и яростно шепнул ему что-то на ухо. Дик Шельтон увидел, как сэр Оливер испуганно взглянул на него. Дику было о чем подумать, потому что сэр Гарри Шельтон был его родной отец. Но он не сказал ни слова, и лицо его осталось неподвижным.

Хэтч и сэр Оливер некоторое время обсуждали изменившееся положение дела, они решили оставить десять человек не только для защиты Моот-Хауса, но и для сопровождения священника через лес. Так как Беннет должен был остаться, то командование отрядом, посланным для подкрепления, было передано мастеру Шельтону. Действительно, другого выбора не оставалось; остальные были глупые, неуклюжие люди, неопытные в военном деле, а Дик был не только популярен, но решителен и серьезен не по годам. Хотя он провел свою юность в этом глухом местечке, но сэр Оливер хорошо обучил его чтению и письму, а обращению с оружием и первым основам военного искусства научил его сам Хэтч. Беннет всегда был добр к Дику и готов помочь ему во всем. Он был из таких людей, которые жестоки к тем, кого считают своими врагами, но по-своему верны и преданы своим друзьям. И теперь, пока сэр Оливер вошел в ближайший дом, чтобы написать своим красивым почерком отчет о последних событиях своему господину, сэру Даниэлю Брэклею, Беннет подошел к своему ученику, чтобы пожелать ему успеха в его предприятии.

– Вы должны ехать дальним путем, в обход, мастер Шельтон, – сказал он, – объехать мост, чтобы сохранить жизнь! Пустите верного человека в пятидесяти шагах перед собой, пусть он стреляет, а вы поезжайте потихоньку, пока не выедете из лесу. Если негодяи нападут на вас, скачите изо всех сил, вы ничего не сможете сделать, если остановитесь. И поезжайте все вперед, мастер Шельтон, не возвращайтесь сюда, если вам дорога жизнь; помните, что в Тонсталле вам не найти помощи. Так как вы едете на великую войну за короля, а я остаюсь здесь, где моей жизни грозит величайшая опасность, и только святые знают, встретимся ли мы еще с вами здесь, на земле, то я дам вам последние советы при вашем отъезде. Остерегайтесь сэра Даниэля, ему нельзя доверять. Не верьте и плуту-священнику; у него нет дурных намерений, но он исполняет волю других, это – орудие сэра Даниэля! Приобретите влияние там, куда отправляетесь, заведите себе сильных друзей. И поминайте добром Беннета Хэтча. На свете есть негодяи похуже Беннета. Ну, желаю вам удачи!

– Господь да будет с вами. Беннет! – ответил Дик. – Вы были всегда добрым другом мне, сироте, и я всегда скажу это.

– И вот что еще, мастер, – прибавил Хэтч несколько смущенно, – если этот «Мститель» пустит в меня стрелу, вы, может быть, не откажетесь дать золотую монету, а то и фунт за спасение моей бедной души, потому что плохо мне придется в чистилище.

– Ваше желание будет исполнено, Беннет, – ответил Дик. – Но бодритесь! Мы встретимся там, где вы будете более нуждаться в эле, чем в мессах.

– Дай-то Бог, мастер Дик, – сказал Хэтч. – Но вот идет сэр Оливер. Если бы он так же ловко управлялся с луком, как с пером, он был бы чудесным воином.

Сэр Оливер дал Дику запечатанный пакет с надписью:

«Моему достоуважаемому господину, сэру Даниэлю Брэклею, рыцарю. Передать немедленно».

Дик положил пакет за пазуху, отдал приказание и поехал вдоль деревушки к западу.

Часть первая
Два мальчика

Глава I
Гостиница «Солнце» в Кеттлее

Сэр Даниэль и его люди разместились в этот вечер в Кеттлее и его окрестностях, в теплых помещениях и расставили патрули. Но рыцарь из Тонсталля был из людей, вечно гнавшихся за денежной добычей. И теперь, накануне авантюры, из которой он должен был или выйти победителем, или погибнуть, он встал в час ночи, чтобы выжать сок из своих бедных соседей. Он вел большие дела по спорным наследствам: обыкновенно он покупал право наследства у какого-нибудь самого безнадежного претендента и потом, благодаря покровительству важных лордов, приближенных короля, добивался неправильных решений в свою пользу. Если же для этого требовалось много хлопот, он захватывал спорный замок силой оружия и полагался на свое влияние и на крючкотворство сэра Оливера, чтобы удержать захваченное. Кеттлей был одним из таких спорных мест, недавно попавшим в его когти. Сэр Даниэль встречал еще отпор со стороны жителей и, чтобы подавить недовольство, привел сюда свои войска.

В два часа утра сэр Даниэль сидел в комнате гостиницы у очага, так как в этот час бывало холодно среди болот Кеттлея. Рядом с ним стояла кружка эля, приготовленного с пряностями. Он снял свой головной убор с забралом и сидел, плотно укутавшись в ярко-красный плащ и опустив на руку свою лысую голову и худое, смуглое лицо. В дальнем конце комнаты около дюжины солдат стояли на часах у двери или спали на скамьях. Несколько ближе к нему мальчик лет двенадцати-тринадцати растянулся на плаще на полу. Хозяин «Солнца» стоял перед великим человеком.

– Ну, заметь, хозяин, – говорил сэр Даниэль, – только слушайся моих приказаний, и я буду всегда добрым господином. Мне нужны хорошие люди в старшины, а главным констеблем я желаю иметь Адама-а-Мора; позаботься хорошенько об этом. Если будут выбраны другие, то это не принесет вам никакой пользы, как вы знаете по горькому опыту. Я приму хорошие меры относительно тех, кто платил Уэльсингэму… между ними был и ты, мой любезный хозяин.

– Добрый рыцарь, – сказал хозяин, – я поклянусь на Холивудском кресте, что я платил Уэльсингэму только по принуждению. Нет, достойный рыцарь, я не люблю бездельников Уэльсингэмов; они были бедны как воры, храбрый рыцарь. Дайте мне настоящего лорда вроде вас. Спросите соседей, все скажут, что я стойко держусь Брэклея.

– Может быть, – сухо проговорил сэр Даниэль. – Тогда ты заплатишь вдвое.

Хозяин гостиницы сделал страшную гримасу, но подобного рода несчастье часто случалось с арендаторами в те беспокойные времена, и хозяин, может быть, был рад отделаться так легко.

– Приведи того малого, Сельден! – крикнул рыцарь.

Один из слуг ввел бедного, забитого старика, бледного как полотно и дрожавшего от болотной лихорадки.

– Твое имя, бездельник? – спросил сэр Даниэль.

– Конделль. Конделль из Шорби, с позволения вашей милости.

– До меня дошли дурные слухи о тебе, – сказал рыцарь. – Ты заподозрен в измене, затягиваешь взнос арендной платы, на тебя падает тяжелое обвинение в убийстве многих людей. Как? Ты еще так дерзок! Ну, я смирю тебя.

– Глубокоуважаемый и достопочтенный господин, – проговорил старик, – тут вышла какая-то чепуха, не будет сказано в вашем присутствии. Я бедный, честный человек и никому не сделал зла.

– Младший офицер дал мне о тебе самые скверные сведения, – сказал рыцарь. – «Схватите этого Тиндела из Шорби», – сказал он.

– Кондедль, мой добрый господия, Конделль, – таж зовут меня, несчастного.

– Конделль или Тиндель – все равно, – хладнокровно ответил сэр Даниэль. – Ты здесь, и я, по правде, сильно сомневаюсь в твоей честности. Если хочешь спасти свою шею, напишика мне поскорее обязательство на двадцать фунтов.

– На двадцать фунтов, мой добрый господин! – вскрикнул Конделль. – Да это чистое безумие! Все мое имение не стоят семидесяти шиллингов.

– Конделль или Тиндель, – со смехом сказал сэр Даниэль, – я пойду на риск. Напиши двадцать фунтов, а когда я получу все, что будет возможно, я буду тебе добрым господином и прощу остальное.

– Увы! Это невозможно, мой добрый господин, я не искусен в письме, – сказал Конделль.

– Увы! – проговорил рыцарь. – Значит, нет другого средства. А мне бы очень хотелось пощадить тебя, Тиндель, да совесть не позволяет. Сельден, возьми-ка осторожно этого старого ворчуна, доведи его до ближайшего вяза и повесь нежно за шею там, где я могу увидеть его, когда поеду. Прощайте, добрый мастер Конделль, дорогой мастер Тиндель, вы отправляетесь в рай на почтовых; итак, прощайте!

– Ну, мой остроумный лорд, – ответил Конделль с принужденной, льстивой улыбкой, – раз вы требуете, как и подобает вам, я исполню ваше приказание, несмотря на все мое неуменье.

– Друг, – сказал сэр Даниэль, – теперь ты напишешь сорок. Полно! Ты слишком хитер, чтобы иметь состояние только в семьдесят шиллингов. Сельден, посмотри, чтобы он написал как следует, и чтобы было засвидетельствовано по форме.

И сэр Даниэль, веселый рыцарь, – веселее его не было в целой Англии, – сделал глоток эля и с улыбкой откинулся на спинку кресла.

Между тем лежавший на полу мальчик зашевелился, потом поднялся и испуганно оглянулся вокруг.

– Сюда, – сказал сэр Даниэль, и когда мальчик, повинуясь его приказанию, встал и медленно подошел к нему, он снова откинулся назад и громко расхохотался. – Клянусь Распятием! – крикнул он. – Что за сильный, здоровый мальчик!

Мальчик вспыхнул от гнева, и молния ненависти мелькнула в его темных глазах. Теперь, когда он стоял на ногах, было бы трудно определить его возраст. По выражению лица, хотя гладкого и чистого, как у ребенка, он казался старше, фигура его была необыкновенно тонка, походка несколько неловкая.

– Вы звали меня, сэр Даниэль, – сказал он, – для того, чтобы посмеяться над моим печальным состоянием?

– Ну, дайте мне посмеяться, – сказал рыцарь. – Прошу вас, милочка, дайте мне посмеяться. Если бы вы могли видеть себя, то, уверяю, сами бы расхохотались.

– Ну! – вскрикнул, вспыхивая, мальчик. – Вы ответите за это, как за все остальное. Смейтесь, пока можете.

– Ну, – несколько серьезнее проговорил сэр Даниэль, – я вовсе не насмехаюсь над вами, это только шутка, дозволенная между родными и близкими друзьями. Я устрою ваш брак,

получу тысячу фунтов и буду чрезвычайно любить вас. Правда, я захватил вас несколько грубо, но так уж пришлось, зато с настоящей минуты я буду от всего сердца заботиться о вас и с радостью служить вам. Вы станете миссис Шельтон – леди Шельтон, клянусь! Потому что мальчик обещает многое. Гм! Не следует пугаться честного хохота, он прогоняет печаль. Кто смеется, тот не негодяй. Эй, хозяин, дай поесть моему кузену, мастеру Джону. Садитесь, милочка, и кушайте.

– Нет, – сказал мастер Джон, – я не преломлю хлеба с вами. Раз вы принуждаете меня к такому греху, я буду поститься ради спасения души. Добрый хозяин, пожалуйста, будьте так добры, дайте мне кружку чистой воды; вы очень обяжете меня своей любезностью.

– Кушайте, вы получите разрешение от этого греха! – крикнул рыцарь. – Исповедуетесь как следует, а пока удовольствуйтесь ожиданием и кушайте.

Но мальчик был упрям, он выпил кружку воды, снова плотно завернулся в свой плащ и уселся в дальнем уголке, погрузившись в мрачное раздумье.

Через час или два в селении поднялась суматоха, послышались оклики часовых, звон оружия и стук лошадиных копыт; потом к гостинице подъехал отряд всадников, и Ричард Шельтон, весь забрызганный грязью, появился на пороге комнаты.

– Да хранит вас Бог, сэр Даниэль, – сказал он.

– Как! Дикки Шельтон! – вскрикнул рыцарь. При имени Дика сидевший в углу мальчик с любопытством взглянул на него. – А что же Беннет Хэтч?

– Пожалуйста, сэр, ознакомьтесь с содержанием этого пакета, присланного вам сэром Оливером, тут все подробно описано, – ответил Ричард, подавая письмо священника. – А затем вам следовало бы как можно скорее отправиться в Райзингэм, потому что на пути нам встретился гонец, бешено мчавшийся с письмами. Он сообщил нам, что лорд Райзингэм находится в отчаянном положении и чрезвычайно нуждается в вашем присутствии.

– Что ты говоришь? В отчаянном положении? – переспросил рыцарь. – Ну, так мы поторопимся не спеша, мой добрый Ричард. В бедном английском государстве кто едет тише, тот едет увереннее. Отсрочка, говорят, порождает гибель, а, по-моему, скорее поспешность губит людей. Заметь это, Дик. Но прежде дай мне посмотреть, что за скотину ты пригнал сюда. Сельден, запри дверь на цепь.

Сэр Даниэль вышел на улицу и при красном свете факелов произвел инспекторский смотр своих войск. Он был непопулярен как сосед и как господин, но очень любим как вождь всеми теми, кто следовал за его знаменем. Его отвага, испытанное мужество, заботливость об удобствах солдат, даже грубые шутки – все это приходилось по вкусу смелым храбрецам его отряда.

– Ну, клянусь Распятием! – крикнул он. – Что это за жалкий сброд! Одни искривлены как лук, другие тонки как копье. Друзья, не послать ли вас в передние ряды во время сражения? Я не буду экономить вас, друзья. Покажите-ка мне этого старого негодяя на пегой лошади! Двухлетняя овца, едущая на свинье, имела бы более воинственный вид. А, Клипсби, ты здесь, старая крыса? Вот человек, которого я охотно потерял бы; ты пойдешь впереди всех, а на кафтане у тебя будет нарисована мишень, чтобы стрелки могли лучше целиться; ты будешь указывать мне путь.

– Я укажу вам какой угодно путь, сэр Даниэль, кроме того, который ведет от одной партии к другой, – смело ответил Клиисби.

Сэр Даниэль разразился громким смехом.

– Хорошо сказано! – крикнул он. – Язык у тебя во рту бойкий. Ну, я прощу тебя за удачное словечко. Сельден, посмотри, чтобы накормили его и его скотину.

Рыцарь вернулся в гостиницу.

– Ну, друг Дик, приступай, – сказал он. – Вот добрый эль и свиная грудинка. Кушай, пока я буду читать.

Сэр Даниэль вскрыл пакет и нахмурил брови. Прочитав письмо, он сел и задумался; потом проницательно посмотрел на своего воспитанника.

– Дик, – сказал он после короткого раздумья. – Ты читал эти скверные стишки?

Юноша ответил утвердительно.

– В них упоминается имя твоего отца, – продолжал рыцарь, – какой-то сумасшедший обвиняет нашего бедного сэра Оливера в его убийстве.

– Он горячо отрицал это, – заметил Дик.

– В самом деле? – очень резко сказал рыцарь. – Язык у него без костей; болтает, словно сорока. Современем, когда я буду посвободнее, я сам расскажу тебе об этом подробнее, Дик. В то время сильно подозревали некоего Декуорна, но время было смутное, и нельзя было добиться правосудия.

– Это случилось в Моот-Хаусе? – спросил Дик с сильно бьющимся сердцем.

– Эта случилось между Моот-Хаусом и Холивудом, – спокойно ответил сэр Даниэль; при этом, однако, он метнул искоса мрачный, подозрительный взгляд на Дика. – А теперь поторопись с едой, ты отвезешь в Тонсталль несколько строчек от меня.

Выражение сильного огорчения появилось на лице Джка.

– Пожалуйста, сэр Даниэль, пошлите кого-нибудь из крестьян! – вскрикнул он. – Умоляю вас, пустите меня в битву. Обещаю вам, что сумею наносить удары.

– Я не сомневаюсь в этом, – ответил сэр Даниэль, садясь к принимаясь за письмо. – Но тут, Дик, нельзя приобрести почестей. Я останусь в Кеттлее, пока не получу верных сведений о ходе войны и тогда поеду, чтобы присоединиться к победителю. Не кричи, что это трусость – это только мудрость, Дик; бедное государстсо изнурено бунтами; владычество короля и его заточение так часто сменяются одно другим, что никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Переметные сумы иветрогоны попадаются на это, а господин здравый разум сидит, поджидая, в сторонке.

С этими словами сэр Даниэль отвернулся от Дика и стал писать письмо на другом конце длинного стола, скривив рот, так как история с Черной Стрелой крепко застряла у него в голове.

Молодой Шельтон между тем усердно поглощал свой завтрак, как вдруг почувствовал, что кто-то дотронулся до его руки, и чей-то очень нежный голос прошептал ему на ухо:

– Не подавайте виду, умоляю вас, – говорил этот голос, – но будьте милосердны, укажите мне прямой путь в Холивуд. Умоляю вас, добрый мальчик, утешьте бедную душу, находящуюся в опасности и полном отчаянии, и укажите мне путь к покою.

– Идите по дорожке у ветряной мельницы, – так же тихо ответил Дик, – она доведет вас до перевоза через Тилль; там спросите снова.

И, не поворачивая головы, он снова принялся за еду. Но, бросив искоса взгляд, он увидел, что юноша, которого называли мастером Джоном, украдкой вышел из комнаты.

«Да он так же молод, как я, – подумал Дик, – а назвал меня «добрым мальчиком». Знай я, что он так молод, я допустил бы скорее, чтобы его повесили прежде, чем указал бы ему дорогу. Ну, если он пойдет по болоту, я могу догнать его и надрать ему уши».

Через полчаса сэр Даниэль дал Дику письмо и велел ему отправиться в Моот-Хаус как можно скорее. Через полчаса после отъезда Дика прискакал сломя голову посланный от лорда Райзингэма.

– Сэр Даниэль, – сказал посланный, – вы теряете возможность приобрести большие почести, уверяю вас! Битва началась сегодня утром до восхода солнца, и мы побили их авангард и рассеяли правое крыло. Предстоит уже решительное сражение. У вас свежие силы, и вы можете загнать всех неприятелей в реку. Как, сэр рыцарь? Неужели вы будете последним? Это не послужит вашей чести.

– Нет, я только что собирался выступить! – крикнул рыцарь. – Сельден, труби поход. Сэр, через минуту я буду с вами. Большая часть моего отряда приехала не более двух часов тому назад, господин гонец. Что прикажете делать? Пришпоривать – дело хорошее, но иногда это убивает коня. Поскорее, ребята!

К этому времени звук трубы весело раздавался в утреннем воздухе; люди сэра Даниэля стекались со всех сторон на главную улицу селения и выстраивались перед гостиницей. Они спали с оружием в руках, с оседланными лошадьми, и через десять минут сто человек солдат и стрелков из лука, чисто одетых и хорошо дисциплинированных, стояли наготове в рядах. Большинство было в ливреях сэра Даниэля, темно-красного и синего цвета, что придавало им нарядный вид. Впереди ехали лучше вооруженные, а вдали, в хвосте колонны, находилось жалкое подкрепление, явившееся накануне. Сэр Даниэль с гордостью оглядел ряды своего отряда.

– Вот молодцы, которые пригодятся в затруднении, – сказал он.

– Действительно, славные люди, – ответил посланный. – Тем печальнее, что вы не выпустили их раньше.

– Как же иначе? – сказал рыцарь. – Все лучшее приберегается к началу праздника и к концу стычки. – Он сел в седло. – Это что! – вдруг крикнул он. – Джон! Джоанна! Клянусь святым Распятием! Хозяин, где же девушка?

– Девушка, сэр Даниэль? – закричал в свою очередь хозяин. – Нет, сэр, я не видел никакой девушки.

– Ну, мальчик, дурак! – закричал рыцарь. – Неужели ты не видел, что это девушка? Ну, та, что была в темно-красном плаще, что нарушила пост, выпив воды, негодяй, где же она?

– Да помилуют нас все святые! Вы звали ее мастером Джоном, – сказал хозяин. – Ну, а мне в голову ничего не пришло… Он уехал, я видел его… то есть ее, я видел ее в конюшне, добрый час тому назад; он оседлал серую лошадь.

– Клянусь Распятием! – вскрикнул сэр Даниэль. – Девушка стоила мне пятьсот фунтов, если не больше!

– Сэр рыцарь, – с горечью заметил гонец, – пока вы здесь кричите о пятистах фунтах, английское королевство может быть приобретено или потеряно в другом месте.

– Хорошо сказано, – заметил сэр Даниэль. – Сельден, возьми с собой шесть стрелков из лука; отыщите мне ее. Все равно, чего бы это ни стоило, но чтобы я нашел ее после возвращения в Моот-Хаус. Ты отвечаешь мне за это головой. А теперь выступаем, господин гонец.

Глава II
На болоте

Было около шести часов майского утра, когда Дик подъехал к болоту на обратном пути домой. Небо было совершенно синее; веселый ветер дул громко и ровно; колеса ветряных мельниц вертелись, а ивы над болотом колыхались и белели, словно нива. Дик провел целую ночь в седле, но у него было хорошее сердце и здоровое тело, поэтому он продолжал ехать очень весело.

Дорожка спускалась все ниже и ниже к болоту, пока он не потерял из виду все отличительные приметы, кроме ветряной мельницы в Кеттлее на холме позади и верхушек тонсталльского леса далеко впереди.

С обеих сторон тянулись большие поля, покрытые колеблемым ветром тростником и ивами, лужи, волновавшиеся от ветра, и изменнические, зеленые как изумруд топи, завлекавшие путешественника и обманывавшие его. Дорожка шла почти прямо через болото. Она была очень древняя; ее проложили еще римские солдаты; с течением времени она опустилась во многих местах и лежала там и сям под стоячими водами болота.

Приблизительно в миле от Кеттлея Дик подъехал к такому месту дорожки, где разбросанные в виде островков тростники и ивы сбивали с толку путешественника. К тому же глубокая топь в этом месте была глубже, чем в других; всякий незнакомый с этим местом легко мог попасть в беду, и Дик с некоторым угрызением совести вспомнил о юноше, которому он дал такие неясные указания. Что касается его самого, то одного взгляда назад, туда, где вертевшиеся крылья ветряной мельницы чернели на синем небе, другого вперед на верхушки тонсталльского леса было совершенно достаточно для того, чтобы ехать прямо и спокойно, словно по большой дороге, хотя вода омывала ноги его лошади по колени.

На полдороге, когда он уже увидел сухую дорожку, подымавшуюся высоко на другой стороне, он вдруг услышал сильный всплеск воды направо от себя и заметил серую лошадь, провалившуюся по брюхо в тину и отчаянно бившуюся. Как будто почувствовав приближение помощи, бедное животное бешено заржало. Конь поводил налившимися кровью, обезумевшими от ужаса глазами; он барахтался в трясине, и тучи насекомых подымались в воздухе и жужжали над ним.

– Увы! – подумал Дик. – Неужели бедный юноша погиб? Это, наверно, его славный серый конь. Ну, товарищ, ты зовешь меня так жалостно, что я сделаю все возможное человеку, чтобы помочь тебе. Не оставлю тебя тонуть дюйм за дюймом!

Он натянул арбалет и пустил стрелу в голову животного.

Дик поехал дальше уже не с прежней веселостью после такого грубого акта милосердия. Он пристально вглядывался во все окружающее, ища следы своего менее счастливого предшественника.

– Если бы я смог как следует указать ему дорогу… – подумал он. – А теперь он, пожалуй, погиб в болоте.

Только он подумал это, как чей-то голос окликнул его со стороны плотины, и, обернувшись, он увидел лицо мальчика, выглядывавшее из-за тростника.

– Вы здесь? – сказал он, останавливая лошадь. – Вы лежали среди тростника так, что я заметил вас, когда проехал мимо. Я видел вашу лошадь – ее затянуло в трясину – и я избавил ее от мучений. Право, вы должны были бы сами сделать это, если бы были милосердным всадником. Но выходите из своего убежища. Тут никто не потревожит вас.

– Добрый мальчик, у меня нет оружия, да если бы и было, то я не умею управляться с ним, – ответил юноша, выходя на дорожку.

– Зачем вы называете меня «мальчиком»? – крикнул Дик. – Я не думаю, чтобы вы были старшим из нас двоих.

– Добрый мастер Шельтон, – сказал незнакомец, – пожалуйста, простите меня. У меня не было ни малейшего желания обидеть вас. Скорее я буду молить вас о доброте и милости, потому что мне приходится теперь хуже, чем когда-нибудь, так как я потерял дорогу, плащ и мою бедную лошадь. У меня есть хлыст и шпоры, а нет лошади, на которой можно было бы сидеть! А главное, – прибавил он, грустно оглядывая свою одежду, – главное, неприятно быть так страшно выпачканным!

– Вздор! – крикнул Дик. – Неужели обращать внимание на то, что выкупался? Кровь из раны или пыль от путешествия – все это только украшает мужчину.

– Ну, тогда он нравится мне больше некрасивым, – заметил юноша. – Но, пожалуйста, скажите, что мне делать? Помогите мне советом, добрый мастер Ричард. Если я не доберусь благополучно до Холивуда, то я погиб.

– Ну, – сказал Дик, сходя с лошади. – Я дам тебе кое-что получше совета. Возьмика мою лошадь, а я побегу рядом; когда я устану, мы поменяемся; таким образом, бегом и пешком мы скоро доберемся до нашей цели.

Дик остановил свою лошадь. Мальчик сел на нее, и они отправились вперед настолько скоро, насколько позволяла неровная плотина. Дик шел рядом с лошадью, положа руку на колено всадника.

– Как тебя зовут? – спросил Дик.

– Зови меня Джоном Мэтчем, – ответил юноша.

– А что ты делаешь в Холивуде? – продолжал Дик.

– Ищу убежища от притесняющего меня человека, – был ответ. – Добрый аббат Холивудский – сильная опора слабых.

– А как же ты очутился с сэром Даниэлем, мастер Мэтчем? – продолжал расспрашивать Дик.

– Благодаря насилию! – сказал юноша. – Он взял меня силой из моего дома; одел в эту одежду; заставил ехать, пока мне не сделалось дурно; насмехался так, что я чуть не заплакал; а когда некоторые из моих друзей погнались, чтобы отнять меня, он поставил меня в задний ряд так, чтобы их выстрелы могли попасть в меня! Я даже был ранен в ногу и хромаю. Ну, да настанет день суда над ним, поплатится он за все!

– Неужели ты думаешь, что из маленького ружья можно выстрелить в луну? – сказал Дик. – Он храбрый рыцарь, и рука у него железная. Если он узнает, что я устроил твой побег или принял участие в нем, мне плохо придется.

– Ах, бедный мальчик, – возразил юноша, – я знаю, что он твой опекун. И мой также, по его словам, или он купил право на устройство моего брака – незнаю хорошенько, но только у него есть какой-то повод иметь власть надо мной.

– Опять «мальчик»! – сказал Дик.

– Ну, так звать мне тебя девочкой, добрый Ричард? – спросил Мэтчем.

– Только не девочкой, – возразил Дик. – Я ненавижу всех их.

– Ты говоришь как мальчик, – заметил его спутник. – А думаешь о них больше, чем сознаешься.

– Ну, уж нет, – решительно проговорил Дик. – Они и в голову не приходят мне. Черт их побери! Дайте мне охотиться, сражаться, пировать и жить с веселыми жителями лесов! Я никогда не слыхал, чтобы девушка могла быть годна на что-либо, впрочем… кроме одной; да и ее, бедняжку, сожгли, как ведьму, за то, что она, вопреки природе, носила мужское платье.

Мастер Мэтчем набожно перекрестился и, по-видимому, прочел молитву.

– Что ты делаешь? – спросил Дик.

– Я молюсь за ее душу, – ответил Мэтчем.

– За душу ведьмы? – воскликнул Дик. – Впрочем, помолись за нее, если угодно; она была лучшая девушка в Европе, эта Жанна д'Арк. Старый стрелок Аппльярд рассказывал, что он бежал от нее, как от нечистой силы. Да, она была храбрая девушка.

– Ну, добрый мастер Ричард, – вернулся Мэтчем к прежнему разговору, – ты не настоящий мужчина, если так сильно не любишь девушек, потому что Бог нарочно создал всех попарно и послал в мир истинную любовь для ободрения мужчин и утешения женщин.

– Фу! – сказал Дик. – Ты – ребенок, молокосос, что обращаешь такое внимание на женщин. А если ты считаешь, что я не настоящий мужчина, то сойди на дорогу, и я докажу, что я мужчина, чем угодно: кулаками, мечом или стрелой.

– Я вовсе не боец, – поспешно проговорил Мэтчем. – Я не хотел обидеть тебя. Я просто пошутил. Если же я заговорил о женщинах, то потому, что слышал, будто ты женишься.

– Я женюсь! – вскрикнул Дик. – В первый раз слышу это! А на ком же я женюсь?

– На некоей Джоанне Седлей, – краснея проговорил Мэтчем. – Это дело рук сэра Даниэля; за устройство этой свадьбы он рассчитывает получить с обеих сторон. А я слышал, что бедная девушка страшно огорчена мыслью об этом браке. Она, кажется, разделяет твое мнение, а может быть, жених неприятен ей.

– Ну, брак что смерть, от него не уйдешь, – покорно проговорил Дик. – А она огорчается? Ну, посуди сам, что за ветреницы эти девушки – огорчается раньше, чем увидела меня? Отчего же я не огорчаюсь? Если я буду жениться, то уже с сухими глазами! Но если ты знаешь ее, то скажи, какова она? Красива или некрасива? Дурного характера или хорошего?

– А зачем тебе это? – сказал Мэтчем. – Если тебе надо жениться, то и женись. Не все ли равно, красива она или некрасива? Ведь это пустяки. Ты не молокосос, мастер Ричард; ведь ты женишься, не проронив ни слезинки.

– Хорошо сказано, – заметил Шельтон. – Мне это решительно все равно.

– Приятный муж будет у твоей жены, – сказал Мэтчем.

– У нее будет такой муж, какого пошлет ей Господь, – возразил Дик. – Я думаю, бывают и худшие, и лучшие.

– Ах, бедная девушка! – вскрикнул Джон.

– Почему уж такая бедная? – спросил Дик.

– Да потому, что ей придется выходить за человека, сделанного из дерева, – ответил его товарищ. – О, Боже мой, такой деревянный муж!

– А ведь я и в самом деле человек из дерева, – сказал Дик, – потому что плетусь пешком, а ты едешь на моей лошади; но я думаю, что, если я из дерева, то из хорошего.

– Прости меня, добрый Дик, – живо проговорил юноша. – Нет, ты добрейший человек в Англии. Я только пошутил. Прости меня, милый Дик.

– Ну, без глупостей, – возразил Дик, несколько смущенный горячностью своего товарища. – Ничего дурного не вышло. Я не обидчив, хвала святым.

В эту минуту ветер, дувший им в спину, донес до них резкие звуки трубы сэра Даниэля.

– Слушай! – сказал Дик. – Это звучит труба.

– Ах! – сказал Мэтчем. – Мое бегство открыто, а у меня нет лошади! – и он побледнел как смерть.

– Ну, смелее! – сказал Дик. – Ты сильно обогнал их, а мы уже близко к перевозу. А вот у меня так действительно нет лошади.

– Увы, меня поймают! – кричал беглец. – Дик, добрый Дик, умоляю тебя, помоги мне!

– Ну, что такое с тобой? – сказал Дик. – Мне кажется, я помогаю тебе очень усердно. Но мне жаль такого трусливого малого! Ну, так слушай же, Джон Мэтчем, – если твое имя действительно Джон Мэтчем, – я, Ричард Шельтон, будь что будет, во что бы то ни стало доставлю тебя невредимым в Холивуд. Пусть святые накажут меня, если я покину тебя. Ну,

ободрись-ка, бледнолицый сэр. Дорога здесь лучше; пришпорь лошадь. Быстрее! Быстрее! Не обращай внимания на меня; я могу бежать как олень.

Лошадь бежала крупной рысью; Дик легко поспевал за ней. Таким образом они проехали остальную часть болота и добрались до хижины перевозчика на берегу реки.

Глава III
Перевоз у болота

Широкая, медленно струившаяся река Тилль, с глинистым руслом, вытекала из болот и в этой части своего течения вилась среди двух десятков болотистых островков, поросших ивами.

Река была мутная, но в это светлое, чудное утро все казалось прекрасным. На поверхности ее виднелась сильная рябь, а небо отражалось улыбающимися, разорванными кусками голубого цвета.

У самой дорожки была маленькая бухта; хижина перевозчика приютилась под самым берегом. Она была построена из ветвей и глины; зеленая трава росла на крыше.

Дик подошел к двери и отпер ее. Внутри хижины на старом, рваном, коричневом плаще растянулся перевозчик, человек большого роста, но худой и изнуренный местной лихорадкой.

– Э, мастер Шельтон, – сказал он, – вы собираетесь переехать на ту сторону? Плохие времена, плохие времена! Берегитесь. Тут разгуливают молодцы из одной шайки. Поверните лучше пятки и попробуйте пробраться по мосту.

– Нет, в седле скорее, – ответил Дик. – Время не терпит, Гуг. Я очень тороплюсь.

– Своенравный малый! – сказал, вставая, перевозчик. – Счастливы вы, если вам удастся добраться до Моот-Хауса, больше я ничего не скажу. Кто это? – прибавил он, заметив Мэтчема, и прищурив глаза, остановился на пороге своей хижины.

– Это мой родственник, мастер Мэтчем, – ответил Дик.

– Здравствуй, добрейший перевозчик, – сказал Мэтчем, который сошел с лошади и подошел к разговаривавшим, ведя лошадь за повод, – пожалуйста, спусти лодку, мы очень торопимся.

Худой перевозчик продолжал пристально смотреть на него.

– Клянусь мессой! – наконец крикнул он и расхохотался во все горло.

Мэтчем вспыхнул до ушей и нахмурился. Дик с разгневанным лицом положил руку на шею невежи.

– Это что такое, грубиян! – крикнул он. – Займись своим делом и перестань насмехаться над людьми познатнее тебя!

Гуг ворча отвязал свою лодку и спустил ее в глубокую воду, недалеко от берега. Дик ввел лошадь в бухту, Мэтчем последовал за ним.

– Вы очень уж малы, мастер, – сказал Гуг, осклабив зубы, – вероятно, для вас была сделана отдельная мерка. Ну, мастер Шельтон, я готов, – прибавил он, берясь за весла. – И кошка может смотреть на короля. Я только мельком взглянул на мастера Мэтчема.

– Ни слова более, негодяй! – сказал Дик. – Принимайся за дело.

К этому времени они были у выхода из бухты, откуда открывался вид вверх и вниз по реке, на которой повсюду были разбросаны островки. Глинистые берега вдавались в реку; ивы кивали своими верхушками, тростник качался по ветру. На всем водном лабиринте не было видно признака присутствия человека.

– Мастер, – сказал Гуг, правя лодкой одним веслом. – Я сильно подозреваю, что на острове находится Джон-а-Фенн. Он питает злобу ко всем, кто имеет отношение к сэру Даниэлю. Что, если бы подняться по реке? Я высадил бы вас на расстоянии полета стрелы над дорожкой. Вам лучше не иметь дела с Джоном Фенном.

– Почему? Разве он принадлежит к этой шайке?

– Ну, я молчу, – сказал Гуг, – но я поднялся бы вверх по воде, Дик. Что, если какая-нибудь стрела да попадет в мастера Мэтчема? – и он снова расхохотался.

– Пусть будет по-твоему, Гуг, – ответил Дик.

– Ну, так смотрите, – сказал Гуг, – когда так, снимите-ка свой арбалет, вот так: теперь натяните тетиву хорошо, положите стрелу. Ну, держите и смотрите на меня посуровее.

– Что это значит? – спросил Дик.

– Ну, мой мастер, если я перевезу вас, то должен сделать это только насильно или со страху, – ответил перевозчик, – потому что, если Джон Фенн узнает об этом, то соседство его будет крайне неприятно мне.

– Разве эти негодяи имеют такую силу? – спросил Дик. – Разве они распоряжаются и паромом, и лодкой сэра Даниэля?

– Ну, – шепнул, подмигивая, Гуг, – запомни мои слова! Сэр Даниэль падет. Его время прошло. Он падет. Молчание. – И он нагнулся над веслами.

Они долго плыли по реке, обогнули мыс одного из островов и тихо спустились по узкому каналу вблизи противоположного берега. Тут Гуг направил лодку на середину реки.

– Я должен спустить вас здесь, между ив, – сказал он.

– Тут нет тропинки, тут только болота, покрытые ивами, да трясины, – заметил Дик.

– Мастер Шельтон, – ответил Гуг, – я не смею везти вас дальше, ради вас самих. Он караулит у перевоза с луком наготове. Он подстреливает как кроликов всех, кто идет мимо, если они расположены к сэру Даниэлю. Я слышал, как он клялся Распятием. Не знай я вас давно, когда вы были вот таким, я не повез бы вас, но ради прежних дней и потому, что с вами игрушка, не годная ни для ран, ни для войны, я рискнул обоими моими ушами, чтобы перевезти вас. Удовольствуйтесь этим, больше я ничего не могу сделать, клянусь спасением моей души!

Гуг еще говорил, налегая на весла, когда среди ив на острове раздался громкий крик, и послышался шум, как будто сильный человек пробирался сквозь чащу леса.

– Чтоб тебе сдохнуть! – крикнул Гуг. – Он был все это время на верхнем острове. – Он направил лодку прямо к берегу. – Грози мне луком, добрый Дик, грози так, чтобы это было видно, – прибавил он. – Я старался спасти ваши шкуры, спаси теперь мою.

Лодка с треском влетела в чащу ив. Мэтчем, бледный, но решительный и проворный, пробежал, по знаку Дика, по камням и выскочил на берег. Дик взял лошадь за повод и хотел последовать его примеру, но застрял в чаще благодаря величине животного и густоте деревьев. Лошадь ржала и била ногами, а лодка, колыхавшаяся от прибоя, закачалась еще сильнее.

– Нельзя, Гуг, нельзя пристать тут! – крикнул он, продолжая, однако, отважно бороться с упрямой чащей и испуганным животным.

На берегу острова показался высокий человек с луком в руке. Дик искоса взглянул на него и увидел, что он с трудом натягивал тетиву. Лицо его раскраснелось от волнения.

– Кто идет? – громко закричал он. – Гуг, кто идет?

– Это мастер Шельтон, Джон, – ответил перевозчик.

– Стой, Дик Шельтон! – крикнул человек на острове. – Я не сделаю тебе вреда, клянусь Распятием! Стой! Отъезжай, Гуг!

Дик ответил насмешкой.

– Ну, тогда ты пойдешь пешком, – ответил незнакомец и пустил стрелу.

Пораженная стрелой, лошадь забилась от боли и ужаса; лодка опрокинулась, и в одно мгновение сидевшие в ней очутились в реке, борясь с течением.

Когда Дик выплыл на поверхность воды, он был на расстоянии ярда от берега; прежде чем он мог ясно разглядеть что-нибудь, он ухватился за какой-то твердый предмет, который сейчас же потащил его за собою. Это был хлыст, ловко брошенный ему Мэтчемом, повисшим на спустившейся над водой ивой.

– Клянусь мессой! – сказал Дик, когда Мэтчем помог ему выбраться на берег. – Я обязан тебе жизнью. Я плаваю, как ядро. – И он сейчас же направился к острову.

Гуг плыл рядом со своей опрокинутой лодкой и был уже на середине реки; Джон-а-Фенн в гневе на неудачу выстрела кричал, чтобы он поторопился.

– Ну, Джек, побежим, – сказал Шельтон. – Прежде чем Гугу удастся вытащить свою лодку и обоим им привести ее в порядок, мы можем убежать от них.

И, подтверждая слова примером, он побежал, пробираясь между ив, а в болотистых местах перескакивая с кочки на кочку. Ему некогда было рассматривать, куда он бежит; он думал только о том, как убежать подальше от реки, и вложил в бег все силы своей души.

Наконец местность стала выше, что убедило Дика в верности принятого им направления; вскоре товарищи добрались до покрытого травой склона; тут ивы стали перемешиваться с вязами.

Вдруг Мэтчем, который все время тащился вдали, бросился на землю.

– Оставь меня, Дик! – задыхаясь, крикнул он. – Я не могу больше.

Дик обернулся и подошел к лежавшему товарищу.

– Как, Джек… оставить тебя! – сказал он. – Это было бы подло с моей стороны после того, как ты рисковал попасть под выстрел, выкупаться в реке и даже утонуть, чтобы спасти мою жизнь. Да, утонуть, потому что только святым известно, почему я не утащил тебя за собой.

– Ну, – сказал Мэтчем, – я спас бы обоих, потому что умею плавать.

– В самом деле? – спросил Дик, широко раскрывая глаза. Это был единственный из мужских талантов, к которому он был совершенно не способен. В ряду талантов, которыми он восхищался, умение плавать стояло на втором месте после умения убить противника в поединке. – Вот, – сказал он, – хороший урок: не следует презирать ни одного человека. Я обещался охранять тебя до самого Холивуда, а клянусь Распятием, Джек, ты скорее можешь охранять меня.

– Ну, Дик, мы теперь друзья с тобой, – сказал Мэтчем.

– Да мы никогда и не были недругами, – ответил Дик. – Ты в своем роде хороший мальчик, хотя несколько похож на бабу. Я никогда не встречал никого, кто походил бы на тебя. Но, пожалуйста, переведи дух и пойдем дальше. Тут не место для болтовни.

– У меня очень болит нога, – сказал Мэтчем.

– Да, я забыл о твоей ноге, – ответил Дик. – Ну, значит, нам надо идти осторожнее. Хотелось бы мне знать, где мы. Я совершенно потерял тропинку; впрочем, может быть, это и лучше. Если стерегут у перевоза, то, может быть, стерегут и тропинку. Хотелось бы мне, чтобы сэр Даниэль вернулся сюда с сорока людьми; он разметал бы этих негодяев, как ветер рассеивает листья. Ну, Джек, обопрись о мое плечо, бедняга. Нет, ты недостаточно высок для этого. Сколько тебе лет? Готов побиться о заклад, двенадцать?

– Нет, мне шестнадцать, – сказал Мэтчем.

– Ну, ты мал для своих лет, – ответил Дик. – Возьми мою руку. Мы пойдем тихо, не бойся. Я обязан тебе жизнью, Джек, а я умею одинаково хорошо отплачивать за добро, как и за зло.

Они стали подыматься по откосу.

– Рано или поздно мы должны выйти на дорогу, – продолжал Дик, – и тогда двинемся вперед. Клянусь мессой! Какая у тебя слабая рука, Джек! Я бы стыдился, если бы у меня была такая рука. Знаешь, что я скажу тебе? – с внезапным смехом проговорил он. – Клянусь мессой, мне кажется, что Гуг, перевозчик, принял тебя за девушку!

– Нет, не может быть! – вскрикнул Мэтчем, сильно краснея.

– А я готов побиться об заклад, что это так! – настаивал Дик. – Да и нельзя винить его. Ты больше похож на девушку, чем на мужчину. Больше скажу тебе: для мальчика у тебя

странный вид, а для девушки, Джек, ты был бы совсем красив, право. Ты был бы хорошенькой девушкой.

– Ну, – сказал Мэтчем, – ведь ты отлично знаешь, что я не девушка.

– Да, знаю, я шучу, – сказал Дик. – Ты будешь настоящим мужчиной, мой храбрый. Смотри, еще какие совершишь подвиги. А знаешь что? Мне было бы ужасно любопытно узнать, кто из нас, Джек, будет первым посвящен в рыцари? «Сэр Ричард Шельтон, рыцарь» – это красиво звучит. Но и «сэр Джон Мэтчем» звучит недурно.

– Пожалуйста, Дик, остановись, дай мне напиться, – сказал его приятель, останавливаясь у светлого ручейка, вытекавшего из холма прямо в песчаное углубление, величиной не более кармана. – И… о, Дик, если бы я мог поесть чего-нибудь! У меня даже сердце болит от голода.

– Да что, ты не поел, что ли, в Кеттлее, дурачок? – спросил Дик.

– Я дал обет. Я был введен в грех, – пробормотал Мэтчем, – но теперь я с радостью поел бы сухого хлеба.

– Так садись и ешь, – сказал Дик, – покуда я пойду разыскивать дорогу.

Он вынул из-за пояса сумку, в которой был хлеб и куски копченой свиной грудинки. Мэтчем с жадностью набросился на еду, а Дик пошел в чащу деревьев.

Немного дальше была лощинка, где ручеек пробивался среди сухих листьев; еще дальше деревья становились выше и стояли на большем расстоянии друг от друга; ива и вяз стали заменяться дубом и буком. Беспрерывный шелест листьев деревьев, колеблемых ветром, заглушал звуки его шагов; эти звуки представляли для слуха то же, что безлунная ночь для глаза, но Дик все же шел чрезвычайно осторожно, прокрадываясь от одного толстого дерева к другому и зорко оглядываясь по сторонам. Внезапно в зарослях перед ним промелькнула лань, словно тень. Он остановился в гневе на несчастную случайность. Эта часть леса была, наверно, пустынна, но теперь, когда бедная лань побежала, она являлась как бы вестником, посланным им, чтобы предупредить об опасности, и вместо того, чтобы идти дальше, Дик вернулся к ближайшему высокому дереву и стал быстро взбираться на него.

Счастье улыбнулось ему. Дуб, на который он влез, был одним из самых высоких в этой части леса и возвышался над своими соседями на шесть футов с половиной.

Когда Дик добрался до самого высокого разветвления и повис там, раскачиваясь с головокружительной быстротой на сильном ветру, он увидел за собой всю болотистую равнину вплоть до Кеттлея, и Тилль, извивавшийся среди лесистых островков, а впереди белую линию большой дороги, проходившую по лесу. Лодка была поднята – теперь она была на половине пути к перевозу. Но за этим исключением не было ни признака присутствия человека, не слышно ничего, кроме шума ветра. Он только собрался спуститься с дерева, как, бросив взгляд, увидел ряд точек посреди болота. Очевидно, какой-то маленький отряд переходил плотину быстрым шагом; это несколько встревожило Дика; он быстро спустился и вернулся к своему товарищу.

Глава IV
Лесные удальцы

Между тем Мэтчем отдохнул и ожил. Приятели, встревоженные тем, что видел Дик, поспешно прошли остальную часть леса, беспрепятственно перешли через дорогу и начали подыматься на возвышенность, на которой был расположен Тонсталльский лес. Везде попадались рощи, между которыми виднелись места, поросшие вереском, дроком, песчаные и покрытые старыми тисами. Почва становилась все более неровной; постоянно встречались углубления и кочки. И с каждым шагом выше ветер дул все более резко, а деревья гнулись под его порывами, словно лесы удочек.

Беглецы только что вышли на одну из полянок, как Дик внезапно бросился на землю, уткнув лицо в терновник, и медленно пополз назад в тень чащи. Мэтчем, хотя и сильно удивленный, так как не видел причины бегства, последовал примеру товарища. Только тогда, когда оба добрались до гостеприимной чащи, он повернулся и попросил объяснения.

Вместо ответа Дик показал пальцем.

В дальнем конце лужайки, высоко возвышаясь над всем соседним лесом, старая ель отчетливо выделялась на светлом небе своей мрачной зеленью. Футов на пятьдесят от земли ствол рос прямо, напоминая массивную колонну. На этой вышине он разветвлялся на два огромных сука: в их разветвлении, словно мачта на корабле, стоял человек в зеленой одежде, зорко вглядывавшийся во все стороны. Солнце ярко освещало его волосы; одной рукой он прикрывал глаза и в то же время медленно покачивал головой то в одну сторону, то в другую с правильностью машины. Мальчики переглянулись.

– Попробуем идти налево, – сказал Дик, – мы чуть было не попались, Джек.

Через десять минут они вышли на проторенную дорожку.

– Я не знаю этой части леса, – заметил Дик. – Куда ведет эта дорожка?

– Попробуем все-таки пойти по ней, – сказал Мэтчем.

Через несколько ярдов дорожка дошла до вершины хребта и стала круто спускаться к впадине, напоминавшей своей формой чашу. У подножия холма, среди густой чащи цветущего боярышника, две или три крыши с обозначившимися стропилами, как бы почерневшими от огня, и высокая труба указывали развалины дома.

– Что бы это могло быть? – шепнул Мэтчем.

– Клянусь мессой, не знаю, – ответил Дик. – Я совершенно потерялся. Но все же идем смело вперед.

С бьющимися сердцами они спустились среди кустов боярышника. По пути им попадались следы недавней жизни: фруктовые деревья и огородные овощи росли в диком виде в роще; солнечные часы валялись на траве; приятелям казалось, что тут был прежде сад. Пройдя еще немного, они очутились перед развалинами какого-то дома.

Должно быть, дом был некогда красивый и крепко выстроенный. Он был обнесен сухим рвом, заполненным обломками камней; вместо моста перекинуто упавшее бревно. Две стены дома еще стояли, и лучи солнца пробивались сквозь пустые окна; но остальная часть здания рухнула и лежала в груде развалин, почерневших от огня. Несколько кустиков растений уже зеленели внутри, между щелями.

– Я вспомнил, – прошептал Дик, – это, должно быть, Гримстон. Он принадлежал некоему Симону Мельмсбери; сэр Даниэль был причиной его гибели! Беннет Хэтч сжег дом пять лет тому назад. По правде сказать, мне было очень жалко, так как дом был очень красив.

Внизу, во впадине, куда не достигал ветер, было тихо и тепло; Мэтчем положил руку на плечо Дика и поднял палец в знак предостережения.

– Тс! – сказал он.

Какой-то странный звук нарушил тишину. Он повторился два раза, прежде чем слушатели уяснили себе его происхождение. То прочищал горло какой-то человек. Немедленно за этим хриплый, нескладный голос запел:

«И встал тогда хозяин, король всех сорванцов,
И молвил: «Что вам надо среди этих лесов?»
А Гамелин ответил – он не бывал смущен: —
«Тот, кому город тесен, в лесу гуляет он…»

Певец остановился; раздался легкий лязг железа, и затем наступило молчание.

Мальчики стояли, глядя друг на друга. Кто бы ни был их невидимый сосед, он находился как раз по ту сторону развалин. Внезапно краска залила лицо Мэтчема; в следующее мгновение он перешел по упавшему бревну и стал осторожно влезать на огромную кучу мусора, наполнявшую внутренность разрушенного дома. Дик удержал бы его, если бы поспел вовремя; теперь же ему оставалось только следовать за товарищем.

В углу развалины два бревна упали накрест, образовав пустое пространство. Через него и спустились в безмолвии мальчики. Они спрятались так, что их совершенно не было видно, и через дырочку, проделанную стрелой, могли видеть все, что происходило на другой стороне.

Заглянув в дырочку, товарищи онемели от ужаса при мысли о положении, в которое они попали. Возвратиться назад было невозможно; они едва смели дышать. На самом краю рва, футах в тридцати от места, где они скрывались, железный котел кипел и дымился над ярко горевшим костром; а совсем рядом с ним, прислушиваясь, словно до него донесся шум, произведенный ими при спуске, стоял высокий, краснолицый, очень тощий человек с железной ложкой в правой руке, с рогом и страшным кинжалом за поясом. Очевидно это и был певец; ясно было, что он мешал в котле, когда чьи-то неосторожные шаги по мусору донеслись до его слуха. Немного дальше другой человек дремал, завернувшись в коричневый плащ; над лицом его порхала бабочка. Вся эта сцена происходила на поляне, белой от маргариток; в самой отдаленной части ее, на цветущем боярышнике, висел лук, колчан со стрелами и остаток туши оленя.

Незнакомец перестал прислушиваться, поднял ложку ко рту, попробовал ее содержимое и снова начал мешать в котле и петь.

– «Тот, кому город тесен, в лесу гуляет он»…

– прокаркал он, возвращаясь к тем словам, на которых остановился.

«О, сэр, мы здесь в лесу зла делать не хотим,
Лань королевскую лишь разве подстрелим».

Продолжая петь, он брал время от времени ложку похлебки, дул на нее и пробовал с видом опытного повара. Наконец он, должно быть, решил, что похлебка готова, вынул из-за пояса рог и протрубил в него три раза.

Спавший проснулся, повернулся на другой бок, отогнал бабочку и огляделся вокруг.

– Что такое, брат? – сказал он. – Обед?

– Да, болван, – ответил повар, – обед, обед всухомятку, без эля и хлеба. Теперь мало удовольствий в зеленом лесу; было время, когда хороший малый мог жить здесь, словно аббат в митре, вдали от дождей и белых холодов; у него бывало вдоволь эля и вина. Но теперь

отважный дух угас в людях; этот Джон Мститель, Боже спаси и сохрани нас, не что иное, как пугало для ворон.

– Ну, Лаулесс, – возразил собеседник, – ты слишком много обращаешь внимания на еду и питье. Погоди немного, придет хорошее время.

– Видишь, я жду этого хорошего времени с тех пор, как был вот таким, – ответил повар. – Я был францисканским монахом; был королевским стрелком; был матросом и плавал по соленым морям; бывал, черт возьми, и лесным бродягой, и стрелял королевских оленей. И что же вышло из всего этого? Ничего! Лучше бы я остался в монастыре. Аббат Джон значит более, чем Джон Мститель. Клянусь Пречистой Девой! Вот и они.

На поляне один за другим показались высокие, пригожие молодцы. Каждый из них, вынув нож и роговую чашку, брал себе похлебки из котла и усаживался на траву. Одежда и вооружение их отличались большим разнообразием: некоторые были в грубых рубахах, и все оружие их состояло из ножа и старого лука; другие были одеты по самой лесной моде – в шапках и куртках из темно-зеленого сукна, с нарядными стрелами, украшенными перьями, за поясом, рогом на перевязи, мечом и кинжалом сбоку. Они приходили безмолвные от голода и, еле буркнув какое-то приветствие, сейчас же набрасывались на еду.

Их собралось уже человек около двадцати, когда звуки сдержанных радостных восклицаний раздались вблизи, среди кустов боярышника, и немедленно вслед за этим на поляну вышли пять-шесть человек, несших носилки. Высокий, крепкий человек с легкой сединой в волосах, с цветом лица, напоминавшим прокопченный окорок, шел впереди с авторитетным видом; за спиной у него был лук, в руке – рогатина.

– Ну, добрые молодцы! – крикнул он. – Мои веселые друзья, вы тут свистели на сухой дудке и жили скудно. Но что я всегда говорил? Имейте терпение, судьба всегда может обернуться к лучшему. И вот ее первенец – славный эль!

Послышался гул одобрительных возгласов, когда носильщики опустили носилки, на которых оказался бочонок больших размеров.

– А теперь поторопитесь, братцы, – продолжал пришедший. – Нам предстоит работа. К перевозу только что подошла группа стрелков; они в одеждах темно-красного и синего цвета; все они – мишень для нас; все должны попробовать наших стрел; ни один из них не должен пробиться через этот лес. Братцы, здесь нас около пятидесяти сильных человек, и каждому из нас нанесена тяжелая обида: кто потерял свои земли, кто – друзей; некоторые лишены прав и изгнаны, все угнетены! Кто же сделал это зло? Сэр Даниэль, клянусь Распятием! Неужели же он воспользуется плодами своих преступлений? Неужели будет уютно сидеть в наших домах? Вспахивать наши поля? Будет сосать украденную у нас кость? Полагаю, нет. Он пользуется силой закона; выигрывает процессы, но есть один процесс, которого он не выиграет, – у меня тут за поясом такая бумага, которая, если будет угодно святым, победит его.

Повар к этому времени пил уже второй рог эля. Он поднял его как бы в знак приветствия оратору.

– Мастер Эллис, – сказал он, – вы стоите за месть, как и следует вам; но ваш бедный брат по зеленому лесу, которому незачем ни жалеть о потерянных землях, ни думать о друзьях, со своей жалкой точки зрения, помышляет о прибыли, которую можно получить от этого. Он предпочитает благородное золото и четырехпинтовый сосуд с вином Канарских островов всякой мести в мире.

– Лаулесс, – ответил оратор, – чтобы достигнуть Моот-Хауса, сэр Даниэль должен проехать через лес. Черт возьми! Этот путь обойдется ему дороже всякой битвы. Потом, когда он останется с жалкой горстью людей, которой удастся спастись от нас, когда все его знатные друзья падут или обратятся в бегство, и некому будет помочь ему, мы окружим со всех

сторону эту старую лисицу, и велико будет его падение. Это жирная добыча; ее хватит на обед всем нам.

– Эх, – сказал Лаулесс, – много я едал таких обедов, но приготовить их трудная работа, добрый мастер Эллис. А пока, что мы делаем? Изготовляем черные стрелы, пишем стихи и пьем свежую холодную воду – пренеприятный напиток.

– Ты ненадежен, Уилль Лаулесс. От тебя все еще отдает запахом кладовой францисканцев; жадность погубит тебя, – заметил Эллис. – Мы взяли двадцать фунтов от Аппльярда. Мы взяли семь марок вчера у гонца. День тому назад мы получили пятьдесят от купца.

– А сегодня, – сказал один из присутствующих, – я остановил толстого продавца индульгенций, скакавшего в Холивуд. Вот его кошелек.

Эллис сосчитал содержимое кошелька.

– Сто шиллингов! – проворчал он. – Дурак, у него, наверное, было больше запрятано в сандалиях или зашито в капюшоне. Ты еще ребенок, Том Кьюкоу; ты упустил рыбку.

Но несмотря на все, Эллис небрежно опустил кошелек в карман. Он стоял, опираясь на рогатину и оглядывал остальных. Сидя в различных позах, они жадно ели суп из дичи и обильно запивали его элем. День удался хороший; счастье улыбалось им; но надо было спешить, и они быстро справлялись с едой. Те, что пришли раньше, уже покончили с обедом. Некоторые легли на траву и сейчас же заснули, словно удавы; другие болтали между собой и осматривали оружие. Один из собеседников, в особенно веселом настроении, запел, держа в руках рог с элем:

«Не знаем закона средь наших лесов,
И голод нам здесь незнаком:
Всегда здесь олень нам на пищу готов.
Здесь летом все весело, тихо кругом.

Когда же настанут здесь бури, дожди,
Зима с собой снег принесет —
Тихонько, спустив капюшон, уходи
Домой, где очаг тебя ждет».

В это время мальчики лежали и слушали; только Ричард снял свой арбалет и приготовил крюк, чтобы натянуть тетиву. Они не смели двинуться, и эта сцена из лесной жизни происходила на их глазах, словно в театре. Но вдруг в этом пиршестве наступил перерыв. Высокая дымовая труба, возвышавшаяся над остатками развалин, находилась как раз над их головами. Вдруг в воздухе раздался свист, затем кромкий удар, и куски сломанной стрелы пролетели мимо ушей мальчиков. Кто-то, может быть, часовой на ели, пустил стрелу в трубу.

Мэтчем не мог удержаться от легкого крика, который он заглушил сейчас же; даже Дик вздрогнул и выпустил крюк. Очевидно, это был сигнал для собравшихся на поляне людей. В одно мгновение все они были на ногах, начали стягивать пояса, пробовали тетивы, вынимали из ножен мечи и кинжалы. Эллис поднял руку; лицо его внезапно приняло выражение дикой энергии; белки глаз блестели на загорелом лице.

– Молодцы, – сказал он, – вы знаете ваши места. Не дайте ускользнуть ни одной человеческой душе. Аппльярд – выпивка перед едой; теперь мы подходим к самому столу. Я хочу хорошенько отомстить за трех людей: за Гарри Шельтона, Симона Мельмсбери и, – ударяя себя по широкой груди, – за Эллиса Декуорса, клянусь мессой!

Какой-то человек, весь красный от волнения, прибежал через кусты терновника.

– Это не сэр Даниэль, – задыхаясь, проговорил он. – Их только семеро. Стрела долетела до вас?

– Только что прилетела, – ответил Эллис.

– Черт побери! – крикнул гонец. – Мне послышался ее свист. А я-то должен отправиться без обеда.

В течение одной минуты члены «Черной Стрелы», кто бегом, кто быстрыми шагами, смотря по тому, кто где находился, покинули стоянку у разрушенного дома; и только котел, потухавший костер и остов мертвого оленя на кусте боярышника указывали, что они были тут.

Глава V
Кровожаден, как охотничий пес

Мальчики лежали смирно, пока последние шаги не заглушил шум ветра. Тогда они встали и с большим трудом, так как очень устали от неудобного положения, в котором им пришлось лежать, проползли по развалинам и перешли снова через ров по бревну. Мэтчем поднял крюк и прошел первым; Дик следовал за ним с арбалетом в руке.

– А теперь вперед, в Холивуд, – сказал Мэтчем.

– В Холивуд! – вскрикнул Дик. – В то время, когда будут избивать хороших людей? Только не я! Я лучше согласен видеть тебя повешенным, Джек!

– Так ты бросишь меня, бросишь? – спросил Мэтчем.

– Что делать! Приходится, – ответил Дик. – Если я не поспею предупредить их, я умру вместе с ними. Как! Неужели ты хотел бы, чтобы я бросил людей, среди которых жил? Полагаю, нет. Дай мне мой крюк!

Но Мэтчем вовсе не собирался исполнить это приказание.

– Дик, – сказал он, – ты поклялся перед святыми, что доставишь меня здоровым и невредимым в Холивуд. Неужели ты откажешься от своих слов? Неужели покинешь меня как клятвопреступник?

– Нет, я клялся от души, – ответил Дик. – И хотел выполнить свою клятву. Знаешь что, Джек, иди со мной; дай мне только предупредить этих людей и, если будет нужно, пострелять с ними, потом, когда все прояснится, я пойду в Холивуд и сдержу свою клятву.

– Ты насмехаешься надо мной, – сказал Мэтчем. – Те люди, которым ты хочешь помогать, ищут моей погибели.

Дик почесал голову.

– Я не могу поступить иначе, Джек, – сказал он. – Тут нет другого средства. Тебе не грозит большая опасность, мой милый, а они стоят на пути к смерти. Смерть! – повторил он. – Подумай об этом! Черт побери, зачем ты задерживаешь меня здесь? Дай мне крюк. Клянусь святым Георгием, неужели все они должны умереть?

– Ричард Шельтон, – сказал Мэтчем, пристально смотря ему в лицо, – неужели ты присоединишься к партии сэра Даниэля? Разве у тебя нет ушей? Разве ты не слышал, что говорил этот Эллис? Или у тебя нет сердца для твоих кровных и для твоего отца, убитого этими людьми? «Гарри Шельтон», сказал он, а что Гарри Шельтон был твоим отцом – это так же верно, как то, что солнце светит на небе.

– Чего ты от меня хочешь? – крикнул Дик. – Неужели ты хочешь, чтобы я поверил ворам?

– Я слышал это и раньше, – сказал Мзтчем. – Молва о том, что его убил сэр Даниэль, сильно распространена здесь. Он убил его, преступив клятву; он пролил невинную кровь у него же в доме. Небо жаждет отмщения за это убийство, а ты – сын этого человека – идешь утешать и защищать его убийцу!

– Джек! – вскрикнул мальчик. – Я не знаю. Может быть, это и было так, почем я знаю! Но видишь, этот человек воспитал меня, кормил; с его людьми я охотился, играл с ними, и вдруг оставить их в час опасности. О, милый, если бы я сделал это, то был бы совершенно лишен чести! Джек, не проси меня, ты не захотел бы видеть что я поступаю низко.

– Но твой отец, Дик? – несколько колеблясь, проговорил Мэтчем. – Твой отец? И твоя клятва мне? Ты взял в свидетели святых.

– Мой отец? – сказал Шельтон. – Он был бы за то, чтобы я пошел туда! Если сэр Даниэль убил его, то эта рука убьет сэра Даниэля, когда настанет час, но в опасности я не покину ни его, ни его людей. А что касается моей клятвы, то ты, добрый Джек, избавишь меня от

нее. Ради спасения жизни многих людей, не сделавших тебе никакого зла, и ради моей чести ты освободишь меня.

– Я освобожу тебя, Дик? Никогда! – ответил Мэтчем. – Если ты бросишь меня, ты нарушишь клятву, и я объявлю это всем.

– Кровь моя кипит! – сказал Дик. – Отдай мне крюк! Отдай его мне!

– Не отдам, – сказал Мэтчем, – я спасу тебя помимо твоей воли.

– Не отдашь? – крикнул Дик. – Я заставлю тебя отдать!

– Попробуй! – сказал Мэтчем.

Они стояли, смотря в глаза друг другу, готовые броситься. Дик сделал прыжок, Мэтчем сейчас же повернулся и побежал, но Дик нагнал его двумя прыжками, вырвал у него из рук крюк, грубо бросил мальчика на землю и встал над ним разгоряченный, грозно занеся кулак. Мэтчем лежал там, где упал, лицом в траву, не думая сопротивляться.

Дик натянул тетиву.

– Я покажу тебе! – бешено кричал он. – Без клятвы или с клятвой, мне все равно, будь ты повешен!

Он повернулся и побежал. Мэтчем сразу вскочил на ноги и бросился за ним.

– Что тебе нужно? – крикнул Дик, остановившись. – Чего ты бежишь за мной? Убирайся прочь!

– Я могу идти за тобой, если мне угодно, – сказал Мэтчем. – Лес открыт для меня.

– Отойди, клянусь Пречистой Девой! – сказал Дик, подымая арбалет.

– Ах, какой ты храбрый мальчик! – возразил Мэтчем. – Стреляй.

Дик опустил в смущении арбалет.

– Смотри, – сказал он. – Ты сделал мне достаточно зла, иди подобру-поздорову своей дорогой, а то мне невольно придется прогнать тебя.

– Хорошо, – упрямо проговорил Мэтчем. – Ты сильнее из нас двух. Сделай самое худшее. Я все равно не перестану идти за тобой, Дик, разве что тебе удастся силой заставить меня уйти.

Дик был почти вне себя от бешенства. Ему было совестно побить такое беззащитное существо, а между тем он, хоть убей, не знал другого способа отделаться от нежеланного и, как ему начало казаться, неверного товарища.

– Мне кажется, ты с ума сошел! – крикнул он. – Дурачок, ведь я спешу к твоим врагам, я пойду к ним так скоро, как только могут меня нести ноги.

– Мне все равно, Дик, – ответил мальчик, – если тебе суждено умереть, Дик, я также умру. Я предпочитаю идти с тобой в тюрьму, чем быть свободным без тебя.

– Ну, – сказал Дик, – мне некогда стоять тут и болтать. Иди за мной, если уже тебе так нужно, но если изменишь мне, то плохо тебе придется, запомни это. Я пристрелю тебя.

Сказав это, Дик снова пустился бежать, придерживаясь опушки чащи и зорко оглядываясь по сторонам. Он выскочил из лощины в более открытую часть леса. Налево показалась небольшая возвышенность, покрытая золотистым дроком и увенчанная группой черных елей.

– Отсюда я могу увидеть что-нибудь, – подумал Дик, направляясь по покрытой вереском поляне.

Он прошел только несколько ярдов, как вдруг Мэтчем дотронулся до его плеча и указал ему вдаль. К востоку от возвышенности почва опускалась и переходила в долину; вереск еще не отцвел, и вся поверхность походила на заржавленный, невычищенный щит, на котором редкие вязы казались пятнами. Там Дик увидел человек пять в зеленых куртках, подымавшихся на холм; во главе их, заметный по рогатине в руках, шел сам Эллис Декуорс. Один за другим они достигали вершины, взглядывали на небо и потом исчезали на противоположной стороне.

Дик посмотрел на Мэтчема более ласковым взглядом.

– Так ты будешь верен мне, Джек? – спросил он. – Я думал, что ты принадлежишь к другой партии.

Мэтчем зарыдал.

– Это еще что! – крикнул Дик. – Святые угодники! Что ты хнычешь из-за одного слова.

– Ты сделал мне больно, – проговорил, рыдая, Мэтчем. – Ты сделал мне больно, когда бросил на землю. Ты трус, потому что злоупотребляешь своей силой.

– Ну, это дурацкая болтовня, – грубо сказал Дик. – Ты не имеешь никаких прав на мой крюк, мастер Джон. Я хорошо бы сделал, если бы отколотил тебя как следует. Если пойдешь со мной, то должен меня слушаться. Тогда идем.

Мэтчем раздумывал, не остаться ли ему, но видя, что Дик шагает к возвышенности и ни разу не оглянулся в его сторону, передумал и побежал вслед. Но поверхность была чрезвычайно неровная и крутая; Дик далеко обогнал его, к тому же он бежал гораздо скорее и давно уже взобрался на вершину, прополз между елей и спрятался в заросли дрока, когда Мэтчем, задыхаясь, словно загнанный олень, добрался до него и молча улегся рядом с ним.

Внизу, в конце большой долины, короткая дорога от деревушки Тонсталль спускалась к перевозу. Она была хорошо проторена, и глазам легко было следить за ней по всему протяжению. Она окаймлялась то просеками, то лесом; через каждые сто ярдов в ней могла встретиться засада. Далеко внизу дорожки солнце ярко отсвечивало от семи стальных шлемов, а по временам, когда деревья редели, можно было видеть Сельдена и его людей, которые быстро скакали, исполняя приказание сэра Даниэля.

Ветер немного утих, но продолжал весело играть деревьями; может быть, если бы с отрядом находился Аппльярд, он увидел бы предостережение в беспокойстве птиц.

– Теперь заметь, – шепнул Дик. – Они уже достаточно далеко заехали в лес; спасение их зависит от того, продвинутся ли они вперед. Видишь вон то место, где широкая просека сбегает вниз, а в середине ее десятка два деревьев образуют как бы остров? Там они были бы в безопасности. Только бы им добраться туда здоровыми и невредимыми; я постараюсь предупредить их. Но я предчувствую несчастье: их только семеро против многочисленных врагов, и вооружены они луками. А арбалет, Джек, всегда одержит победу над луком.

Между тем Сельден и его спутники продолжали пробираться по дорожке, не подозревая о грозившей им опасности, и постепенно приближались к месту, где скрывались мальчики.

Один раз они остановились, собрались в кучку и, казалось, прислушивались, указывая на какую-то точку. Но внимание их, очевидно, было привлечено тем, что происходило очень далеко, на равнине – глухим ревом пушки, доносившимся по временам ветром и говорившим о большом сражении. Конечно, было о чем подумать: если голос больших пушек стал слышен в Тонсталльском лесу, то битва, должно быть, отодвигалась восточнее, и, очевидно, счастье обернулось против сэра Даниэля и лордов алой розы.

Но вот маленький отряд снова двинулся и дошел до очень открытой части дороги, покрытой вереском, куда вдавалась только узкая полоса леса. Они только что поравнялись с ней, как в воздухе мелькнула стрела. Один из людей всплеснул руками, лошадь его попятилась, оба упали и катались вместе по земле. Даже оттуда, где лежали мальчики, слышен был гул человеческих голосов; они увидели, как испуганные лошади становились на дыбы. Наконец отряд несколько оправился от изумления, и один из всадников стал сходить с коня. Вторая стрела, пущенная издали, сверкнула, описав пологую дугу, – второй всадник упал на землю. Сходивший с лошади человек упустил повод, лошадь его понеслась галопом, таща его за ногу вдоль дороги, причем он ударялся о каждый камень и попадал под копыта. Четверо оставшихся в седле немедленно рассыпались в разные стороны; один повернулся и с криком поскакал к перевозу; остальные трое, бросив поводья, с развевающимися одеждами

помчались вверх по дороге, шедшей из Тонсталля. Из-за каждой группы деревьев, мимо которой они скакали, в них летела стрела. Скоро упала одна из лошадей, но всадник вскочил на ноги и продолжал следовать за товарищами, пока второй выстрел не уложил его. Упал еще человек; потом его лошадь; из всего отряда остался только один человек, и тот без лошади; шум галопировавших в разные стороны лошадей без всадников быстро замирал в пространстве.

За все это время не показался ни один из нападающих. Местами на дороге валялись люди и лошади в смертельной агонии, но ни один милосердный враг не вышел из своего убежища, чтобы избавить их от страданий.

Оставшийся в живых человек стоял, пораженный, рядом со своим павшим конем. Он прошел вдоль широкой полянки с островком из леса, на который указывал Дик. Он был на расстоянии приблизительно пятисот ярдов от того места, где спрятались мальчики, и они могли видеть, как он оглядывался вокруг в ожидании смерти. Но ничего не произошло, и к несчастному вернулось его мужество. Вдруг он снял свой арбалет и натянул тетиву. В ту же минуту он сделал движение, по которому Дик узнал Сельдена.

При этой попытке к сопротивлению в чаще леса вокруг Сельдена раздался хохот. По крайней мере, человек двадцать – в засаде сидело наибольшее количество людей – приняли участие в этом жестоком и несвоевременном веселье. Потом стрела пролетела мимо плеча Сельдена, он прыгнул и отскочил немного назад. Другая стрела, дрожа, упала у его ног. Он бросился под прикрытие деревьев. Третья стрела полетела прямо в лицо ему и упала недалеко от него. И хохот повторился снова, раздаваясь эхом в различных местах чащи.

Ясно было, что нападающие только дразнили несчастного, как люди в те времена дразнили бедного быка, или как кошка и теперь играет с мышкой. Стычка уже окончилась; дальше по дороге человек в одежде зеленого цвета спокойно собирал стрелы, а остальные доставляли себе жестокое удовольствие смотреть на муки грешника, своего ближнего.

Сельден понял, в чем дело; с гневным криком он положил на плечо свой арбалет и послал наудачу стрелу в лес. Случай помог ему: в чаще раздался легкий крик. Сельден бросил свое оружие ипобежал вперед вдоль просеки, почти прямо к тому месту, где скрывались Дик и Мзтчем.

Члены шайки «Черной Стрелы» начали стрелять не на шутку. Но они получили по заслугам: счастье отвернулось от них; большинству пришлось стрелять против солнца, а Сельден на бегу перепрыгивал с одной стороны на другую, чтобы обмануть их и не дать им верно прицелиться. Более того, повернув вдоль просеки, он расстроил все планы врагов; там не было расставлено стрелков, кроме того, которого он только что убил или ранил. Очевидно, между нападавшими произошло смятение. Раздался свисток, повторенный сначала три, потом два раза. В ответ на них раздались свистки с другой стороны. Лес с обеих сторон наполнился звуками шагов людей, которые пробирались сквозь заросли. Перепуганная лань выбежала на полянку, постояла одно мгновение на трех ногах и потом снова исчезла в чаще.

Сельден продолжал бежать, перебегая с одной стороны на другую; временами его преследовали стрелы, но все они не попадали в цель. Казалось, что ему удастся остаться невредимым. Дик держал наготове свой арбалет, чтобы помочь ему; даже Мэтчем забыл о своих интересах и в душе сочувствовал бедному беглецу. Оба мальчика дрожали и горели от глубокого волнения.

Сельден был ярдах в пятидесяти от них, когда в него попала стрела и он упал. В то же мгновение он поднялся на ноги, побежал шатаясь, словно слепой, в другую сторону.

Дик вскочил на ноги.

– Сюда! – крикнул он, махая рукой. – В эту сторону! Тут есть помощь! Беги, малый… Беги.

Но как раз в эту минуту вторая стрела попала в плечо Сельдену между пластинками его лат и прошла сквозь кафтан. Он упал на землю.

– Бедняга! – вскрикнул Мэтчем, сжимая руки.

Дик словно окаменел; стоя на холме, он представлял собою удобную мишень для стрельбы.

Он наверно был бы немедленно убит, потому что преследователи были вне себя от ярости на свою неудачу и от негодования на неожиданное появление Дика в тылу их позиции, но вдруг из лесу – в поразительно близком расстоянии от мальчиков – раздался громовой голос – голос Эллиса Декуорса.

– Остановитесь! – кричал он. – Не стреляйте! Возьмите его живым! Это молодой Шельтон, сын Гарри.

Сейчас же раздался пронзительный свист, повторенный несколько раз и передававшийся все дальше и дальше. Свист, по-видимому, исполнял у Джона Мстителя роль боевой трубы, посредством которой он отдавал свои приказания.

– Ах, беда! – крикнул Дик. – Мы пропали. Скорее, Джек, скорее!

Мальчики повернулись и побежали назад через группу сосновых деревьев, покрывавших вершину холма.

Глава VI
До конца дня

Действительно, мальчикам пора было бежать. Члены шайки «Черной Стрелы» устремлялись на холм со всех сторон. Те, кто умели лучше бегать или которым приходилось бежать по ровной местности, далеко опередили остальных и были уже близки к цели; бежавшие по долинам рассеялись направо и налево, окружая мальчиков с обеих сторон.

Дик бросился в первое попавшееся место. То была роща высоких дубов, с твердой почвой, без зарослей. Так как она спускалась вниз по холму, то мальчики могли бежать очень быстро. Затем шла открытая лужайка. Дик избегнул ее, повернув налево. Через две минуты им встретилось такое же препятствие, и мальчики избегли его таким же способом. В конце концов вышло, что мальчики, держась постоянно влево, все более и более приближались к большой дороге и реке, через которую они переплыли час или два тому назад, а большинство их преследователей уклонилось в другую сторону и бежало к Тонсталлю.

Мальчики остановились, чтобы передохнуть. Шум преследования прекратился. Дик приложил ухо к земле, и все же ничего не было слышно. Однако ветер по-прежнему шумел в деревьях, и потому трудно было убедиться, действительно ли настала тишина.

– Вперед! – сказал Дик, несмотря на усталость и на то, что Мэтчем продолжал хромать на больную ногу; они собрали все свое мужество и снова бросились вниз по холму.

Три минуты спустя они бежали через чащу плотно сомкнутого вершинами леса. Над их головами высокие деревья образовали густой покров листвы. Как бы поддерживаемая колоннами чаща леса, высокая, как кафедральный собор, была открыта и удобна для бегства, за исключением кустов остролиста, через которые приходилось пробираться мальчикам.

Пробравшись на другую сторону через последние кусты остролиста, они очутились опять на открытом месте.

– Стой! – крикнул чей-то голос.

И среди толстых стволов, менее чем в пятидесяти футах перед собой, они увидели толстого малого в зеленой одежде, который сейчас же вложил стрелу в лук и прицелился. Мэтчем с криком остановился. Дик, не останавливаясь, бросился прямо к нему, выхватывая на ходу кинжал. Был ли незнакомец поражен смелостью нападения или связан какими-нибудь приказаниями, неизвестно как бы то ни было, он не выстрелил и стоял, очевидно, колеблясь. Прежде чем он успел опомниться, Дик бросился на него, схватил его за горло и опрокинул навзничь на землю. Стрела отлетела в одну сторону, лук с громким звоном в другую. Обезоруженный лесной житель схватил напавшего на него мальчика; но в воздухе два раза сверкнул и опустился кинжал. Послышались стоны, и Дик поднялся на ноги. Незнакомец лежал неподвижно, пораженный в сердце.

– Вперед! – сказал Дик. Он бросился вперед; Мэтчем еле тащился за ним. Сказать правду, они бежали не очень быстро, так как это было очень трудно для них; они ловили ртом воздух, словно рыбы. Мэтчем чувствовал сильные боли в боку; голова у него кружилась. Колени Дика были как будто налиты свинцом. Но мальчики старались бежать с не уменьшавшимся мужеством.

Наконец, они добрались до конца чащи. Она кончалась внезапно, и в нескольких ярдах перед ними лежала большая дорога из Райзингэма в Шорби, шедшая между двумя ровными стенами леса.

При виде дороги Дик остановился и лишь только перестав бежать, услышал какой-то неясный шум, постепенно усиливавшийся. Сначала этот шум походил на порыв очень сильного ветра, но вскоре стал более определенным: послышался топот галопирующих лошадей, и в одно мгновение целый отряд воинов обогнул угол, промчался мимо мальчиков и

исчез мгновенно. Всадники ехали в полном беспорядке, очевидно, спасаясь; некоторые из них были ранены; лошади без всадников скакали рядом, с окровавленными седлами. Очевидно, то были беглецы с поля большого сражения.

Топот лошадей только что начал замирать в стороне Шорби, как снова послышался стук копыт, и по дороге проскакал еще беглец – на этот раз одинокий всадник и – судя по его великолепным латам – человек высокого положения. Сейчас же за ним следовали фуры обоза; лошади, понукаемые возницами, как будто дело шло о спасении жизни, бежали неуклюжей рысью. Очевидно, эти люди бежали заблаговременно с поля сражения; но трусость не спасла их. Только что они поравнялись с местом, где стояли удивленные мальчики, какой-то человек в изрубленных латах, по-видимому, вне себя от бешенства, нагнал фуры и начал избивать погонщиков рукояткой меча. Некоторые из них вскочили с мест и убежали в лес; он продолжал избивать сидевших, проклиная их все время как трусов, почти нечеловеческим голосом.

Все это время шум в отдалении усиливался; ветер доносил скрип телег, топот лошадей, крики людей, какой-то смутный, постепенно усиливавшийся шум. Ясно было, что целая армия хлынула, словно наводнение, на дорогу.

Дик стоял, мрачно задумавшись. Он намеревался идти по большой дороге, до поворота к Холивуду, а теперь ему приходилось изменять план. Но главное – он узнал цвета графа Райзингэма и понял, что приверженцы Ланкастерской розы потерпели полное поражение. Был ли сэр Даниэль с ними? И если да, бежал ли он, разбит ли он? Или он покинул сторону Йорка и изменил чести? И то, и другое было плохо.

– Пойдем, – сурово проговорил он и, повернувшись, пошел вперед по роще; Мэтчем заковылял вслед за ним.

Некоторое время они молча шли по лесу. Становилось поздно; солнце опускалось в долину Кеттлея; верхушки деревьев горели золотым светом; но тени уже становились темнее, и начинал чувствоваться ночной холод.

– Если бы было что поесть! – вдруг проговорил, останавливаясь, Дик.

Мэтчем сел и заплакал.

– Ты можешь плакать из-за ужина, а когда нужно было спасать жизнь людям, так сердце у тебя было довольно равнодушное, – презрительно проговорил Дик, – у тебя на совести семь смертей, мастер Джон; я никогда не прощу тебя за это.

– Совесть! – вскрикнул Мэтчем, смотря на Дика с яростью в глазах. – Моя совесть! А у тебя на кинжале красная человеческая кровь! И за что ты убил его, бедного? Он вытащил стрелу, но не пустил ее, он держал тебя в своих руках и пощадил! Нужно столько же храбрости, чтобы убить котенка, сколько для убийства беззащитного человека.

Дик онемел от изумления.

– Я убил его в честном бою. Я бросился после того, как он поднял лук, – закричал он.

– Это был удар труса, – возразил Мэтчем. – Ты просто грубый хвастун, мастер Дик; ты только пользуешься удобным случаем; покажись кто-нибудь посильнее, ты будешь валяться у него в ногах! Ты не думаешь и о мести, потому что смерть твоего отца остается неотмщенной, и его бедный дух требует справедливого возмездия. Но если в твои руки попадет бедное существо, у которого нет ни искусства, ни силы, она должна погибнуть.

Дик был слишком взбешен, чтобы обратить внимание на слово «она».

– Черт побери, вот так новости! – крикнул он. – Из каждых двух человек один бывает сильнее другого. Сильный побеждает слабейшего, и поделом ему. Ты заслуживаешь, чтобы я побил тебя, мастер Мэтчем за твою необузданность и неблагодарность ко мне; и ты получишь то, что заслужил.

И Дик, умевший в самом сильном гневе сохранять наружное спокойствие, стал расстегивать пояс.

Мэтчем удержал слезы; он был бледен как полотно, но смело смотрел в лицо Дику и не двигался с места. Дик сделал шаг вперед, размахивая поясом, и остановился, смущенный взглядом больших глаз и худым усталым лицом товарища. Мужество начало изменять ему.

– Скажи, что ты был не прав, – запинаясь, проговорил он.

– Нет, я был прав, – сказал Мэтчем. – Ну, иди, жестокий! Я хромаю; я устал; я не сопротивляюсь; я не сделал тебе никакого вреда; так побей меня, трус!

При этих последних вызывающих словах Дик поднял пояс; но Мэтчем вздрогнул и скорчился в таком ужасе, что у Дика снова не хватило смелости. Рука с поясом упала, и он стоял в нерешительности, чувствуя себя глупцом.

– Черт тебя побери, проклятый! – сказал он. – Если ты так слаб телом, то тем более должен сдерживать свой язык. Пусть меня повесят, если я побью тебя! – надевая пояс, продолжал он. – Побить я тебя не побью, но простить – никогда не прощу. Я не знал тебя; ты был врагом моего господина; я одолжил тебе моего коня; ты съел мой обед; ты назвал меня человеком из дерева, трусом и хвастуном. Ну, клянусь мессой, чаша терпения переполнилась. Признаюсь, великая вещь быть слабым: можно совершить самый дурной поступок, и никто не накажет тебя; можно украсть у человека оружие в минуту нужды, а человек, у которого оно украдено, не может взять его обратно – ведь ты слаб, черт возьми! Значит, если кто-нибудь направит на тебя копье и крикнет тебе, что у него силы мало, так ты и дашь ему пронзить тебя! Экая дичь!

– А все же ты не бьешь меня, – возразил Мэтчем.

– Пусть будет так, – сказал Дик, – пусть будет. Я научу тебя кое-чему. Мне кажется, тебя плохо воспитывали, но в тебе есть хорошие задатки. К тому же, ты, несомненно, спас меня… Впрочем, нет, я забыл это; я так же неблагодарен, как ты. Однако идем вперед. Если ты хочешь попасть в Холивуд сегодня вечером, или рано утром завтра, то нам лучше поторопиться.

Дик совершенно пришел в себя и говорил с обычным добродушием. Но Мэтчем не простил ему ничего. Жестокость Дика, воспоминание об убитом им человеке, самое главное – эпизод с поясом – все это было нелегко забыть.

– Благодарю вас, – из вежливости сказал Мэтчем, – но, право, добрый мастер Шельтон, я предпочитаю найти дорогу один. Лес велик; пусть каждый из нас выберет себе путь; я обязан вам за обед и урок. Прощайте!

– Ну, – крикнул Дик, – если такова твоя песня – пусть так и будет, и чума тебя возьми!

Они разошлись и пошли в разные стороны, не думая о направлении, каждый погруженный в мысли о ссоре. Но не сделал Дик и десяти шагов, как услышал свое имя; Мэтчем подбежал к нему.

– Дик, – сказал он, – было бы невежливо расстаться так холодно. Вот моя рука и вместе с ней мое сердце. За все, что ты сделал для меня, за то, что так помог мне, благодарю тебя не из вежливости только, а от всего сердца. Всего хорошего.

– Ну, малый, – сказал Дик, беря протянутую руку, – желаю тебе успеха, но сильно сомневаюсь в нем. Ты слишком любишь спорить.

Они расстались во второй раз, и на этот раз Дик побежал за Мэтчемом.

– Вот, – сказал он, – возьми мой арбалет, нельзя идти невооруженным.

– Арбалет! – сказал Мэтчем. – Нет, мальчик, у меня нет ни силы натянуть его, ни уменья прицелиться. Это не помогло бы мне, добрый мальчик. Но все же я благодарю тебя.

Наступила ночь, и под деревьями они не могли разглядеть лиц друг друга.

– Я пройду немного с тобой, – сказал Дик. – Ночь темна. Мне бы не хотелось оставлять тебя на этой тропинке. Мне кажется, ты можешь заблудиться.

Не разговаривая больше, он пошел вперед, и Мэтчем снова последовал за ним. Тьма становилась все гуще и гуще; иногда только на открытых местах мальчики видели небо, усе-

янное мелкими звездами. Издали продолжал доноситься слабый шум бегства ланкастерской армии, но с каждым шагом они удалялись от него.

После получаса молчаливой ходьбы они вышли на большое открытое место, поросшее вереском. Полянка, покрытая папоротниками, с островками из групп тисовых деревьев, слабо освещалась звездами. Тут мальчики остановились и взглянули друг на друга.

– Ты устал? – спросил Дик.

– Да, я так устал, – ответил Мэтчем, – что кажется, готов лечь и умереть.

– Я слышу журчанье реки, – сказал Дик, – дойдем до нее; мне страшно хочется пить.

Местность медленно понижалась. Действительно, внизу мальчики нашли журчащую речку, бежавшую между ивами. Оба бросились на берег и, вытянув губы на уровень блестевшей от звезд поверхности воды, напились всласть.

– Дик, – сказал Мэтчем, – я не могу больше.

– Я видел, когда мы спускались, какую-то яму, – сказал Дик. – Ляжем там и заснем.

– О, с большим удовольствием! – вскрякнул Мэтчем.

Яма была песчаная и сухая; с одной стороны ее прикрывала группа терновых кустов, росшая над ней; мальчики легли, крепко прижавшись друг к другу для тепла и совершенно забыв о своей ссоре. Скоро сон сошел на них, словно облако, и они мирно заснули на росе под звездами.

Глава VII
Закрытое лицо

Они проснулись на рассвете; птицы еще не пели, а только чирикали в лесу; солнце еще не взошло, но на востоке небо было покрыто красивыми разноцветными полосами. Полуголодные, измученные от усталости, они лежали неподвижно, испытывая чувство восхитительной истомы. Внезапно до слуха их донесся звук колокольчика.

– Колокольчик! – сказал, вставая, Дик. – Неужели мы так близко от Холивуда?

Спустя немного времени раздался звук колокольчика, но на этот раз несколько ближе; и с этих пор он продолжал звучать отрывисто в утреннем молчании, приближаясь все ближе и ближе.

– Что бы это могло значить? – сказал Дик, который проснулся совсем.

– Это идет кто-то, – ответил Мэтчем, – колокольчик звенит при каждом его движении.

– Я сам понимаю это, – сказал Дик. – Но для чего? Что делает он в Тонсталльских лесах? Джек, – прибавил он, – смейся надо мной, если хочешь, но мне не нравится этот глухой звук.

– Да, – сказал Мэтчем, и дрожь пробежала по его телу, – в нем есть что-то печальное. Если бы не наступил день…

Но как раз в это мгновение колокольчик зазвучал быстрее и отчетливее, потом издал громкий, нестройный звук и замолк на некоторое время.

– Тот, кто идет с колокольчиком, как будто бежал некоторое время и потом бросился в воду, – заметил Дик.

– А теперь он снова пошел тише, – прибавил Мэтчем.

– Нет, – возразил Дик, – не так уж тихо, Джек. Этот человек идет очень скоро. Он или боится за свою жизнь, или спешит по какому-нибудь делу. Разве ты не замечаешь, как быстро приближаются шаги?

– Они совсем близко, – сказал Мэтчем.

Мальчики стояли на краю ямы, а так как она находилась на возвышении, то перед ними открывался вид на большую часть прогалины вплоть до окружавших ее густых лесов.

При дневном свете, очень ясном, хотя небо было серо, мальчики увидели тропинку, извивавшуюся белой лентой среди дроков. Судя по ее направлению, Дик решил, что она должна более или менее прямо вести к Моот-Хаусу.

На тропинке показалась белая фигура, вышедшая с опушки леса. Она остановилась немного, видимо, оглядываясь по сторонам; потом медленно, согнувшись почти вдвое, пошла через вереск, приближаясь к месту, где находились мальчики. Колокольчик звенел при каждом ее шаге. Лица у фигуры не было; белый капюшон, в котором не были даже прорезаны дырочки для глаз, закрывал голову; неведомое существо, по-видимому, ощупывало дорогу палкой.

Смертельный ужас охватил мальчиков.

– Прокаженный! – проговорил Дик слабым голосом.

– Его прикосновение – смерть, – сказал Мэтчем, – бежим.

– Нет, – возразил Дик, – разве ты не видишь, что он совсем слепой? Он ощупывает дорогу палкой. Будем лежать смирно; ветер дует в сторону тропинки; он пройдет мимо, не сделав нам вреда. Увы, бедняк, нам следует пожалеть его!

– Я пожалею его, когда он пройдет мимо, – ответил Мэтчем.

Слепой прокаженный прошел уже полпути до них. Взошло солнце и осветило его закрытое лицо. До своей отвратительной болезни он был, видимо, высокого роста и даже теперь шел уверенной походкой сильного человека. Печальный звон колокольчика, стук

палки, покрывало без дырочек для глаз на лице, сознание, что он не только приговорен к смерти и страданиям, но навсегда осужден не прикасаться к ближним, – все это наполнило ужасом сердца мальчиков, и с каждым шагом, приближавшим его к ним, мужество и силы покидали их.

Незнакомец поравнялся с ямой, остановился и повернул лицо прямо в сторону мальчиков.

– Святая Дева, защити меня! Он видит нас! – слабым голосом сказал Мэтчем.

– Тс! – шепнул Дик. – Он только прислушивается. Ведь он слеп, дурачок!

Прокаженный смотрел или слушал; как бы то ни било, он простоял несколько секунд на одном месте. Потом он пошел дальше, но снова остановился, повернулся и как будто взглянул на мальчиков. Даже Дик смертельно побледнел и закрыл глаза, точно мог заразиться от одного взгляда прокаженного. Но вскоре зазвучал колокольчик, и на этот раз прокаженный без малейшего колебания прошел остальную часть маленькой прогалины и исчез под сенью леса.

– Он видел нас, – сказал Мэтчем, – я готов поклясться в этом!

– Вздор! – возразил Дик, который несколько оправился от страха. – Он только слышал нас. Он сам боялся, бедняк! Будь ты слеп и ходи постоянно во мраке, ты сам испугался бы, если бы хрустнула ветвь, или зачирикала птица.

– Дик, добрый Дик, он видел нас, – повторил Мэтчем. – Когда человек прислушивается, он поступает не так, как этот, а совсем иначе. Он видел, а не слышал. У него злые намерения. Вот послушай, ведь колокольчик не звонит больше.

Действительно, то была правда. Колокольчик не звонил больше.

– Да, мне не нравится это, – сказал Дик. – Да, – крикнул он, – мне очень не нравится это. Что бы это могло значить? Идем скорее!

– Он пошел к востоку, – прибавил Мэтчем. – Добрый Дик, пойдем прямо на запад. Я вздохну свободно только тогда, когда повернусь спиной к этому прокаженному.

– Ты слишком труслив, Джек, – возразил Дик. – Мы пойдем прямо в Холивуд, т. е. по крайней мере настолько, насколько я могу вести тебя, и, значит, на север.

Они поднялись, прошли по камням через реку и начали взбираться на противоположный берег, который подымался более круто к опушке леса. Местность стала очень неровной: поминутно встречались то бугорки, то впадины; деревья стояли то отдельно, то группами. Становилось трудно выбирать дорогу, и мальчики шли несколько наугад. К тому же они устали от вчерашних усилий и недостатка пищи и тяжело тащили ноги по песку.

Взойдя на холмик, они вдруг увидели прокаженного, который переходил дорогу по впадине в нескольких стах футов впереди них. Колокольчик безмолвствовал, палка более не стучала по земле; он шел быстрой, уверенной походкой зрячего человека. В следующее мгновение он исчез в маленькой роще.

При первом взгляде на прокаженного мальчики спрятались за кустиком дрока и продолжали лежать там, пораженные ужасом.

– Наверно, он преследует нас, – сказал Дик, – наверно. Ты видел, он придерживал рукой язычок у колокольчика, чтобы он не звонил? Ну, да помогут нам все святые и да научат нас! У меня нет сил бороться с заразой!

– Что он делает? – проговорил Мэтчем. – Что нужно ему? Кто слышал, чтобы прокаженный стал преследовать несчастных лишь по злобе? Ведь колокольчик у него именно для того, чтобы люди могли избегать его? Дик, тут скрывается что-то более серьезное.

– Мне все равно, – со стоном сказал Дик, – сила моя пропала; ноги – словно вода. Да помогут мне святые!

– Неужели ты будешь лежать тут? – крикнул Мэтчем. – Пойдем назад на открытое место. Там нам удобнее; он не может подкрасться неожиданно.

– Я не могу, – сказал Дик, – мое время пришло; он может случайно пройти мимо.

– Ну, так натяни мне твой арбалет! – вскрикнул Мэтчем. – Будь же мужчиной!

Дик перекрестился.

– Неужели ты хочешь, чтобы я стрелял в прокаженного? – сказал он. – У меня рука не подымется на это… – Нет, – прибавил он, – будь что будет! Я буду драться с людьми, но не с призраками и прокаженными. Я не знаю, кто это! Но небо защитит нас от того или другого.

– Ну, – заметил Мэтчем, – если таково мужество мужчины, то что он за жалкое создание! Однако, если ты ничего не хочешь делать, то будем лежать смирно.

Колокольчик отрывисто звякнул.

– Он не удержал язычка, – шепнул Мэтчем. – Святые угодники! Как он близко от нас.

Дик ничего не ответил; от страха у него чуть не стучали зубы.

Скоро они увидели между кустиками кусок белой одежды; затем из-за пня высунулась голова прокаженного; казалось, он пристально оглядел окрестность, прежде чем удалиться. Для напряженных чувств мальчиков весь куст как бы ожил от шороха листьев и треска ветвей; оба они ясно слышали биение сердца друг друга.

Внезапно прокаженный с криком выскочил на ближайшую прогалину и побежал прямо на мальчиков. Громко крича, они бросились в разные стороны. Но их страшный враг живо догнал Мэтчема и схватил его так крепко, что он не имел возможности сопротивляться. Мальчик испустил отчаянный крик, раздавшийся далеко в лесу, и судорожно забился; потом члены его ослабли, и он упал без чувств на руки человека, который его схватил.

Дик услышал крик и обернулся. Он увидел, как упал Мэтчем, и бодрость духа и сила вернулись к нему. С криком сожаления и гнева он снял свой арбалет и натянул его. Но прежде, чем он успел выстрелить, прокаженный остановил его, подняв руку.

– Погоди стрелять, Дикон! – крикнул знакомый голос. – Погоди стрелять, безумный смельчак! Неужели ты не узнаешь друга?

Прокаженный положил Мэтчема на землю, снял с лица капюшон, и перед Диком явились знакомые черты сэра Даниэля Брэклея.

– Сэр Даниэль! – вскрикнул Дик.

– Да, клянусь мессой, сэр Даниэль! – сказал рыцарь. – Ты что же это вздумал стрелять в своего опекуна, плут? Но вот этот… – Тут он прервал себя и спросил, указывая на Мэтчема: – Как имя его, Дик?

– Я зову его мастер Мэтчем, – сказал Дик. – Разве вы его не знаете? Он говорил, что вы его знаете.

– Да, – ответил сэр Даниэль, – я знаю этого мальчика, – и усмехнулся. – Но он потерял сознание, и, правду сказать, было из-за чего. Да, Дик? Ведь я напугал вас до смерти, не правда ли?

– Да, сэр Даниэль, напугали, – сказал Дик, вздыхая при одном воспоминании. – Ну, сэр, извините, я, право, охотнее встретился бы с самим дьяволом и, по правде сказать, дрожу еще до сих пор. Но что заставило вас одеться так, сэр?

Чело сэра Даниэля внезапно омрачилось от гнева.

– Что заставило? – сказал он. – Хорошо, что ты напомнил мне об этом. Что? Я прятался в своем собственном Тонсталльском лесу ради спасения жизни, Дик. Мы поспели не вовремя к сражению – как раз, чтобы принять участие в бегстве. Где все мои славные воины? Клянусь мессой, не знаю, Дик. Мы были смяты, выстрелы градом падали на нас; я не видел ни одного человека в одежде моих цветов с тех пор, как трое упали у меня на глазах. Что касается меня, я добрался невредимым до Шорби и, помня о «Черной Стреле», достал себе эту одежду и колокольчик и тихо пошел по дороге к Моот-Хаусу. Никакое переодевание не может сравниться с этим; звон этого колокольчика напугает самого храброго молодца в лесу; все они бледнеют, когда слышат его. Наконец я дошел до тебя и Мэтчема. Я плохо видел

через капюшон и не был уверен, что это вы; главное, по многим причинам я был удивлен, встретив вас вместе. Кроме того, я боялся открыться на полянке, где должен был идти медленно, постукивая палкой. Но взгляни, бедняга начинает оживать немного. Глоток хорошего вина с Канарских островов подбодрит его.

Рыцарь вынул из-под своей длинной одежды большую бутылку и начал растирать виски и смачивать губы мальчика, который постепенно начал приходить в сознание, переводя тусклый взгляд с одного на другого из стоявших перед ним людей.

– Ободрись, Джек! – сказал Дик. – Это был вовсе не прокаженный, а сэр Даниэль! Посмотри сам!

– Проглоти-ка хорошенькую порцию вот этого напитка, – сказал рыцарь. – Это придаст тебе мужества. Потом я дам поесть вам обоим, и мы отправимся все трое в Тонсталль. Должен признаться по совести, Дик, – продолжал он, раскладывая на траве хлеб и мясо, – я не могу дождаться времени, когда буду в безопасности, в четырех стенах. С тех пор, как я в первый раз сел на коня, мне никогда не приходилось так плохо; в опасности моя жизнь, и имение, и средства существования, и в довершение всего меня преследуют эти лесные бродяги. Но я еще не сдаюсь. Некоторые из моих молодцов сумеют пробраться домой. У Хэтча десять человек; у Сельдена – шесть. Да, мы скоро снова станем сильными; и если мне удастся купить мир у счастливого и недостойного лорда Йорка, мы с тобой, Дик, будем снова людьми и станем опять разъезжать верхом.

Сказав это, рыцарь наполнил рог вином с Канарских островов и молча ответил на тост своего воспитанника.

– Сельден, – запинаясь пробормотал Дик, – Сельден… – Он снова остановился.

Сэр Даниэль опустил рог с вином, не попробовав его.

– Что такое? – крикнул он изменившимся голосом. – Сельден? Говори! Что с Сельденом?

Дик запинаясь рассказал о засаде и избиении приверженцев сэра Даниэля.

Рыцарь слушал молча; но лицо его судорожно подергивалось от гнева и печали.

– Клянусь моей правой рукой, я отомщу за это! – вскричал он. – Если мне не удастся, если я не пролью крови десяти человек за каждого из моих слуг, пусть отсохнет эта рука! Я сломал этого Декуорса как тростинку, разорил его; я сжег кров над его головой; я выгнал его из этой местности. Неужели же он снова вернется, чтобы оскорблять меня? Ну, Декуорс, на этот раз плохо придется тебе!

Он помолчал некоторое время; лицо его продолжало подергиваться.

– Ешьте! – вдруг вскрикнул он. – А ты, – прибавил он, обращаясь к Мэтчему, – поклянись мне, что последуешь за мной в Моот-Хаус.

– Клянусь моей честью! – ответил Мэтчем.

– Что мне делать с твоей честью! – крикнул рыцарь. – Поклянись мне счастием твоей матери.

Мэтчем дал требуемую клятву; сэр Даниэль спустил капюшон на лицо и приготовил колокольчик и палку. Это ужасное переодевание возбудило до известной степени чувство ужаса, пережитого его спутниками. Вскоре рыцарь поднялся на ноги.

– Ешьте скорее, – сказал он, – и быстро следуйте за мной в мой дом.

С этими словами он пошел к лесу, и вскоре звук колокольчика стал отсчитывать его шаги. Мальчики сидели, не дотрагиваясь до еды, и слушали, пока колокольчик не замер медленно вдали, на вершине холма.

– Итак, ты идешь в Тонсталль? – спросил Дик.

– Да, что сделать! – сказал Мэтчем. – Я храбрее за спиной сэра Даниэля, чем когда бываю лицом к лицу с ним.

Они спешно поеди и отправились по тропинке, которая шла по возвышенности, среди леса, где большие буки стояли в одиночку среди зеленых полянок, а птицы и белки резвились в их ветвях. Два часа спустя они спускались уже по другую сторону и среди верхушек деревьев увидели перед собой красные стены и крыши Тонсталльского дома.

– Здесь, – сказал, останавливаясь, Мэтчем, – ты простишься со своим другом Джеком, которого никогда уже больше не увидишь. Ну, Дик, прости ему все, что он сделал дурного, как он со своей стороны, радостно, с любовью прощает тебя.

– Почему? – спросил Дик. – Ведь мы оба идем в Тонсталль; я думаю, что буду видеть тебя там, и даже очень часто.

– Ты никогда больше не увидишь бедного Джека Мэтчема, – ответил мальчик, – он был так труслив и надоедлив, а все же вытащил тебя из реки; ты не увидишь его больше, Дик, клянусь честью! – Он открыл объятия; мальчики обнялись и поцеловались. – Знаешь, Дик, у меня дурное предчувствие, – продолжал Мэтчем. – Ты увидишь теперь нового сэра Даниэля: до сих пор все удавалось ему, и счастье сопутствовало ему; но, я думаю, теперь, когда его постиг злой рок и жизни его могут грозить всякие случайности, он окажется плохим господином для нас обоих. Он может быть храбр в сражении, но у него лживые глаза, у него в глазах страх, Дик, а страх жесток как волк! Мы идем в его дом. Святая Мария да выведет нас оттуда!

Они молча продолжали спускаться и наконец вышли к стоявшей в лесу твердыне сэра Даниэля – низкому, мрачному зданию с круглыми башнями по бокам, покрытому мхом, со рвом, поросшим лилиями.

Часть вторая
Моот-Хаус

Глава I
Дик задает вопросы

Моот-Хаус стоял недалеко от дороги, проложенной в лесу. Снаружи он представлял собою прямоугольник из красного камня, на каждом углу которого возвышалось по круглой башне с бойницами для стрельбы из лука и зубцами наверху. В середине был узкий двор. Через ров, приблизительно в двенадцать футов ширины, был перекинут подъемный мост. Ров наполнялся водой, проведенной посредством канавы из лесного пруда; защищать его было можно с зубцов двух южных башен. Вообще дом стоял удобно для защиты. На расстоянии, до которого может долететь стрела, пущенная из лука, виднелось несколько больших деревьев.

Во дворе Дик нашел часть гарнизона, деятельно готовившегося к защите и угрюмо обсуждавшего шансы ее. Кто делал стрелы, кто оттачивал давно не употреблявшиеся мечи, но работая, все покачивали головами.

Двенадцать человек из отряда сэра Даниэля спаслись с поля битвы, пробрались через леси явились в Моот-Хаус. Но из этой дюжины трое были тяжело ранены: двое при Райзингэме, во время беспорядочного бегства, один – часовыми Джона Мстителя в то время, как пересекал лес. Таким образом, гарнизон, считая Хэтча, сэра Даниэля и молодого Шельтона, состоял из двадцати двух человек. Можно было ожидать, что постоянно будут прибавляться новые силы. Поэтому опасность грозила не со стороны недостатка людей.

Страх перед «Черной Стрелой» – вот что угнетало дух гарнизона. В те времена постоянных перемен люди очень мало заботились о своих явных врагах – приверженцах партии Йорка. Как говорили тогда: «Мир перевернется прежде, чем придет беда». Но они дрожали перед своими соседями в лесу. Не один сэр Даниэль был отмечен их ненавистью. Его слуги, в сознании своей безнаказанности, жестоко обращались с жителями этой местности. Жесткие приказания и исполнялись жестко, и из маленькой группы людей, разговаривавших во дворе, не было ни одного не виновного в притеснении соседей или в варварском поступке. А теперь, благодаря случайностям войны, сэр Даниэль оказался неспособным защитить своих слуг, теперь, благодаря нескольким часам битвы, в которой не принимали участия многие из собеседников, все они стали достойными наказания, государственными изменниками, находящимися вне закона, небольшим отрядом в жалкой крепости, которую едва-ли удастся отстоять людям, подвергающимся справедливой мести своих жертв. Не было недостатка и в мрачных указаниях на то, что ожидало их.

В различное время, вечером и ночью, к воротам с громким ржанием прискакало не менее семи испуганных лошадей без всадников. Две из них принадлежали воинам из отряда Сельдена; пять – тем, кто выехал на поле сражения с сэром Даниэлем. Наконец, незадолго до рассвета, ко рву, шатаясь, подошел копьеносец, пронзенный тремя стрелами; он испустил дух, пока его внесли, но судя по словам, которые он говорил в агонии, он должен был быть последним, оставшимся в живых из значительного отряда.

Даже Хэтч, несмотря на загар, побледнел от тревоги. Он отвел Дика в сторону и, узнав от него судьбу Сельдена, упал на каменную скамью и заплакал. Остальные смотрели на него с удивлением и тревогой, сидя на стульях и приступочках в солнечном уголке двора, но никто не решился спросить о причине его волнения.

– Ну, мастер Шельтон, – наконец, проговорил Хэтч, – ну, что я говорил? Мы все уйдем один за другим. Сельден был мне словно брат родной. Он ушел вторым; ну, мы все пойдем за ним! Как это было в их негодных стихах: «Черную стрелу в черное сердце». Кажется, так? Аппльярд, Сельден, Смит, старый Гемфрей – все ушли, а там лежит бедный Джон Картер; бедный грешник все призывает священника.

Дик прислушался. Из низкого окна, у которого они разговаривали, долетали до его слуха стоны и шепот.

– Он лежит тут? – спросил он.

– Да, в комнате второго привратника, – ответил Хэтч. – Мы не могли нести его дальше, он так страдал душой и телом. С каждым толчком, когда мы поднимали его, он думал, что кончается. Но теперь, мне думается, он страдает больше душой. Он все время зовет священника, не понимая, почему не идет сэр Оливер. Исповедь будет длинная; бедному Аппльярду и бедному Сельдену не пришлось исповедаться.

Дик подошел к окну и заглянул в него. Маленькая келья была низка и темна, но он мог разглядеть раненого солдата, лежавшего на койке и стонавшего.

– Ну, как дела, бедный Картер? – спросил он.

– Мастер Шельтон, – взволнованным шепотом проговорил раненый, – ради Бога, приведите священника. Увы! Мне пришел конец, мне очень плохо, рана моя смертельна. Вы не можете оказать мне никакой другой услуги, это будет последняя. Ради спасения моей души, как настоящий джентльмен, поторопитесь; у меня на совести такое дело, которое может ввергнуть меня в пучину ада.

Он застонал, и Дик услышал, как он заскрежетал зубами от боли или ужаса.

Как раз в эту минуту сэр Даниэль показался на пороге залы. В руке у него было письмо.

– Ребята, – сказал он, – мы потерпели поражение; к чему отрицать это? Напротив, это заставляет нас еще скорее сесть на коней. Старый Гарри Шестой проиграл битву. Ну, так умоем руки. У меня есть близкий к герцогу человек – лорд Уэнслейдель, мой добрый друг. Ну, я написал письмо этому другу, прося его милости и обещая большое удовлетворение за прошлое и достаточно верное обеспечение в будущем. Не сомневайтесь, что он благосклонно выслушает нас. Мольба без даров все равно, что песня без музыки; я осыплю его обещаниями, ребята, я не скуплюсь на обещания. Чего же недостает? Очень важного! К чему мне обманывать вас? Важного и трудного: гонца, чтобы доставить это письмо. Леса, как вам известно, полны людей, желающих нам зла. Быстрота очень нужна, но без хитрости и осторожности ничего не выйдет. Кто же из вашего отряда возьмет это письмо, доставить его лорду Уэнслейделю и принесет мне ответ?

Немедленно поднялся один из присутствовавших.

– Я сделаю это, если вы желаете, – сказал он, – я готов даже рисковать шкурой.

– Нет, Дикки Боуер, – возразил рыцарь. – Это не нравится мне. Ты, правда, хитер, но недостаточно проворен. Ты всегда отстаешь от других.

– Ну, тогда я, сэр Даниэль! – крикнул другой.

– Боже упаси! – сказал рыцарь. – Ты проворен, но не хитер. Ты сразу попадешь в лагерь Джона Мстителя. Благодарю вас обоих за желание и смелость. Но вы не годитесь. Хотя предложил себя, но также получил отказ.

– Ты нужен мне здесь, добрый Беннет; ты ведь моя правая рука, – возразил рыцарь.

Наконец, из группы подошедших к нему людей сэр Даниэль выбрал одного и дал ему письмо.

– Ну, – сказал он, – мы все зависим от твоего проворства и осторожности. Принеси мне хороший ответ, и раньше чем через три недели я очищу мой лес от бродяг, которые смеют смеяться нам в лицо. Но заметь хорошенько, Трогмортон, дело нелегкое. Ты должен

выбраться ночью и пробираться как лисица; а как ты переберешься через Тилль, уж и не знаю: нельзя ни перейти через мост, ни переправиться в лодке.

– Я умею плавать, – сказал Трогмортон. – Не беспокойтесь, я вернусь благополучно.

– Ну, друг, ступай в кладовую, – ответил сэр Даниэль, – и поплавай прежде всего в темном эле. – С этими словами он повернулся и вышел из сеней.

– У сэра Даниэля мудрый язык, – заметил Хэтч Дику. – Право, многие из менее великих людей постарались бы замять дело, а он говорит правду своему отряду. Вот, говорит он, опасность, а вот и затруднение, и шутит, говоря это. Клянусь Распятием, он прирожденный вождь! Нет ни одного человека, которого он не подбодрил бы! Посмотрите, как все принялись за дело.

Это восхваление сэра Даниэля навело Дика на одну мысль.

– Беннет, – сказал он, – как умер мой отец?

– Не спрашивайте меня, – ответил Хэтч. – Я не был повинен в его смерти и ничего не знаю; да и больше того, я буду молчать, мастер Дик. Видите, человек может говорить о своих делах, но не о том, какие разговоры он слышит. Спрашивайте, если хотите, сэра Оливера… или Картера, а не меня.

Хэтч отправился в обход, оставив Дика в раздумье.

– Почему он не захотел сказать мне? – думал юноша. – И почему он назвал Картера? Картер… может быть, он принимал тут какое-нибудь участие.

Он вошел в дом и, пройдя немного по коридору с нависшими сводами, подошел к двери кельи, откуда доносились стоны раненого. Картер сильно вздрогнул, увидев его.

– Привели вы священника? – крикнул он.

– Нет еще, – ответил Дик. – Прежде вы должны сказать мне кое-что. Как умер мой отец, Гарри Шельтон?

Выражение лица раненого мгновенно изменилось.

– Не знаю, – угрюмо ответил он.

– Нет, вы хорошо знаете это, – возразил Дик. – Не старайтесь отделаться от меня.

– Говорю вам, не знаю, – повторил Картер.

– Ну, так вы умрете без исповеди, – сказал Дик. – Я здесь и останусь. Будьте уверены, к вам не придет никакой священник. Какая польза в раскаянии, если не думаешь загладить сделанное зло, а без раскаяния – исповедь только насмешка.

– Вы говорите то, чего не думаете, мистер Дик, – спокойно сказал Картер. – Дурно угрожать умирающему и (говоря по правде) не годится это делать вам. И кроме того, что это поведение непохвально, оно не принесет вам никакой пользы. Оставайтесь, если желаете. Вы можете погубить мою душу, вы ничего не узнаете! Это мое последнее слово вам. – И раненый повернулся на другой бок.

Честно говоря, Дик сказал эти слова необдуманно и ему самому стало стыдно своих угроз. Но он сделал последнее усилие.

– Картер, – сказал он, – поймите меня. Я знаю, что вы были только орудием в руках других; слуга должен повиноваться своему господину; я не могу покарать его. Но, с другой стороны, я узнаю, что на мне – юном и ничего не знающем – лежит великий долг, я должен отомстить за отца. Прошу вас, забудьте мои угрозы, добрый Картер, и добровольно, с искренним раскаянием, помогите мне вашим признанием.

Раненый лежал молча, Дик никак не мог добиться от него ни слова.

– Хорошо, – сказал Дик, – я позову священника, как вы желаете; если вы виновны против меня и моих родных, то я не хочу быть виновным против кого бы то ни было, тем более против человека, находящегося при последнем издыхании.

Старый солдат выслушал его все также безмолвно и неподвижно. Он даже сдержал стоны, и Дик, выходя из комнаты, преисполнился восхищением перед этим суровым мужеством.

– А между тем, – думал он, – что значит мужество без ума? Будь у него чисты руки, он заговорил бы; его молчание выдало тайну лучше всяких слов. Ну, улики стекаются ко мне со всех сторон. Сэр Даниэль или его люди принимали участие в смерти моего отца.

Дик с тяжестью на сердце остановился в каменном коридоре. Неужели в этот час, когда счастье изменило сэру Даниэлю, когда он осужден членами шайки «Черная Стрела», когда он осажден победоносными приверженцами Йоркского дома, неужели и он, Дик, обратится против человека, выкормившего и воспитавшего его, человека, который, правда, часто сурово наказывал его, но вместе с тем неутомимо охранял его юность? Если это действительно окажется необходимым, как жестоко это будет!

– Дай Бог, чтобы он был не виновен! – сказал он. В это время чьи-то шаги раздались по плитам коридора, и сэр Оливер степенно подошел к юноше.

– Тут вас ждут с нетерпением, – сказал Дик.

– Я иду туда, добрый Ричард, – сказал священник. – Это бедный Картер. Увы, его невозможно исцелить.

– А душа у него страдает еще сильнее тела, – заметил Дик.

– Вы видели его? – спросил, заметно вздрогнув, сэр Оливер.

– Я только что от него, – ответил Дик.

– Что сказал он… что сказал он? – поспешно, отрывистым тоном проговорил священник.

– Он только жалобно призывал вас, сэр Оливер… Вы хорошо сделаете, если поскорее пойдете к нему, потому что рана причиняет ему сильную боль!

– Я сейчас пойду к нему, – ответил священник. – Ну, все мы грешны. Для всех нас настанет последний час, добрый Ричард.

– Да, сэр, и хорошо, если все мы встретим егоспокойно, – ответил Дик.

Священник опустил глаза и, пробормотав благословение, поспешно ушел.

– И он также! – подумал Дик. – Он, который учил меня благочестию. Что это за свет, если все, кто заботились обо мне, виновны в смерти моего отца! Мщение! Увы! Как горька моя участь: я должен мстить моим друзьям!

При этой мысли он вспомнил Мэтчема.

При воспоминании о своем странном товарище он сначала улыбнулся, а затем задумался над тем, где бы он мог быть. С тех самых пор, как они дошли вместе до дверей Моот-Хауса, младший мальчик исчез, и Дик стосковался по нему; ему так хотелось перекинуться с ним словечком, другим.

Приблизительно через час после обедни, довольно быстро совершенной сэром Оливером, все общество собралось в большой зале для обеда. Это была длинная, низкая комната с полом, усыпанным зеленым тростником, со стенами, украшенными коврами с изображениями охотников и гончих собак. Там и сям на стенах были развешены копья, луки и щиты; в громадном камине ярко горел огонь; вокруг стен шли скамьи, покрытые коврами, а посредине комнаты хорошо накрытый стол ожидал обедающих. Ни сэр Даниэль, ни его жена не явились к обеду. Не было даже и сэра Оливера, а о Мэтчеме не говорили ни слова. Дик начал беспокоиться; ему припомнились грустные предчувствия приятеля; он стал раздумывать, не случилось ли чего дурного с Мэтчемом в этом доме. После ужина он отыскал Гуди Хэтч, которая спешила к леди Брэклей.

– Гуди, – сказал он, – скажите, пожалуйста, где мастер Мэтчем? Я видел, как вы пошли с ним, когда мы пришли сюда.

Старуха громко расхохоталась.

– Ах, мастер Дик, – сказала она, – какие у вас, право, зоркие глаза! – И снова засмеялась.

– Нет, где же он, в самом деле? – настаивал Дик.

– Вы никогда больше не увидите его, – сказала старуха. – Никогда. Это уж наверно.

– Я добьюсь причины этого, если не увижу его, – возразил Дик. – Он пришел сюда не вполне по своей воле; как бы то ни было, я его лучший защитник и присмотрю, чтобы с ним хорошо обращались. Тут слишком много тайн; это начинает надоедать мне!

Дик еще не договорил, как чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. То был Беннет Хэтч, незаметно подошедший сзади. Он знаком отослал жену.

– Друг Дик, – сказал он, когда они остались наедине, – да что вы, в самом деле, сошли с ума, что ли? Если вы не оставите в покое некоторых вещей, то лучше бы вам быть в соленом море, чем здесь, в Тонсталльском доме. Вы расспрашивали меня; вы закидывали удочку Картеру; вы напугали своими намеками священника. Ведите же себя умнее, безумец; и сейчас, когда вас позовет сэр Даниэль, придите к нему с ласковым лицом; будьте благоразумны. Вас будут подробно расспрашивать. Обдумайте свои ответы.

– Хэтч, – возразил Дик, – во всем этом мне чудится нечестная игра.

– Если вы не будете умнее, то скоро почуете кровь, – ответил Беннет. – Я только предупреждаю вас. А вот идут за вами.

И действительно, в эту минуту по двору шел посланный, чтобы позвать Дика к сэру Даниэлю.

Глава II
Две клятвы

Сэр Даниэль был в зале. Он в гневе расхаживал перед камином в ожидании Дика. В комнате, кроме него, не было никого, за исключением сэра Оливера, который скромно сидел вдали, перелистывая требник и бормоча молитвы.

– Вы посылали за мной, сэр Даниэль? – сказал молодой Шельтон.

– Да, я посылал за тобой! – ответил рыцарь. – Что это дошло до моих ушей? Неужели я был для тебя таким жестоким опекуном, что ты поспешил поверить всему дурному, что тебе наговорили обо мне? Или, может быть, ты хочешь перейти на сторону моих врагов, потому что в настоящее время я потерпел неудачу? Клянусь мессой, отец твой был не таков! А ты, Дик, по-видимому, друг только в счастливые дни, и теперь хочешь отделаться от нас.

– Извините, это не так, сэр Даниэль, – твердо проговорил Дик. – Я благодарен и верен тем, кто меня воспитывал. И прежде чем говорить о другом, я благодарю вас и благодарю сэра Оливера; никто больше вас обоих не имеет прав на меня; я был бы настоящей собакой, если бы забыл об этом.

– Это хорошо, – сказал сэр Даниэль и потом продолжал с возрастающим гневом: – Твоя благодарность и верность – одни слова, Дик Шельтон, а я обращаю внимание на поступки. В час опасности, когда мое имя запятнано, мои земли конфискованы, когда этот лес полон людьми, жаждущими моей гибели, что значит благодарность? Что значит верность? У меня остался только маленький отряд. И что же, в знак благодарности или верности ты отравляешь сердца моих людей своими коварными нашептываниями? Избавь меня от подобного рода благодарности. Ну, чего ты желаешь? Говори, мы здесь для того, чтобы отвечать. Если ты имеешь что-нибудь против меня – выступи и скажи прямо.

– Сэр, – отвечал Дик, – отец мой умер, когда я был еще ребенком. До моего слуха дошло, что с ним поступили низко. До моего слуха дошло, я не хочу ничего скрывать, что вы принимали участие в его гибели. И, говоря правду, я не могу ни успокоиться, ни честно помогать вам, пока не получу разрешения этих сомнений.

Сэр Даниэль опустился на скамью. Он подпер рукой подбородок и пристально взглянул на Дика.

– И ты думаешь, что я мог быть опекуном сына убитого мной человека? – спросил он.

– Простите, если я отвечу вам невежливо, – сказал Дик, – но ведь вы отлично знаете, что быть опекуном чрезвычайно выгодно. Разве все эти годы вы не пользовались моими доходами и не управляли моими людьми? Разве у вас в будущем нет расчета на мою женитьбу? Не знаю, что она может принести вам, но чего-нибудь да стоит. Простите меня еще раз, но если вы были настолько низки, что убили доверявшего вам человека, то, может быть, у вас было достаточно поводов для менее низких поступков.

– Когда я был юношей твоих лет, – сурово проговорил сэр Даниэль, – мой ум не был так склонен к подозрениям. А сэр Оливер, – прибавил он, – как мог он, священник, оказаться виновным в этом деле?

– Ну, сэр Даниэль, – сказал Дик, – собака идет, куда ей приказывает ее господин. Всем известно, что этот священник только орудие ваших замыслов. Я говорю совершенно откровенно, теперь не до вежливости. Я хочу, чтобы мне ответили так же искренно, как я говорю вам. А ответа я не получаю. Вы только предлагаете мне еще больше вопросов. Советую вам остеречься, сэр Даниэль, таким образом вы только увеличиваете мои подозрения, а не удовлетворяете их.

– Я отвечу тебе откровенно, мастер Ричард, – сказал рыцарь. – Я не был бы честным человеком, если бы сказал, что ты не возбудил гнева во мне. Но я буду справедлив даже в

гневе. Приди ко мне с этими словами, когда вырастешь и станешь мужчиной, а я не буду уже опекуном, который не может отплатить за них. Приди ко мне тогда, и я отвечу тебе, как ты этого заслуживаешь – ударом в зубы. А до тех пор у тебя два выхода: или проглоти эти оскорбления, держи язык за зубами и старайся за человека, который кормит тебя и сражался за тебя в детстве, или – дверь открыта, леса полны моими врагами – ступай.

Решимость, с которой были произнесены эти слова, взгляды, которыми они сопровождались – все это поколебало Дика; однако он не мог не заметить, что не получил ответа на свой вопрос.

– Я ничего так не желаю, как поверить вам, сэр Даниэль, – сказал он. – Убедите меня, что на вас нет этой вины.

– Ты примешь мое честное слово, Дик? – спросил рыцарь.

– Приму, – ответил юноша.

– Даю тебе это слово, – сказал сэр Даниэль. – Подтверждаю моим честным словом, клянусь вечным спасением моей души и будущим ответом на суде Божием – я не принимал никакого участия в смерти твоего отца.

Он протянул руку, и Дик с горячностью взял ее. Никто из них не заметил священника, который в ужасе и с мучительным раскаянием приподнялся со своего места при этой торжественной ложной клятве.

– Ах, – сказал Дик, – пусть ваше великодушие поможет вам простить меня! Я был действительно негодяем, что не поверил вам. Но вот вам моя рука, я не буду больше сомневаться.

– Ты прощен, Дик, – ответил сэр Даниэль. – Ты незнаком со светом и его наклонностью к клевете.

– Я тем более виноват, – прибавил Дик, – что негодяи указывали не прямо на вас, а на сэра Оливера.

Говоря это, он повернулся к священнику и остановился на полуслове. Этот высокий, румяный, дородный, важный человек вдруг как бы развалился на куски: румянец исчез, все его тело ослабло; губы бормотали молитву. А когда Дик внезапно взглянул на него, он громко вскрикнул, словно дикое животное, и закрыл лицо руками.

Сэр Даниэль в два шага очутился рядом со священником и яростно потряс его за плечо. Подозрения Дика проснулись с новой силой.

– Пусть сэр Оливер также поклянется, – сказал он. – Обвиняли и его.

– Он поклянется, – сказал рыцарь.

Сэр Оливер безмолвно замахал руками.

– А, клянусь мессой, вы поклянетесь! – кричал сэр Даниэль вне себя от бешенства. – Поклянитесь здесь, на этой книге, – продолжал он, подымая упавший на пол требник. – Как! Вы заставляете меня сомневаться в вас! Клянитесь, говорю вам, клянитесь!

Но священник был не в состоянии произнести ни слова. Страх перед сэром Даниэлем, ужас при мысли о клятвопреступлении, охватившие его с одинаковой силой, душили его.

В это мгновение в высокое, расписное окно залы с треском влетела черная стрела и, дрожа, впилась в середину большого стола.

Сэр Оливер громко, пронзительно вскрикнул и упал в обморок на тростник, разбросанный по полу. Рыцарь в сопровождении Дика бросился во двор, а оттуда по ближайшей винтовой лестнице на зубцы стены. Часовые все были настороже. Солнце спокойно освещало зеленые поляны с разбросанными на них деревьями и лесистые холмы, окаймлявшие горизонт. Нигде не было видно следов нападающих.

– Откуда вылетела эта стрела? – спросил рыцарь.

– Из-за той группы деревьев, сэр Даниэль, – ответил часовой.

Рыцарь стоял некоторое время в раздумье. Потом он обернулся к Дику.

– Дик, – сказал он, – пригляди за этими людьми; я поручаю их тебе. Что касается священника, то он должен оправдаться, или я узнаю, в чем дело. Я начинаю почти разделять твои подозрения. Поверь мне, он поклянется, не то мы докажем его виновность.

Дик ответил довольно холодно, и рыцарь, бросив на него проницательный взгляд, поспешно вернулся в залу. Прежде всего он оглядел стрелу. Он в первый раз видел такой метательный снаряд; поворачивая стрелу то в одну, то в другую сторону, он почувствовал некоторого рода страх при виде ее мрачного цвета. Кроме того, на стреле было написано одно лишь слово: «Зарытый».

– А, – проговорил он, – значит, они знают, что я дома. «Зарытый»! Да, но между ними не найдется ни одной собаки, годной на то, чтобы откопать меня.

Сэр Оливер пришел в себя и с трудом поднялся на ноги.

– Увы, сэр Даниэль! – простонал он. – Вы поклялись страшной клятвой; вы осуждены навеки!

– Да, – возразил рыцарь, – я дал клятву, глупая башка; а ты дашь еще более важную. Ты поклянешься на святом Холивудском кресте. Смотри же, приготовь слова. Клятва должна быть дана сегодня ночью.

– Да просветит вас небо, – ответил священник, – да отклонит небо ваше сердце от такого беззакония!

– Вот что, мой добрый отец, – сказал сэр Даниэль, – если разговор зашел о благочестии, я больше ничего не скажу; только вы поздно принимаетесь за это. Но если у вас есть хоть сколько-нибудь разума, выслушайте меня. Этот мальчик начинает раздражать меня, словно оса. Он нужен мне, потому что я хочу с выгодой для себя женить его. Но, говорю вам прямо, если он будет надоедать мне, он отправится к своему отцу. Я отдам приказание перевести его в комнату над капеллой. Если вы сможете подтвердить свою невиновность хорошей, солидной клятвой и со спокойным, уверенным выражением лица, – все будет хорошо: мальчик несколько успокоится, и я пощажу его. Если же вы запнетесь, или побледнеете, или затруднитесь во время произнесения клятвы так, что он не поверит вам, то, клянусь мессой, он умрет. Обдумайте все хорошенько.

– В комнату над капеллой! – задыхаясь, проговорил священник.

– Именно туда, – ответил рыцарь. – Итак, если вы желаете спасти его, спасайте; если же нет, пожалуйста, уходите и оставьте меня в покое. Будь я человек вспыльчивый, я давно бы проколол вас мечом из-за вашей невыносимой трусости и безрассудства. Что же вы выбрали? Отвечайте.

– Я выбрал, – сказал сэр Оливер. – Да простит меня небо, – я выбираю зло ради добра. Я поклянусь ради спасения юноши.

– Так-то будет лучше! – сказал сэр Даниэль. – Ну, так посылайте скорее за ним. Вы увидитесь с ним наедине. Но я буду следить за вами. Я останусь тут, рядом в комнате.

Рыцарь поднял драпировку из ковра и опустил ее за собой. Послышался звук щелкнувшей пружины, затем скрип шагов по лестнице.

Сэр Оливер, оставшись один, бросил боязливый взгляд на завешенную ковром стену и перекрестился с выражением ужаса и сокрушения.

– Если иначе ему придется быть в комнате над капеллой, – пробормотал он, – то я должен спасти его хотя бы ценой моей души.

Три минуты спустя Ричард Шельтон, за которым был отправлен другой посланный, нашел сэра Оливера, бледного, с решительным выражением лица стоящим у стола в зале.

– Ричард Шельтон, – сказал он, – вы потребовали от меня клятвы. Я мог бы обидеться и отказать вам в этом требовании, но сердце мое тронуто при воспоминании о прошлом, и я удовлетворю ваше желание. Клянусь вам святым Холивудским крестом в том, что я не убивал вашего отца.

– Сэр Оливер, – ответил Дик, – когда мы в первый раз прочли записку Джона Мстителя, я был уверен в этом. Но позвольте мне предложить вам два вопроса. Положим, вы не убивали его. Но не принимали ли вы участия в этом убийстве?

– Ни малейшего, – ответил сэр Оливер. И в то же время лицо его как-то странно передернулось, как будто он хотел выразить этой мимикой предостережение, но не смел сделать этого.

Дик с изумлением посмотрел на него, потом обернулся и оглядел пустую залу.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Да ничего, – поспешно ответил священник, меняя выражение лица. – Я ничего не делаю, я страдаю, я чувствую себя нехорошо. Я… я… извините, Дик, мне нужно уйти. Клянусь святым Холивудским крестом, я не виновен ни в насилии, ни в измене. Успокойтесь, добрый юноша. Прощайте.

И он вышел из залы с непривычной для него быстротой.

Дик остался на месте, словно прикованный; взгляд его блуждал по комнате, на лице сменялись выражения различных чувств: удивления, сомнения, подозрения и удовлетворения. Постепенно, по мере того, как ум его прояснялся, подозрения одержали верх; за ними последовала уверенность в самом худшем. Он поднял голову и сильно вздрогнул. Высоко на стене на тканом ковре была изображена фигура дикаря-охотника. Одной рукой он подносил ко рту рог, другой размахивал большим копьем. У него было темное лицо, так как он должен был изображать африканца.

Случилось нечто, сильно напугавшее Дика. Солнце зашло за окно залы, а огонь в большом очаге сильно разгорелся и бросал изменчивый свет на потолок и на обои. При этом свете черный охотник подмигнул Дику белым веком.

Он продолжал смотреть на глаз охотника. При свете огня глаз казался драгоценным камнем; он был прозрачен, он жил. Белое веко опять закрылось над ним на одно мгновение и исчезло в следующее.

Не оставалось никакого сомнения. Это исчез живой глаз, наблюдавший за ним через дырочку в обоях.

Дик мгновенно понял весь ужас своего положения. Предостережения Хэтча, мимика священника, глаз, наблюдавший за ним из-за стены, все это мелькнуло в его уме. Он понял, что подвергался испытанию, выдал себя и погиб, если его не спасет какое-нибудь чудо.

– Если мне не удастся выбраться из этого дома, я погиб, – думал он. – А бедный Мэтчем – в какое гнездо завел я его!

Он еще раздумывал, когда в комнату поспешно вошел какой-то человек, чтобы помочь ему перенести оружие, одежду и две-три книги в новую комнату.

– В новую комнату? – повторил Дик. – Зачем? В какую комнату?

– В комнату над капеллой, – ответил посланный.

– Она долго оставалась пустой, – задумчиво проговорил Дик. – Что это за комната?

– Хорошая комната, – ответил слуга. – Но только – прибавил он, понизив голос, – говорят, в ней появляется призрак.

– Призрак? – дрожа повторял Дик. – Я не слыхал об этом. Чей же призрак?

Слуга оглянулся вокруг и проговорил шепотом: «Ризничего церкви св. Иоанна. Его оставили раз ночевать в этой комнате, а на утро – фью! – его не оказалось там. Говорили, что его взял дьявол; свечера он очень много пил».

Дик с мрачным предчувствием пошел за слугой.

Глава III
Комната над капеллой

С зубцов башни ничего больше не было заметно. Солнце склонялось к западу и наконец зашло: но, несмотря на бдительность часовых, ни одно живое существо не показывалось вблизи Тонсталльского дома.

Когда наступила ночь, Трогмортона ввели в угловую комнату, выходившую на ров. Оттуда его спустили в ров со всевозможными предосторожностями. В продолжение короткого времени были слышны всплески воды, потом черная фигура сошла на берег у ветвей ивы и стала красться по траве. Сэр Даниэль и Хэтч внимательно прислушивались еще около получаса, но все было тихо. Гонец отправился благополучно.

Нахмуренное чело сэра Даниэля разгладилось. Он обернулся к Хэтчу.

– Беннет, – сказал он, – этот Джон Мститель такой же человек, как ты сам. Он спит. Смелее! Мы покончим с ним.

Все время после полудня и вечером Дика посылали в разные стороны; одно приказание следовало за другим, так что Дик был поражен количеством поручений и поспешностью, с которой приходилось исполнять их. Все это время он не видел ни сэра Оливера, ни Мэтчема, но мысли о священнике и о юноше постоянно проносились в его голове. Главной целью его было как можно скорее выбраться из Тонсталльского дома, а между тем ему хотелось до ухода переговорить с ними обоими.

Наконец, с лампой в руках, он поднялся в свое новое помещение. Это была большая, низкая и довольно темная комната. Окно с железной решеткой выходило на ров и было очень высоко от земли. Постель была роскошная, с пуховой подушкой и с другой, набитой лавандой, с красным одеялом, с вышитым узором из роз. Кругом всех стен стояли буфеты, запертые на замок и спрятанные от взглядов под тканными коврами темного цвета. Дик обошел всю комнату, приподымая драпировки, постукивая по стенам, напрасно стараясь открыть шкафы. Он убедился, что дверь крепка и засов основателен, потом поставил лампу на подставку и снова огляделся вокруг.

С какой целью ему отвели эту комнату? Она была больше и красивее его прежней комнаты. Скрывалась тут какая-нибудь ловушка? Нет ли тайного выхода? Действительно ли тут появляется призрак? Кровь похолодела у него в жилах.

Как раз над ним на плоской кровле раздались тяжелые шаги часового. Под ним, как он знал, были своды капеллы, а рядом с часовней – столовая. Наверно, из залы шел какой-нибудь потайной ход; доказательством этого служил глаз, смотревший сквозь дыру ковра. Более чем вероятно было, что ход тянулся до часовни; если это было так, то он вел и в его комнату.

Спать в этой комнате – он хорошо чувствовал это – было бы безрассудной смелостью. Держа оружие наготове, он сел в углу комнаты, за дверью. Если против него что-то замышляют, он дорого продаст свою жизнь.

Наверху, вдоль зубцов крыши, послышался топот ног нескольких людей, оклики часовых иотзыв – караул сменился.

Как раз в это время Дик услышал какое-то царапанье в дверь; звук этот стал громче, и наконец раздался шепот:

– Дик, Дик, это я!

Дик подбежал к двери, отворил засов и впустил в комнату Мэтчема. Мальчик был очень бледен; в одной руке он держал лампу, в другой – обнаженный кинжал.

– Закрой дверь, – шепнул он. – Скорее, Дик! Этот дом полон шпионов; я слышу, как они идут за мной по коридору; я слышу, как они дышат за стеной.

– Ну, успокойся, – сказал Дик, – дверь заперта. Мы в безопасности на некоторое время, если можно быть безопасным в этих стенах. Но я от всего сердца рад видеть тебя. Клянусь мессой, я думал, что тебя уже нет в живых. Где ты скрывался?

– Это все равно, – ответил Мэтчем. – Раз мы встретились, то какое дело до этого! Но, Дик, открыты ли у тебя глаза? Говорили тебе о том, что будет завтра?

– Не говорили, – ответил Дик. – Что же будет завтра?

– Завтра, или сегодня ночью, не знаю, – сказал Мэтчем, – но, во всяком случае, они замышляют покушение на твою жизнь, Дик. У меня есть доказательства: я слышал, как они шептались; они почти сказали мне это.

– Вот как! – сказал Дик. – Я и сам думал это.

И он подробно рассказал все, что случилось за этот день.

Когда он покончил с рассказом, Мэтчем встал и, в свою очередь, начал рассматривать комнату.

– Нет, – сказал он, – не видно никакого входа. Но, наверно, он есть. Дик, я останусь с тобой. Если ты должен умереть – я умру с тобой. И я могу помочь тебе – взгляни! Я украл кинжал, я сделаю все что могу! А между тем, если ты нашел какой-нибудь выход, какую-либо лазейку, через которую мы могли бы выйти, или окно, через которое можно спуститься, я с радостью встречу всякую опасность и убегу с тобой.

– Джек, – сказал Дик, – клянусь мессой, Джек, ты самая хорошая, самая верная и храбрая душа во всей Англии! Дай мне твою руку, Джек.

И он молча схватил руку друга.

– Вот что я скажу тебе, – начал он. – Тут есть окно, через которое спустился посланный; веревка, должно быть, еще в комнате. Это все-таки надежда.

– Тс! – сказал Мэтчем.

Оба прислушались. Внизу под полом послышался какой-то звук, прекратился было и возобновился опять.

– Кто-то ходит по комнате, внизу, – шепнул Мэтчем.

– Нет, внизу нет комнаты, – возразил Дик, – мы над часовней. Это ходит по тайному коридору мой убийца. Ну, пусть идет: плохо ему придется! – И он заскрежетал зубами.

– Потуши лампы, – сказал Мэтчем. – Может быть, он чем-нибудь выдаст себя.

Они потушили обе лампы и притаились не дыша, словно мертвые. Шаги внизу, хотя очень тихие, были ясно слышны. Они то приближались, то удалялись, наконец послышался громкий скрип поворачиваемого в замке ключа и наступило продолжительное молчание.

Шаги послышались вновь, и вдруг через щель в стене в отдаленном углу комнаты показался свет. Он становился все ярче; отворилась подъемная дверь, впустив поток света. Видна была сильная рука, подымавшая дверь; Дик поднял свой арбалет в ожидании, что покажется и голова человека, которому принадлежала рука.

Но тут произошла заминка. Из далекого угла дома послышались крики; сначала один голос, потом два, а затем и много голосов повторяли одно и то же имя. Этот шум, очевидно, встревожил убийцу; подъемная дверь тихо была опущена на свое место, шаги еще раз раздались внизу, как раз под тем местом, где находились мальчики, и затем замерли вдали.

Наступила минутная передышка. Дик глубоко вздохнул и тут только прислушался к суматохе, помешавшей нападению, которая все увеличивалась вместо того, чтобы уменьшаться. По всему дому раздавалась беготня; двери с шумом распахивались и закрывались, и над всем этим гамом возвышался голос сэра Даниэля, звавшего Джоанну.

– Джоанна! – повторил Дик. – Кто бы это мог быть, черт возьми! Здесь нет никакой Джоанны и никогда не было. Что это значит?

Мэтчем молчал. Он, по-видимому, отошел в сторону. В комнату проникал лишь слабый свет звезд, и в далеком конце комнаты, где были мальчики, царила полная тьма.

– Джек, – сказал Дик, – я не знаю, где ты был весь день. Видел ты эту Джоанну?

– Нет, – ответил Мэтчем, – я не видел ее.

– И не слышал, чтобы говорили о ней? – продолжал он.

Шаги приближались. Сэр Даниэль продолжал звать на дворе громовым голосом.

– Слышал ты о ней? – повторил Дик.

– Я слышал о ней, – сказал Мэтчем.

– Как у тебя дрожит голос! Что с тобой? – сказал Дик. – Это большое счастье для нас, эта Джоанна, она отвлечет их мысли от нас.

– Дик, – вскрикнул Мэтчем, – я погиб, мы оба погибли! Бежим отсюда, пока еще есть время. Они не успокоятся, пока не найдут меня. Или вот что – пусти меня вперед; когда найдут меня, ты можешь бежать. Пусти меня, Дик… добрый Дик, выпусти меня!

Она отыскивала в темноте засов. Дик наконец понял все.

– Клянусь мессой! – крикнул он. – Ты вовсе не Джек! Ты Джоанна Седлей! Ты та девушка, которая не хотела выйти за меня!

Девушка остановилась и стояла молча и неподвижно. Дик также молчал некоторое время, потом снова заговорил.

– Джоанна, – сказал он, – ты спасла мою жизнь, а я спас твою; мы видели, как текла кровь, были и друзьями и недругами – я даже хватался за пояс, чтобы отколотить тебя; и все это время я считал тебя мальчиком. Но теперь смерть близка, время прошло, а прежде чем я умру, я должен сказать тебе вот что: ты лучшая и самая храбрая девушка на свете, и если бы я остался в живых, я с радостью женился бы на тебе, но, буду ли я жив или умру, я люблю тебя.

Она ничего не ответила.

– Ну, скажи же что-нибудь, Джек, – сказал он. – Будь доброй девушкой, скажи, что любишь меня!

– Зачем же я была бы здесь, Дик! – воскликнула она.

– Ну, так значит, если нам удастся благополучно выбраться отсюда, мы поженимся, – продолжал Дик, – а если нам суждено умереть – умрем, и делу конец. Но как ты нашла мою комнату?

– Я спросила у госпожи Хэтч, – ответила она.

– Ну, она человек верный, – заметил он. – Она не выдаст тебя. У нас есть время.

В это мгновение, как бы в опровержение его слов, по коридору раздались шаги и кто-то громко ударил в дверь кулаком.

– Эй! – крикнул чей-то голос. – Откройте, мастер Дик, откройте!

Дик не тронулся с места и ничего не ответил.

– Все кончено, – сказала девушка и обвила руками шею Дика.

Люди один за другим собирались у двери. Наконец явился сам сэр Даниэль, и шум внезапно прекратился.

– Дик, – кричал рыцарь, – не представляйся ослом. И семь спящих дев проснулись бы от такого шума. Отворяй, брат, отворяй.

Дик продолжал молчать.

– Сломайте дверь, – сказал сэр Даниэль.

И слуги его тотчас же яростно стали ударять в дверь ногами и кулаками. Несмотря на то, что она была очень прочна и заперта тяжелым засовом, она подалась бы, если б снова не вмешалась судьба. Среди грома ударов раздался крик часового, за ним последовал другой; с зубцов башен раздались тоже крики, в ответ на которые послышались крики из леса. В первое мгновение тревоги казалось, что обитатели лесов берут приступом Моот-Хаус. Сэр Даниэль и его люди отказались от атаки комнаты Дика в данную минуту и бросились защищать стены.

– Теперь мы спасены! – вскрикнул Дик.

Он схватил обеими руками старинную кровать и безуспешно старался сдвинуть ее с места.

– Помоги мне, Джек. Ради спасения твоей жизни, напряги все твои силы! – сказал он.

Громадными усилиями они оттащили большую дубовую кровать и приставили ее одним концом к двери комнаты.

– Ты только ухудшаешь положение вещей, – печально проговорила Джоанна. – Он войдет через подъемную дверь.

– Ну нет, – ответил Дик, – он не посмеет открыть эту тайну многим людям. Мы сами убежим через эту дверь. Слушай! Нападение закончилось. Да его и вовсе не было.

Действительно, никакого нападения не было, а просто явилась другая часть оставшихся воинов, принимавших участие в сражении; они-то и помешали сэру Даниэлю. Они спаслись бегством под покровом темноты; их впустили в большие ворота, а теперь они сходили с коней во дворе при громком стуке копыт и звоне доспехов и оружия.

– Он сейчас вернется, – сказал Дик, – скорее в подъемную дверь!

Он зажег лампу, и оба прошли в один из углов комнаты. Щель было легко отыскать, так как через нее еще мерцал слабый свет; Дик взял из своего небольшого запаса оружия прочный меч, запустил его глубоко в щель и навалился изо всех сил на рукоятку. Трап подался и приоткрылся немного. Молодые люди ухватились руками за него и откинули. Они увидели несколько ступенек, внизу которых предполагаемый убийца оставил горящую лампу.

– Ну, – сказал Дик, – иди вперед и возьми лампу. Я пойду за тобой и закрою дверь.

Они сошли один за другим; когда Дик захлопнул за собой отверстие, раздались снова громовые удары в дверь его комнаты.

Глава IV
Подземный ход

Проход, в котором очутились Дик и Джоанна, был узок, грязен и короток. На другом конце его была полуоткрытая дверь, без сомнения та, которую открывал предполагаемый убийца. С потолка спускалась густая паутина; на каменном полу глухо отдавались самые легкие шаги.

За дверью проход разветвлялся под прямыми углами. Дик выбрал наудачу один из ходов, и оба пошли быстрыми шагами вдоль выемки кровли капеллы. Сводчатый потолок подымался при слабом мерцании лампы, словно спина кита. Там и сям попадались отверстия, приспособленные для наблюдений, скрытые с другой стороны резьбой карнизов. Взглянув в одно из этих отверстий, Дик увидел устланный плитами пол часовни, алтарь с его горящими восковыми свечами и распростертую перед ним на ступенях фигуру сэра Оливера, молившегося, подняв руки кверху.

Дойдя до конца коридора, они спустились по нескольким ступеням. Проход становился уже; стена с одной стороны была из дерева; через щели слышен был шум разговора и видно мерцание огней. Беглецы дошли до круглого отверстия в стене величиной с человеческий глаз. Дик заглянул в него и увидел внутренность столовой. С полдюжины людей в латах сидели вокруг стола, уничтожая паштет из дичи и жадно запивая его вином. Наверно, это были недавно прибывшие воины.

– Тут нам не найти помощи, – сказал Дик, – попробуем вернуться назад.

– Нет, – сказала Джоанна, – может быть, есть проход дальше.

Они пошли вперед, но через несколько ярдов проход заканчивался маленькой лестницей. Ясно было, что бегство невозможно с этой стороны, пока солдаты занимают столовую.

Они возвратились назад с возможной быстротой и принялись исследовать другой проход. Проход был чрезвычайно узок, так что можно было еле пройти одному человеку; идти приходилось по постоянно спускавшимся и подымавшимся головоломным лестницам; Дик потерял всякое понятие о том, где он находится.

Наконец проход стал еще уже и ниже; лестницы продолжали спускаться все глубже; стены с обеих сторон были сыры и липки на ощупь. Вдали слышались писк и беготня крыс.

– Должно быть, мы в подземной темнице, – сказал Дик.

– А выхода все нет, – прибавила Джоанна.

– Но должен же быть выход! – ответил Дик.

И действительно, вскоре они дошли до крутого поворота; тут проход заканчивался лестницей. Она была завалена тяжелой каменной плитой. Беглецы употребляли все усилия, чтобы сдвинуть ее. Она оставалась неподвижной.

– Кто-нибудь держит ее, – заметила Джоанна.

– Ну нет, – сказал Дик, – будь то человек, обладающий силой десяти людей, он все же подался бы немного. А она не поддается, точно упирается в неподвижную скалу. Там лежит какая-нибудь тяжесть. Тут нет выхода, и, говоря по правде, добрый Джек, мы здесь такие же пленники, как если бы у нас были кандалы на ногах. Сядем здесь и поговорим. Через некоторое время мы вернемся назад; может быть, тогда они будут менее осторожны; кто знает, может быть, нам и удастся вырваться. Но, по моему скромному мнению, мы пропали.

– Дик! – сказала молодая девушка. – Печален тот день, когда ты встретил меня! Потому что я, несчастная, неблагодарная девушка, завела тебя сюда.

– Что за глупости! – возразил Дик. – Так уж было суждено, а что суждено, исполняется помимо нашей воли. Расскажи-ка мне, что ты за девушка, и как попала в руки сэра Даниэля – это будет лучше, чем оплакивать меня или себя.

– Я – сирота, как и ты, без отца и матери, – сказала Джоанна, – и на великое мое, а следовательно, и твое, Дик, несчастье, богатая невеста. Опекуном у меня был лорд Фоксгем, но оказывается, что сэр Даниэль купил у короля право на выдачу меня замуж… и заплатил очень дорогую цену. И вот я, бедный ребенок, еще у кормилицы, стала предметом борьбы между двумя знатными и богатыми людьми, желавшими каждый для своей пользы выдать меня замуж! Ну, свет перевернулся, появился новый канцлер, и сэр Даниэль купил опекунство надо мной через голову лорда Фоксгэма. Новая перемена, – и лорд Фоксгэм купил право на выдачу меня замуж помимо сэра Даниэля; и с тех пор между ними продолжается вражда. Но все это время я была в руках лорда Фоксгэма, и он был для меня добрым господином. Наконец, я должна была быть выдана замуж или, если хочешь, продана. Лорд Фоксгэм должен был получить пятьсот фунтов. Гэмлей – так зовут моего жениха, и как раз завтра, Дик, я должна быть помолвлена с ним. Если бы сэр Даниэль не узнал этого, я была бы, наверное, обвенчана, и никогда бы не увидела тебя, Дик… дорогой Дик.

Она взяла его руку и поцеловала ее с нежной грацией; Дик притянул к себе ее руку и сделал то же самое.

– Ну, – продолжала она, – сэр Даниэль неожиданно схватил меня в саду и заставил переодеться в мужское платье, что для женщины смертельный грех, и к тому же это платье не идет мне. Он поехал со мной, как ты сам видел, в Кеттлей, сказав мне, что я должна выйти за тебя, но я в душе решила, что назло ему выйду за Гэмлея.

– А! – вскрикнул Дик. – Значит, ты любила этого Гэмлея.

– Нет, – ответила Джоанна, – не любила. Я только ненавидела сэра Даниэля. А потом, Дик, ты помог мне, и был добр ко мне, и очень смел, и помимо моей воли мое сердце обратилось к тебе и теперь, если бы мы могли устроить это, я очень охотно выйду за тебя. А если жестокая судьба не допустит этого, ты все же будешь дорог мне. Пока бьется мое сердце, я буду верна тебе.

– А я, – сказал Дик, – никогда и не думал о женщинах до сих пор, я полюбил тебя, когда считал тебя мальчиком. Мне было жаль тебя, я сам не знал почему. Когда я хотел отколотить тебя, у меня не поднялась рука. Но когда ты созналась, что ты девушка, Джек, – я все-таки буду звать тебя Джеком – я убедился, что ты именно та девушка, которая мне нужна. Слушай! – перебил он себя. – Кто-то идет.

Действительно, тяжелые шаги отдавались эхом в проходе, и целая армия крыс снова разбежалась во все стороны.

Дик оглядел позицию. Неожиданный поворот в проходе был выгоден для него. Таким образом он мог безопасно стрелять под прикрытием стены. Но свет был слишком близко от него; он выбежал несколько вперед, поставил лампу посреди прохода и потом вернулся на свое место.

В отдаленном конце прохода показался Беннет. Он, казалось, шел один; в руке он нес горящий факел, благодаря которому в него легче было целиться.

– Стой, Беннет! – крикнул Дик. – Еще один шаг, и ты мертв.

– Так вы здесь, – произнес Беннет, вглядываясь в темноту. – Я не вижу. Ага! Умно вы поступили, Дик, что поставили вашу лампу перед собой. Право, хотя это и было сделано для того, чтобы прострелить мое сердце, я все же радуюсь, видя, как вы воспользовались моими уроками! Но скажите, что вы делаете, чего ищете здесь? Зачем вы хотите стрелять в старого, доброго друга? А молодая барышня еще здесь?

– Ну, Беннет, спрашивать-то нужно мне, а тебе отвечать, – ответил Дик. – Почему моя жизнь подвергается опасности здесь? Почему являются какие-то люди, чтобы убить меня в постели? Почему я должен бежать из безопасного дома моего собственного опекуна и от друзей, среди которых я жил и которых ничем не обидел?

– Мастер Дик, мастер Дик, – сказал Беннет, – что я говорил вам? Вы храбрый, но самый бесхитростный юноша из всех, кого я помню!

– Ну, – сказал Дик, – я вижу, что ты знаешь все, и что я осужден в самом деле. Хорошо. Я останусь здесь. Пусть сэр Даниэль добывает меня отсюда, если сумеет.

Хэтч помолчал немного.

– Слушайте, – наконец проговорил он, – я возвращусь к сэру Даниэлю, чтобы сказать ему, где вы находитесь и в каком именно месте; ведь он затем и послал меня. Но если вы не глупы, то вам лучше уйти до тех пор, пока я вернусь.

– Уйти! – повторил Дик. – Я ушел бы давно, если бы знал, как это сделать. Я не могу сдвинуть плиту.

– Суньте руку в угол и посмотрите, что найдете там, – ответил Беннет, – веревка Трогмортона еще в той комнате. Прощайте.

Хэтч повернулся и исчез в изгибах прохода.

Дик сейчас же вернулся за лампой и последовал совету. В одном углу прохода в стене была глубокая впадина. Дик всунул руку в отверстие, нашел железный болт и сильно дернул его кверху. Послышался громкий треск, и каменная плита сейчас же отодвинулась.

Беглецам открылся выход. С небольшим усилием им удалось поднять дверь, и они вошли в комнату со сводами, выходившую одной стороной во двор, где два-три человека с голыми руками чистили лошадей недавно приехавших солдат. Несколько факелов, воткнутых в железные кольца на стене, освещали эту стену своим колеблющимся светом.

Глава V
Как Дик перешел на другую сторону

Дик затушил лампу, чтобы не привлекать внимания, поднялся наверх и прошел вдоль коридора. В темной комнате он отыскал веревку, привязанную к чрезвычайно тяжелой старинной кровати. Дик взял клубок веревки, подошел к окну и начал медленно и осторожно спускать ее в ночную темноту. Джоанна стояла рядом с ним; по мере того, как веревка удлинялась, а Дик все еще продолжал разматывать ее, сильный страх поколебал решимость молодой девушки.

– Дик, – сказала она, – неужели это так высоко? Я не решусь спуститься. Я непременно упаду, добрый Дик.

Она заговорила как раз в самую критическую минуту. Дик вздрогнул, остаток клубка выскользнул из его рук, и конец веревки с плеском упал в ров. В то же мгновение раздался голос часового с башни:

– Кто идет?

– Черт возьми! – вскрикнул Дик. – Мы пропали! Скорее спускайся по веревке.

– Я не могу, – сказала, отшатываясь, молодая девушка.

– Если ты не можешь, то не могу и я, – сказал Шельтон, – как же я переплыву ров без тебя? Значит, ты бросаешь меня?

– Дик, – задыхаясь проговорила она, – я не могу. Силы покинули меня.

– Клянусь мессой, тогда мы оба погибли! – крикнул он, топнув ногой, потом, услышав шаги, он бросился к двери комнаты и хотел захлопнуть ее.

Прежде чем он успел затворить засов, чьи-то сильные руки налегли на дверь с другой стороны. Одно мгновение он боролся, потом, чувствуя себя побежденным, побежал назад к окну. Девушка прислонилась к стене у окна; она была почти без чувств. Когда Дик попробовал взять ее на руки, тело ее безжизненно повисло.

В то же мгновение люди, которые помешали ему затворить дверь на засов, бросились на него. Одного из них он заколол кинжалом, остальные отступили в беспорядке. Дик воспользовался этим случаем, подбежал к подоконнику, схватил обеими руками веревку и спустился по ней.

Веревка была узловатая, отчего спускаться было легче, но Дик так спешил и так мало привык к гимнастике подобного рода, что качался в воздухе, словно преступник на виселице, и то ударялся головой, то разбивал себе руки о грубую каменную стену. Воздух свистел у него в ушах; он видел звезды над головой и отражения этих звезд во рву; они кружились, словно опавшие листья перед бурей. Наконец он выпустил веревку, упал и опустился с головой в ледяную воду.

Когда он выплыл на поверхность воды, его рука наткнулась на веревку; освободясь от тяжести, она сильно раскачивалась в разные стороны. Над головой у него виднелся красный огонь; взглянув наверх, он увидел при свете факелов и треножника, наполненного горячими углями, что зубцы стен башен усеяны людьми. Он видел, как головы этих людей поворачивались во все стороны, ища его, но он был слишком низко, свет не достигал его, и все поиски были напрасны.

Тут он заметил, что веревка была слишком длинна, и начал пробиваться, насколько мог, к другой стороне рва, продолжая держать голову над водой. Таким образом ему удалось сделать более половины пути; берег был уже вблизи, как вдруг веревка напряглась и начала тянуть его назад. Дик собрал все свое мужество и сделал прыжок в сторону спускавшихся к воде побегов ивы, которые в тот же вечер помогли посланному сэра Даниэля выбраться на берег. Он опустился в воду, снова поднялся, опустился во второй раз, потом схватился рукой

за ветку и с быстротой молнии поднялся в гущу дерева и прижался к стволу. Вода текла с его одежды, он задыхался, не вполне уверенный, что ему удалось спастись от преследования.

Но все это произошло не без всплесков воды, указавших следившим за ним с башни место, где он находился. Стрелы летели вокруг него во тьме словно град. Вдруг с башни бросили факел, он блеснул в воздухе при своем быстром полете, остановился на мгновение на краю берега, где сильно вспыхнул и осветил всю окрестность, словно костер, – но, на счастье Дика, соскользнул, упал в ров и мгновенно погас.

Он достиг, однако, своей цели. Искусные стрелки успели разглядеть иву и Дика, спрятавшегося между ее ветвями; и хотя юноша сейчас же спрыгнул и побежал изо всех сил выше на берег, однако ему не удалось избегнуть выстрела. Одна стрела попала ему в плечо, другая задела голову.

Боль от ран словно дала ему крылья; он взобрался на ровное место и побежал быстро и прямо в темноте, не думая о направлении, куда бежать.

Стрелы продолжали преследовать его на расстоянии нескольких шагов, но вскоре это прекратилось. Когда он наконец остановился и обернулся назад, он был уже далеко от Моот-Хауса, хотя еще видел, как факелы двигались взад и вперед вдоль зубцов башни.

Он прислонился к дереву, истекающий кровью, разбитый, раненый, одинокий. Но все же он спас себе жизнь, хотя Джоанна осталась во власти сэра Даниэля; он не упрекал себя за случайность, которой он не был в силах предотвратить, и не ожидал каких-либо роковых последствий для молодой девушки. Сэр Даниэль жесток, но вряд ли он будет жесток к молодой благородной девице, у которой есть другие покровители, могущие легко призвать его к ответу. Вероятнее всего, он постарается поскорее выдать ее за кого-нибудь из своих друзей.

– Ну, – думал Дик, – до тех пор я еще успею найти средства укротить этого изменника. Клянусь мессой, я считаю себя теперь освобожденным от всякой благодарности или обязанности, а в военное время всем открывается удобный случай изменить свое положение.

Но пока положение его было очень печальное и затруднительное.

Некоторое время он продолжал еще пробираться сквозь чащу леса. Но боль от ран, темнота ночи, тревога и смятение мыслей мешали ему отыскивать направление и продолжать пробиваться сквозь густые заросли. Наконец он вынужден был сесть и прислониться к дереву.

Когда он очнулся от состояния между сном и обмороком, серый рассвет уже начал сменять ночную тьму. Легкий прохладный ветерок шелестел листвой деревьев. Дик еще не вполне проснулся, когда, пристально смотря перед собой, заметил какой-то темный предмет, раскачивавшийся на ветвях дерева ярдах в ста от того, под которым он сидел. Становилось постепенно светлее, Дик пришел в себя и был в состоянии рассмотреть этот предмет. То был человек, висевший на суку большого дуба.

Голова его была опущена на грудь, при каждом более сильном порыве ветра тело его раскачивалось, а руки и ноги вертелись, словно какая-то странная игрушка.

Дик с трудом поднялся на ноги; шатаясь и придерживаясь за стволы деревьев, он подошел ближе к ужасному предмету.

Сук был на высоте приблизительно двадцати футов от земли, и бедный малый был поднят палачами так высоко, что Дик не мог достать рукой даже до его сапог; так как лицо повешенного было закрыто капюшоном, то невозможно было узнать, кто он.

Дик оглянулся направо и налево; наконец он заметил, что другой конец веревки был привязан к стволу небольшого куста боярышника, обильно покрытого цветами, росшего под могучей сенью дуба. Кинжалом – единственным оставшимся у него оружием – молодой Шельтон перерезал веревку, и труп с глухим шумом упал на землю.

Дик приподнял капюшон – то был Трогмортон, посланный сэра Даниэля. Он недалеко ушел со своим поручением. Из-за пазухи его куртки торчала какая-то бумага, очевидно,

ускользнувшая от внимания членов общества «Черной Стрелы». Дик вытащил ее и увидел письмо сэра Даниэля к лорду Уэнслейделю.

– Ну, – подумал он, – если опять будет какая-нибудь перемена, вот этим я могу пристыдить сэра Даниэля и, может быть, привести его к плахе.

Он положил бумагу себе за пазуху, прочел молитву над мертвецом и снова побрел по лесу.

Усталость и слабость все увеличивались; в ушах у него звенело, он спотыкался, терял временами сознание – так сильно он ослабел от потери крови. Без сомнения он много раз сбивался с пути, но наконец вышел на большую дорогу, не очень далеко от деревни Тонсталль.

Чей-то грубый голос крикнул, чтобы он остановился.

– Остановиться? – повторил Дик. – Клянусь мессой, я скорее могу упасть.

И в подтверждение своих слов он упал на дорогу во весь рост.

Из чащи вышло двое людей, оба в зеленых куртках, с длинными луками, колчанами и короткими мечами.

– Лаулесс, – сказал младший из них, – да ведь это молодой Шельтон.

– Вот радость для Джона Мстителя! – ответил его товарищ. – А ведь он побывал в бою. Тут на голове у него рана, которая стоила ему немало унции крови.

– А здесь, – прибавил Гриншив, – в плече у него дыра, должно быть, здорово ему попало.

– Кто бы мог это сделать, как ты думаешь? Если кто-нибудь из нас, то пусть принимается за молитвы; Эллис предложит ему длинную исповедь и короткую веревку.

– Подыми щенка, – сказал Лаулесс, – вали его мне на спину.

Когда Дик был поднят ему на плечи, он, обвив себе шею его руками, крепко захватил их и прибавил:

– Оставайся на посту, брат Гриншив. Я пойду один с ним.

Гриншив вернулся в засаду у дороги, а Лаулесс стал медленно спускаться с холма, неся на плечах Дика, по-прежнему находившегося в глубоком обмороке.

Солнце уже взошло, когда он вышел на окраину леса и увидел деревушку Тонсталль, разбросанную на противоположном холме. Все, казалось, было спокойно, только у моста, по обе стороны дороги, лежало человек десять стрелков. Как только они заметили Лаулесса с его ношей, они зашевелились и стали натягивать луки, как приличествовало бдительным часовым.

– Кто идет? – окликнул начальник отряда.

– Уилли Лаулесс, клянусь распятием, вы знаете меня так же хорошо, как свои пять пальцев, – с презрением ответил Лаулесс.

– Скажите пароль, Лаулесс, – сказал начальник.

– Да просветит тебя небо, большой ты дурак, – ответил Лаулесс, – разве я не сказал тебе своего имени. Но все вы сошли с ума от игры в солдаты. Когда я в лесу, то и хочу жить жизнью лесов, а мой пароль: наплевать на всю шутовскую солдатчину!

– Лаулесс, ты подаешь дурной пример, скажи пароль, глупый шутник, – сказал начальник поста.

– А если я позабыл его?

– А если позабыл, то, клянусь мессой, я всажу стрелу в твое толстое тело, – ответил начальник.

– Ну, если ты так плохо понимаешь шутки, – сказал Лаулесс, – то я, пожалуй, скажу мой пароль. Декуорс и Шельтон – вот мой пароль, а вот и иллюстрация: Шельтон у меня на плечах, и я его несу к Декуорсу.

– Проходи, Лаулесс, – сказал часовой.

– И где Джон? – спросил бывший францисканец.

– Он творит суд и расправу, собирает пошлины, словно вельможа, – крикнул один из часовых.

Так и оказалось. Когда Лаулесс дошел до маленькой гостиницы деревушки, он увидел Эллиса Декуорса, окруженного арендаторами сэра Даниэля. Опираясь на силу своего отряда, он хладнокровно собирал с них арендную плату и выдавал расписки в приеме сумм. По лицам арендаторов ясно было видно, как мало им нравится эта процедура, – они очень ясно понимали, что им придется платить вдвойне.

Как только Эллис узнал, что привело к нему повара, он отпустил остальных арендаторов, и, с явными признаками интереса и тревоги, сопроводил Дика в одну из комнат гостиницы. Тут осмотрели раны юноши и привели его в чувство простыми средствами.

– Милый мальчик, – сказал Эллис, – ты в руках друга, который любил твоего отца и ради него любит и тебя. Отдохни немного, потому что ты еще не совсем пришел в себя. Потом ты расскажешь мне свою историю и мы вместе обсудим, как помочь тебе.

Позже, в течение дня, когда Дик проснулся после спокойного сна, чувствуя себя все еще очень слабым, но с более ясным сознанием и менее страдая от ран, Эллис пришел к нему, сел у его постели и, именем его отца, попросил его рассказать все обстоятельства его бегства из Моот-Хауса. Во всей сильной, крепкой фигуре Декуорса, в честном выражении его смуглого лица, в ясном, проницательном взгляде его глаз, было что-то, заставившее Дика повиноваться ему, и он рассказал со всеми подробностями все приключения последних двух дней.

– Ну, – сказал Эллис, когда Дик закончил свой рассказ, – смотри, Дик Шельтон, что сделали для тебя милосердные святые; они не только спасли твое тело от многочисленных смертельных опасностей, но привели тебя в мои руки – руки человека, у которого нет более задушевного желания, как желание помочь сыну твоего отца. Будь только верен мне, а я вижу, что ты можешь быть верен, – и мы с тобой накажем смертью этого вероломного человека.

– Вы нападете на его дом? – спросил Дик.

– С моей стороны было бы безумием и думать об этом, – возразил Эллис. – Он слишком силен, его люди собираются вокруг него; те, которые улизнули от меня вчера вечером и явились так кстати для тебя, охраняют его. Напротив, Дик, и ты, и я, и мои храбрые стрелки – мы все должны убраться из этого леса как можно скорее и оставить сэра Даниэля в покое.

– Меня тревожит мысль о Джеке, – сказал Дик.

– О Джеке? – повторил Декуорс. – А, понимаю, об этой девушке. Ну, обещаю тебе, Дик, что если пойдет разговор о свадьбе, мы сейчас же начнем действовать, а до тех пор, или пока не наступит время, мы все исчезнем, как тени в ночи с наступлением утра; сэр Даниэль будет смотреть и на восток, и на запад и нигде не увидит врагов; клянусь мессой, он подумает, что видел все это во сне, а теперь просыпается на своей постели. Но наши четыре глаза. Дик, будут пристально следить за ним, и наши четыре руки – да поможет нам небесное воинство! – одолеют изменника.

Два дня спустя гарнизон сэра Даниэля настолько усилился, что он решился на вылазку и во главе сорока всадников проехал без сопротивления до деревушки Тонсталль. Не пролетело ни одной стрелы, ни один человек не пошевелился в роще; мост более не охранялся и был открыт для прохода. Переезжая через него, он увидел крестьян, боязливо выглядывавших из дверей своих домов.

Наконец один из них собрался с духом, вышел вперед и с нижайшими поклонами передал рыцарю какое-то письмо.

Лицо сэра Даниэля потемнело, когда он прочел его содержание. Вот что было написано там:

«Невернейшему и жестокому джентльмену

сэру Даниэлю Брэклею, рыцарю, посылаю эти строки.

Я узнал, что вы были неверны и недобры с самого начала. У вас на руках кровь моего отца; пусть будет так – она не смоется. В один прекрасный день вы погибнете от моей руки, обратите внимание на это. Еще предупреждаю вас, что если вы попробуете выдать замуж благородную даму, мисс Джоанну Седлей, на которой я обещал жениться, то удар разразится скоро. Первый шаг в этом деле будет твоим первым шагом к могиле.

Рич. Шельтон».

Часть третья
Милорд Фоксгэм

Глава I
Дом на берегу

Со времени бегства Ричарда Шельтона от опекуна прошло несколько месяцев. В эти месяцы произошло несколько важных для Англии событий. Ланкастерская партия, казалось, бывшая при последнем издыхании, снова подняла голову. Потерпевшие поражение приверженцы Йоркского дома были рассеяны, их предводитель варварски убит на поле сражения. Когда наступила зима вскоре после описанных событий, казалось, что Ланкастерский дом одержал окончательную победу над своими врагами.

Город Шорби на Тилле был наполнен ланкастерскими вельможами из окрестностей. Тут был граф Райзингэм с тремястами воинами; лорд Шорби с двумястами; сэр Даниэль, в сильном фаворе и снова разбогатевший от конфискаций, жил в собственном доме на главной улице с шестьюдесятью воинами. Мир действительно перевернулся.

Был темный, очень холодный вечер первой недели января. Стоял большой мороз, дул сильный ветер; можно было ожидать, что до утра пойдет снег.

В плохой харчевне, находившейся на улице, прилегавшей к гавани, трое или четверо людей сидели, распивая эль и закусывая яичницей. Это были люди красивые, сильные, загорелые, с грубыми руками, со смелым выражением глаз. Хотя они были одеты бедно, как простые пахари, даже пьяный солдат поостерегся бы начать ссору с такой компанией.

Несколько поодаль от них, перед ярким огнем, сидел молодой человек, почти мальчик; хотя он был одет так же, как и другие, но по его виду ясно было, что он по происхождению выше своих товарищей и мог бы в другое время носить меч.

– Ну, – сказал один из сидевших за столом, – мне это не нравится. Дело окончится плохо. Здесь не место для веселых малых. Веселый малый любит открытое место, хорошее прикрытие и небольшое количество врагов, а здесь мы заперты в городе, окружены неприятелем, и в довершение несчастья, увидите, еще пойдет снег.

– Все это из-за мастера Шельтона, – сказал второй, кивая головой на сидевшего перед огнем юношу.

– Я многое готов сделать для мастера Шельтона, – возразил первый, – но попадать на виселицу ради кого бы то ни было – нет, только не это, братцы!

Дверь гостиницы отворилась, какой-то человек поспешно вошел в комнату и подошел к сидевшему перед огнем юноше.

– Мастер Шельтон, – сказал он, – сэр Даниэль выходит с двумя факелоносцами и четырьмя стрелками.

Дик (так как это был наш юный друг) тотчас же поднялся.

– Лаулесс, – сказал он, – ты займешь место Джона Хеппера. Гриншив, следуй за мной. Кеппер, иди впереди. Но этот раз мы пойдем за ним, хотя бы он отправлялся в Йорк.

В следующее мгновение всеуже были на темной улице. Келлер, – так звали только что пришедшего человека, – показал в сторону, где два факела, раздуваемые ветром, пылали на небольшом расстоянии.

В городе все уже крепко спало; на улицах не было никакого движения, и идти за маленьким отрядом можно было, не возбуждая подозрений. Впереди шли два факелоносца, за ними следовал человек, длинный плащ которого развевался по ветру; в арьергарде шли четыре

стрелка с луками в руках. Они двигались быстрым шагом, проходя по запутанным переулкам и приближаясь к берегу.

– Он ходит каждую ночь в этом направлении? – шепотомспросил Дик.

– Вот уже третью ночь, мастер Шельтон, – ответил Кеплер, – и всегда в одно и то же время и с такой же маленькой свитой, как будто с какой-то тайной целью.

Сэр Даниэль со своими шестью спутниками вышли на окраину. Шорби был неукрепленный город, и хотя засевшие в нем лорды-ланкастерцы держали сильные караулы на главных дорогах, из него все же можно было выйти – или войти в него – незамеченным по небольшим улицам или по открытому полю.

Переулок, которым шел сэр Даниэль, внезапно окончился. Перед ним расстилалась небольшая дюна; с одной стороны доносился шум морского прибоя. Поблизости не было караула, никакого света не виднелось в этой части города.

Дик и его два спутника подошли несколько ближе к тому, кого преследовали; когда они вышли из ряда домов и могли взглянуть немного дальше в обе стороны, они заметили факел, приближавшийся по противоположному направлению.

– Эге, – сказал Дик, – я чую измену.

Между тем сэр Даниэль остановился. Факелы воткнули в землю, а люди легли, как будто в ожидании появления другого отряда.

Отряд этот приближался быстрым ходом. Он состоял только из четырех человек – двух стрелков, слуги с факелом и джентльмена в плаще, шедшего посередине.

– Это вы, милорд? – крикнул сэр Даниэль.

– Да, это я, и если кто-либо доказал, что он истинный рыцарь – это я, – ответил предводитель второго отряда, – потому что всякий охотнее встретится с великанами, колдунами и язычниками, чем вынесет такой пронизывающий холод.

– Милорд, – ответил сэр Даниэль, – красавица будет тем более признательна вам, не сомневайтесь в этом. Но не отправиться ли нам в путь? Чем скорее вы увидите мой товар, тем скорее мы оба вернемся по домам.

– Но зачем вы держите ее здесь, добрый рыцарь? – спросил незнакомец. – Если она так молода, так хороша и богата, почему вы не даете ей возможности бывать среди своих подруг? Вы скорее устроили бы для нее выгодный брак без необходимости морозить себе пальцы и рисковать получить рану, расхаживая в такую неподходящую погоду в темноте.

– Я говорил вам, милорд, – ответил сэр Даниэль, – что это касается только меня. И я не намерен объяснять вам. Достаточно сказать, что если вам надоел ваш старый приятель, Даниэль Брэклей, то объявите во всеуслышание, что вы собираетесь жениться на Джоанне Седлей, и даю вам слово – вы скоро избавитесь от него. Вы найдете его со стрелой в спине.

Между тем джентльмены быстро продвигались по дюнам; перед ними несли три факела, которые колебались от ветра и распространяли вокруг себя облака дыма и искры огня; шесть стрелков заключали шествие.

Сейчас за ними шел Дик. Он, конечно, не слышал ни слова из их разговора, но во втором из разговаривавших он узнал старого лорда Шорби, пользовавшегося очень дурной репутацией, которого даже сэр Даниэль считал нужным порицать в обществе.

Наконец они дошли до самого берега. Воздух был пропитан солью, шум прибоя стал сильнее. Тут, в большом саду, обнесенном стенами, стоял маленький двухэтажный дом с конюшнями и другими службами.

Шедший впереди факелоносец отпер калитку в стене и после того, как все вошли в сад, снова запер ее на замок с другой стороны.

Дик и его товарищи были, таким образом, лишены возможности следовать за ними; конечно, они могли бы перелезть через стену, но при этом могли и попасться в ловушку.

Они присели в вереске и стали ждать. Красное пламя факелов двигалось взад и вперед, вниз и вверх за оградой, как будто факелоносцы усердно сторожили сад.

Прошло двадцать минут, и все общество снова вышло на дюну. После утонченных прощальных приветствий сэр Даниэль и барон расстались и пошли по домам, каждый со своей свитой из людей и факелов.

Как только ветер заглушил шум их шагов, Дик встал на ноги насколько мог быстро, он закоченел от холода.

– Кеппер, помоги мне взобраться, – сказал он.

Все трое подошли к стене; Кеппер нагнулся, а Дик встал ему на плечи и взобрался на стену.

– Ну, Гриншив, – шепнул Дик, – следуй за мной сюда; ляг навзничь, чтобы тебя было меньше видно, и будь готов помочь мне, если на меня нападут.

Сказав это, он соскочил в сад.

Там не было видно ни зги; дом был не освещен. Ветер резко свистел среди жалких кустов; волны бились о берег; других звуков не было слышно. Дик осторожно пошел вперед, спотыкаясь среди кустов и ощупывая предметы руками. Вдруг резкий скрип песка под ногами показал ему, что он попал на аллею.

Тут он остановился и, вынув арбалет из-под своего длинного плаща, приготовил его к немедленному действию и пошел дальше с большой решимостью и уверенностью. Дорожка привела его к группе зданий.

Все они казались разрушенными; окна дома закрывались ветхими ставнями, пустые конюшни были распахнуты настежь, на сеновале не было сена, в стойлах – зерна. Всякий принял бы этот дом за необитаемый, но у Дика были основательные причины предполагать иное. Он продолжал обход, заходил в службы, пробовал все окна. Наконец, обойдя дом *со* стороиы моря, он увидел, как и ожидал, слабый свет в одном из окон верхнего этажа.

Он отошел немного в сторону так, чтобы видеть движение тени на стене комнаты, из которой виднелся свет. Тут он вспомнил, что когда он ощупывал стены конюшни, ему попалась под руку какая-то лестница, и он поспешно пошел за ней. Лестница была очень коротка, но все же, стоя на ее верхней ступени, он мог протянуть руки так, чтобы достать до железных перекладин окна; ухватясь за них, он напряг все силы и поднялся настолько, что мог видеть все происходившее в комнате.

В ней были две женщины: в первой он сейчас же узнал Гуди Хэтч, вторая – высокая, красивая, важная молодая леди в длинном вышитом платье – неужели это Джоанна Седлей? Его лесной товарищ Джек, которого он собирался отколотить поясом?

Он в изумлении опустился на перекладину лестницы. Он никогда не представлял себе своей возлюбленной существом настолько высшим, и чувство сомнения в себе охватило его. Но ему некогда было раздумывать. Вблизи него раздалось тихое восклицание: «Тс!» – и он поспешно сошел с лестницы.

– Кто идет? – шепотом проговорил он.

– Гриншив, – послышался ответ, сказанный таким же тоном.

– Что тебе нужно? – спросил Дик.

– За домом следят, мастер Шельтон, – ответил Гриншив. – Не мы одни караулим здесь; лежа на животе на стене, я заметил людей, бродящих в темноте, в слышал, как они тихо пересвистывались.

– Правда, это очень странно, – сказал Дик. – Это не люди сэра Даниэля?

– Нет, сэр, – ответил Гриншив, – если у меня есть глаза, то у каждого из них на шапке белый значок с какими-то темными клетками.

– Белый, с темными клетками? – повторил Дик. – Право, я не знаю такого значка. Это не из здешних. Ну, если так, то выберемся потихоньку из этого сада, потому что здесь мы не

в состоянии защищаться. В доме, без сомнения, есть люди сэра Даниэля, и попасть между двух огней – положение не из приятных. Возьми эту лестницу, я должен оставить ее там, где нашел.

Они отнесли лестницу в конюшню и ощупью добрались до места, откуда вошли в сад.

Кеппер между тем занял позицию Гриншива на стене; он подал руку и втащил сначала одного, потом другого на стену.

Осторожно и безмолвно все трое спустились на другую сторону; они заговорили только тогда, когда вернулись в свою старую засаду в заросли.

– Ну, Джон Кеппер, – сказал Дик, – отправляйся назад в Шорби так быстро, как будто дело идет о твоей жизни. Приведи мне сейчас же всех, кого можешь собрать. Здесь будет сборное место, если же люди разбросаны далеко друг от друга и соберутся только к рассвету, назначь место сбора где-нибудь подальше, у входа в город. Гриншив и я остаемся здесь караулить. Поторопись, Джон Кеппер, и да помогут тебе все святые! А мы с тобой, Гриншив, – продолжал он, когда Кеппер отправился в путь, – обойдем вокруг сада на большом расстоянии. Мне хочется посмотреть, не обманули ли тебя твои глаза.

Держась вдали от стены и пользуясь каждым возвышением, каждой впадиной, они обошли сад с двух сторон, ничего не заметив. С третьей стороны садовая стена была выстроена прямо на берегу; чтобы сохранить необходимое расстояние от нее, им пришлось несколько спуститься на песок. Хотя до прилива было еще далеко, прибой был настолько силен, а песчаный берег так плосок, что каждый вал обливал пеной и водой большое пространство. Дику и Гриншиву пришлось сделать эту часть обхода по лодыжку – а местами и по колено – в соленой, ледяной воде моря.

Внезапно на относительной белизне садовой стены показалась, словно в китайском театре теней, неясная фигура человека, подававшего какие-то знаки руками. Когда он спустился на землю, несколько подальше появилась другая такая же фигура и проделалато же самое. И эти знаки, словно безмолвный пароль, повторились вокруг осажденного сада.

– Они хорошо караулят, – шепнул Дик.

– Вернемся скорее на берег, мастер, – ответил Гриншив. – Мы стоим здесь на слишком открытом месте: когда морские волны, тяжелые и белые, разобьются сзади нас, наши фигуры будут ясно вырисовываться среди пены.

– Ты говоришь правду, – сказал Дик. – Скорее на берег!

Глава II
Схватка в темноте

Дик с товарищами вернулись на свою позицию в вереске совершенно вымокшие и озябшие.

– Дай Бог, чтобы Кеппер поторопился! – сказал Дик. – Я обещаю свечу Святой Марии в Шорби, если он скоро вернется.

– Вы спешите, мастер Дик? – спросил Гриншив.

– Да, добрый малый, – ответил Дик, – потому что в этом доме находится моя дама, которую я люблю, а кто эти люди, стерегущие ее тайно ночью? Конечно, недруги.

– Ну, – сказал Гриншив, – если Джон скоро вернется, мы славно расправимся с ними. С наружной стороны их не более сорока человек – я сужу по тому, как расставлены их часовые, и если напасть на них, когда они так далеко друг от друга, то двадцати человек достаточно, чтобы разогнать их, как воробьев. Но, мастер Дик, если она теперь во власти сэра Даниэля, то ей не очень повредит, если она попадет во власть другого. А кто могут быть эти люди?

– Я подозреваю лорда Шорби, – ответил Дик. – Когда пришли они?

– Они начали подходить в то время, как вы перелезли через стену, мастер Дик, – сказал Гриншив. – Я не пролежал и минуты, как уже заметил первого негодяя, подкрадывавшегося из-за угла.

Последний свет уже был погашен в домике, когда Дик и его спутник брели среди всплесков волн; теперь невозможно было предсказать, когда люди, скрывавшиеся у стены сада, решатся произвести нападение на дом.

Из двух зол Дик предпочитал меньшее.

Он предпочитал, чтобы Джоанна осталась под охраной сэра Даниэля, чем попала бы в когти лорда Шорби. Он твердо решился в случае нападения на дом явиться немедленно на помощь осажденным.

Но время проходило, а никакого движения все же не было заметно. Каждую четверть часа те же сигналы передавались по стене сада, как будто предводитель хотел убедиться, бодрствуют ли его расставленные по стене слуги, но во всех других отношениях в окрестности маленького дома царствовала невозмутимая тишина.

Мало-помалу к Дику стало подходить его подкрепление. Ночь только что наступила, когда около двадцати человек уже притаились в вереске рядом с ним.

Он разделил их на два отряда, взял на себя команду над меньшим, а предводительство большим предоставил Гриншиву.

– Ну, Кит, – сказал он последнему, – возьми своих людей к ближайшему углу садовой стены на берегу. Поставь там сильный караул и жди, пока не услышишь, что я начал нападение с другой стороны. Я хотел бы овладеть теми, которые стоят фронтом к морю, потому что там, наверно, находится предводитель. Остальные побегут; пожалуй, отпустите их. И вот еще что, ребята, не стреляйте, вы можете попасть в друзей. Беритесь за кинжалы и действуйте ими. А если мы одержим верх, то обещаю каждому из вас по золотому, когда я получу свое имение.

Сопровождать Ричарда Шельтона вызвались самые храбрые и наиболее искусные в военном ремесле люди из странного сборища изломанных жизнью людей, воров, убийц и крестьян из разоренных поселений, которых призвал к себе Декуорс для своих планов мщения. Служба, состоявшая в наблюдении за сэром Даниэлем в городе Шорби, была им не по вкусу; в последнее время они начали громко роптать и угрожали уйти. Перспектива горячей схватки, а может быть, и добычи возвратила им хорошее расположение духа, и они радостно стали готовиться к битве.

Откинув свои длинные плащи, они появились в простых зеленых кафтанах, а некоторые в толстых кожаных куртках; под капюшонами на многих были надеты шапки с железными бляхами; что касается оружия, то мечи, кинжалы, несколько толстых рогатин и дюжина блестящих алебард давали им возможность противостоять даже регулярным феодальным войскам. Луки, колчаны и плащи были спрятаны в вереске, и оба отряда решительно двинулись вперед.

Дик, дойдя до другой стороны дома, расставил в ряд своих шестерых воинов, ярдах в двадцати от садовой стены, и стал в нескольких шагах впереди. Потом все разом крикнули и бросились на неприятеля.

Враги, лежавшие на больших расстояниях друг от друга, окоченевшие от холода, застигнутые врасплох, вскочили на ноги и остановились в нерешительности. Прежде чем они могли собраться с мужеством, или даже сообразить количество нападающих и их силы, такой же крик, предвестник нападения, достиг их ушей с отдаленной стороны ограды. Они сочли себя погибшими и побежали.

Таким образом, два маленьких отряда членов шайки «Черной Стрелы» соединились перед стеной сада, выходившей на море; часть незнакомцев очутилась как бы жду двух огней, а остальные разбежались во все стороны и скоро исчезли в темноте.

Но битва еще только начиналась. Хотя на стороне лесных бродяг Дика было то преимущество, что нападение их было неожиданным, но те, на кого они напали, превосходили их численностью. Между тем наступил прилив; берег сузился до небольшой полосы; на пространстве между морем и садовой стеной, в темноте, начался яростная, смертельная борьба, исход которой был сомнительным.

Незнакомцы были хорошо вооружены; они молча бросились на нападающих; схватка превратилась в ряд отдельных состязаний. Дик, первым бросившийся в битву, схватился с тремя воинами; одного из них он уложил с первого удара, но остальные двое напали на него с такой горячностью, что он чуть было не отступил перед их натиском. Один из нападающих был громадный малый, почти великан, вооруженный огромным мечом, которым он размахивал, как тросточкой. Против такого противника с сильным размахом руки и с длинным, тяжелым оружием Дик со своей алебардой оказывался совершенно беззащитным. Если бы и другой противник решил принимать горячее участие в нападении, гибель юноши была бы неизбежна. Но этот человек, менее высокий и более медлительный в движениях, остановился на мгновение, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к звукам битвы.

Великан продолжал пользоваться своим выгодным положением, а Дик все отступал перед ним, поджидая удобного случая. Вдруг в воздухе сверкнуло и опустилось громадное лезвие, Дик сделал ловкий прыжок и стал наудачу рубить своей алебардой направо и налево. Послышался громкий отчаянный крик; прежде чем раненый успел поднять свое страшное оружие, Дик дважды повторил свой удар, и противник упал на землю.

В следующее мгновение Дик вступил на более равных условиях в борьбу с другим своим преследователем. Тут не было большой разницы в росте, и хотя противник Дика выступил против алебарды с мечом и кинжалом, хотя он был осторожен, умел хорошо отражать удары и имел лучшее оружие, Дик возмещал все это своею ловкостью и проворством. Никто из них сначала не имел видимого преимущества над другим, но старший из противников незаметно воспользовался горячностью младшего, чтобы завести того, куда ему хотелось. Вдруг Дик заметил, что они прошли берег во всю его ширину и дерутся теперь по колено в воде, среди пены и шума волн. Тут его ловкость и подвижность становились бесполезными; он увидел себя, более или менее, в руках врага; еще немного, и он очутился вдали от своих людей и убедился, что ловкий и искусный противник решил завести его как можно дальше.

Дик заскрежетал зубами. Он решил немедленно окончить борьбу. Когда волна прибоя отхлынула, оставив песок сухим, он бросился вперед, выбил оружие из рук противника и вцепился ему прямо в горло. Тот упал вместе с Диком, который очутился на нем; следующая волна покрыла его водой.

Пока он лежал еще под водой, Дик выхватил у него из рук кинжал и встал на ноги с победоносным видом.

– Сдавайтесь! – сказал он. – Даю вам жизнь.

– Сдаюсь, – ответил его противник, подымаясь на колени. – Вы бьетесь, как молодой человек, то есть неумело и очертя голову, но, клянусь всеми святыми, вы сражаетесь отважно.

Дик обернулся к берегу. В темноте еще продолжался с сомнительным успехом яростный бой. Покрывая глухой шум волн, слышались удары стали о сталь, раздавались крики боли и боевые возгласы.

– Отведите меня к вашему предводителю, юноша, – сказал побежденный рыцарь. – Пора окончить эту бойню.

– Сэр, – ответил Дик, – если у этих храбрых малых есть какой-нибудь предводитель, то он – тот бедный джентльмен, что стоит перед вами.

– Ну, так отзовите своих псов, а я велю своим слугам остановиться, – сказал незнакомец.

В голосе и манерах противника было столько благородства, что Дик перестал бояться измены.

– Складывайте оружие, молодцы! – крикнул незнакомый рыцарь. – Я сдался под условием, что останусь жив.

Тон незнакомца был чрезвычайно властный, и шум и смятение схватки прекратились почти немедленно.

– Лаулесс, – крикнул Дик, – ты жив?

– Да, – крикнул в ответ бывший повар, – жив и невредим.

– Зажги фонарь, – сказал Дик.

– Сэра Даниэля нет здесь? – спросил рыцарь.

– Сэра Даниэля? – повторил Дик. – Молю Бога, чтобы его не было здесь. Клянусь распятием, плохо бы мне пришлось, если бы он был здесь.

– Плохо пришлось бы вам, прекрасный сэр? – спросил рыцарь. – Ну, признаюсь, если вы не принадлежите к партии сэра Даниэля, то я ничего более не понимаю. Зачем же вы напали на мою засаду? Какой тут спор, мой юный и чрезвычайно пылкий друг? Какое у вас было намерение? И чтобы покончить с расспросами – какому благородному джентльмену я сдался?

Но прежде чем Дик успел ответить, в темноте раздался чей-то голос. Дик разглядел белый с черным значок на шапке говорившего и почтительный поклон, которым он приветствовал своего начальника.

– Милорд, – сказал он, – если эти джентльмены – недруги сэра Даниэля, то, право, очень жаль, что мы бились с ними, но было бы в десять раз больше жаль, если бы они или мы остались здесь дольше. Часовые в доме, если они не мертвы и не глухи, услышали нашу схватку с четверть часа тому назад; сейчас они дадут сигналы в город, и если мы не поторопимся уйти, то все будем схвачены новым врагом.

– Хокслей прав, – сказал лорд. – Чего вы желаете, сэр? Куда мы должны идти?

– Ну, милорд, что касается меня, идите куда хотите. Я начинаю думать, что у нас есть основание для дружбы, и если я начал знакомство с вами несколько грубо, то не хочу продолжать его таким же образом. Поэтому, милорд, вы дадите мне вашу правую руку, и мы расстанемся. А в назначенный вами час мы встретимся в назначенном вами месте и сговоримся.

– Вы слишком доверчивы, мой мальчик, – сказал рыцарь, – но на этот раз ваше доверие не будет обмануто. Я встречу вас на рассвете у Креста святой Невесты. Ну, молодцы, за мною!

Незнакомцы исчезли с несколько подозрительной быстротой. Пока обитатели зеленого леса занялись привычным делом – грабежом покойников, Дик еще раз обошел садовую стену, чтобы рассмотреть переднюю часть дома. В маленьком окошечке наверху крыши он увидел какой-то свет; так как этот свет был наверное виден из задних окон городского дома сэра Даниэля, то он не сомневался, что это и был сигнал, которого боялся Хокслей, и что на сцене скоро появятся солдаты Тонсталльского рыцаря.

Он приложил ухо к земле, и ему послышался нестройный глухой звук со стороны города. Он бросился поспешно к берегу. Но работа была уже окончена, последний труп был обезоружен и обобран догола, и четверо молодцов уже несли его к морю, чтобы кинуть в воду.

Через несколько минут, когда из ближайших переулков Шорби показалось до сорока всадников, поспешно снарядившихся и мчавшихся галопом, все было безмолвно и пустынно вокруг маленького дома на морском берегу.

Между тем Дик со своими воинами вернулся в питейный дом «Коза и Волынка», чтобы урвать несколько часов сна до утреннего свидания.

Глава III
Крест святой Невесты

Крест святой Невесты стоял недалеко от Шорби, у опушки Тонсталльского леса. Тут перекрещивались две дороги: одна шла из Холивуда, через лес, другая – дорога из Райзингэма, по которой, как мы видели, бежали остатки Ланкастерской армии. В этом месте дороги сходились и спускались вместе по холму к Шорби. Несколько дальше от места их соединения вершину небольшого холма венчал старинный крест, сильно пострадавший от непогоды.

Сюда и явился Дик около семи часов утра. Было холодно по-прежнему; земля вся посерела и отливала серебром от инея; день занялся на востоке зарей пурпурного и оранжевого цвета.

Дик сел на нижнюю ступеньку у креста, хорошенько закутался в свой длинный плащ и внимательно огляделся по сторонам. Ему пришлось недолго ждать. По дороге из Холивуда показался джентльмен в богатых, блестящих латах, на которые была наброшена верхняя одежда из драгоценнейших мехов, верхом на великолепном ратном коне. В двадцати ярдах за ним следовала группа всадников, вооруженных копьями; они остановились недалеко от места назначенного свидания, джентльмен в меховой одежде поехал дальше один.

Из-под поднятого забрала видно было лицо с властным, величественным выражением, соответствовавшим богатству одежды и вооружения незнакомца. Дик встал своего места с некоторым смущением и спустился по холму навстречу своему пленнику.

– Благодарю вас, милорд, за аккуратность, – сказал он с низким неловким поклоном. – Не угодно ли вашей милости сойти на землю?

– Вы здесь одни, молодой человек? – спросил лорд.

– Я не так прост, – ответил Дик, – и должен сказать откровенно, ваша милость, что леса по обе стороны этого креста полны моими честными молодцами с оружием наготове.

– Умно вы поступили, – сказал лорд. – Это мне нравится тем более, что в прошлую ночь вы дрались очертя голову, скорее как дикий безумец-сарацин, чем христианский рыцарь. Но мне не пристало жаловаться, так как я был побежден.

– Вы были побеждены, потому что упали, милорд, – возразил Дик, – если бы не помогли волны, то мне пришлось бы плохо. Вам угодно было отметить меня знаками кинжала, которые и теперь на моем теле. В конце концов, милорд, мне думается, что все опасности, так же, как и все выгоды этой маленькой стычки на берегу, выпали на мою долю.

– Я вижу, вы достаточно проницательны, чтобы этим воспользоваться, – заметил незнакомец.

– Нет, милорд, – ответил Дик, – я не думаю извлекать из этого выгод. Но когда при свете дня я вижу, какой храбрый рыцарь сдался – не мне, а судьбе, темноте и приливу, как легко бой мог принять совсем другой оборот для такого неопытного и неотесанного воина, как я, – то вы, милорд, не должны находить странным, что я смущен выпавшей на мою долю победой.

– Вы хорошо говорите, – сказал незнакомец. – Ваше имя?

– Мое имя, если вам угодно знать его, – Шельтон, – ответил Дик.

– Меня зовут лорд Фоксгэм, – сказал незнакомец.

– Значит, милорд, вы, с вашего позволения, опекун самой милой девушки в Англии, – ответил Дик, – и не может быть никакого разговора об условиях выкупа – как вашего, так и тех, кто был с вами на берегу. Прошу вас, милорд, окажите мне вашу милость и благосклонность, отдайте мне руку моей возлюбленной, Джоанны Седлей, и примите со своей стороны свободу свою, свободу своих слуг и (если желаете) мою благодарность и службу до смерти.

– Но разве сэр Даниэль – не ваш опекун? Мне казалось, что так говорили о сыне Гарри Шельтона, – сказал лорд Фоксгэм.

– Не угодно ли вам сойти с лошади, милорд? Я рассказал бы вам откровенно, кто я, каково мое положение, и отчего я решаюсь на такую смелую просьбу. Умоляю вас, милорд, присядьте на эти ступеньки, выслушайте меня до конца и судите меня милостиво.

Говоря это, Дик протянул лорду Фоксгэму руку, чтобы помочь ему сойти с лошади, привел его к кресту, усадил на то место, где прежде сидел сам, и, стоя почтительно перед своим благородным пленником, рассказал ему всю свою историю до событий вчерашнего вечера включительно.

Лорд Фоксгэм внимательно слушал его.

– Мастер Шельтон, – сказал он, когда Дик окончил свой рассказ, – вы самый счастливый и в то же время несчастный молодой джентльмен на свете; но счастье, которое у вас было, вы вполне заслужили, а несчастье не заслужено вами ни в коем случае. Ободритесь, потому что вы приобрели друга, который может оказать вам услугу и имеет власть на это. Что касается вас, то хотя человеку вашего происхождения и не годится водиться с шайкой лесных бродяг, я должен признать, что вы и храбры и честны, очень опасны в бою, очень любезны в мирное время; юноша с превосходными наклонностями и отважного вида. Что касается ваших поместий, вы не увидите их, пока мир снова не перевернется; пока Ланкастер одерживает верх, сэр Даниэль будет владеть ими. Относительно благородной девицы, которую я опекаю, дело иное; я еще раньше обещал ее руку одному джентльмену, родственнику нашего дома, некоему Гэмлею; обещание дано давно…

– Да, милорд, а теперь сэр Даниэль обещал ее руку милорду Шорби, – перебил Дик. – И это обещание, хотя данное позже, вероятно, окажется более действительным.

– Это истинная правда, – сказал лорд Фоксгэм. – Принимая во внимание, что я ваш пленник, которому вы, по соглашению, оставили только жизнь, а самое главное – что девушка находится, к несчастью, в других руках, я условно даю свое согласие. Помогите мне с вашими добрыми молодцами…

– Милорд, – вскрикнул Дик, – ведь это те же самые лесные бродяги, за которых вы порицали меня, что я вожусь с ними!

– Пусть они будут кем хотят, если только они умеют сражаться, – возразил лорд Фоксгэм. – Ну, так помогите мне, и если нам двоим удастся отбить девушку, клянусь моей рыцарской честью, она выйдет за вас!

Дик преклонил колено перед своим пленником, но тот легко соскочил с подножья креста, поднял юношу и поцеловал его как сына.

– Ну, – сказал он, – если вы женитесь на Джоанне, то мы должны заранее стать друзьями.

Глава IV
«Добрая Надежда»

Час спустя Дик был снова в гостинице «Коза и Волынка», сидел за завтраком и выслушивал донесения своих гонцов и часовых. Декуорса все еще не было в Шорби. Это случалось часто, так как он играл много ролей и принимал участие в многочисленных и разнообразных делах. Он основал общество «Черной Стрелы», когда разорился и жаждал мести и денег, но среди людей, особенно хорошо знавших его, он считался агентом и эмиссаром великого делателя королей в Англии – Ричарда, графа Варвика.

Как бы то ни было, во время его отсутствия ведение дел в Шорби выпадало на долю Ричарда. Он сидел за завтраком с душой, полной тревоги, и с задумчивым выражением лица. Между ним и лордом Фоксгэмом было решено нанести решительный удар в этот вечер и освободить Джоанну силой. Однако препятствий оказывалось много. По мере того, как к Дику являлись разведчики, он узнавал все более и более неприятные новости.

Ночной бой встревожил сэра Даниэля. Он увеличил гарнизон дома в саду; не довольствуясь этим, он расставил всадников по всем соседним тропинкам так, чтобы они могли ему дать немедленно знать о всяком движении. В то же время во дворе его собственного дома стояли оседланные лошади, и всадники, вооруженные с головы до ног, ждали только сигнала к отправлению.

Ночное предприятие казалось все более и более неосуществимым, но вдруг лицо Дика прояснилось.

– Лаулесс! – крикнул он. – Ведь ты был моряком. Можешь ли ты украсть для меня судно?

– Мастер Дик, – ответил бывший моряк, – если вы поддержите меня, я готов украсть кафедральный собор в Йорке.

Вскоре они вышли из гостиницы и отправились вниз к гавани. Это была довольно большая бухта, окруженная песчаными холмами и размытыми дюнами. Берега были засыпаны обломками и всяким хламом; к гавани вели глухие, заброшенные улицы города. Много палубных судов и лодок стояло там на якоре или было вытащено на берег. Продолжительная дурная погода загнала их из открытого моря в прибежище порта, а большие черные тучи и холодные шквалы, следовавшие один за другим и приносившие иногда сухой снег, не предвещали улучшения, а скорее угрожали еще более сильным штормом в недалеком будущем.

Большинство моряков, чтобы укрыться от холода и ветра, отправились на берег и шумели и пели в прибрежных харчевнях. Многие из судов раскачивались на якорях без присмотра. По мере того, как становилось поздно и погода не показывала никаких признаков улучшения, число таких судов возрастало. На эти-то суда, в особенности на те, которые стояли подальше, Лаулесс и обратил свое внимание. Дик, сидя на якоре, наполовину ушедшем в песок, прислушивался то к грубым могучим голосам урагана, то к хриплому пению матросов в ближайшей таверне; но вскоре он забыл и о том, что окружало его, забыл и все заботы в приятных воспоминаниях об обещании лорда Фоксгэма.

Мечтания его были прерваны прикосновением чьей-то руки к его плечу. То был Лаулесс, который указывал маленькое судно невдалеке от устья гавани, плавно окачивавшееся на волнах. Как раз в эту минуту луч бледного зимнего солнца упал на палубу, вырисовывавшуюся на фоне мрачных туч. При этом мгновенном освещении Дик увидел двух людей, тащивших шлюпку вдоль борта судна.

– Вот, сэр, – сказал Лаулесс, – заметьте хорошенько. Вот вам судно на эту ночь.

Шлюпка отделилась от судна, и двое людей, повернув ее по ветру, весело поплыли к берегу. Лаулесс обернулся к какому-то праздношатающемуся.

– Как звать его? – спросил он, указывая на маленькое судно.

– Его зовут «Добрая Надежда», оно из Дортмута, – ответил незнакомец. – Имя капитана Арбластер. Он гребет на носу вон той шлюпки.

Этого-то и нужно было ему. Поспешно поблагодарив незнакомца, он пошел по берегу к песчаной бухточке, к которой направлялась шлюпка. Тут он занял позицию, и лишь только сидевшие приблизились настолько, что могли слышать его, он открыл огонь по морякам.

– Эй, кум Арбластер! – закричал он. – Вот так хорошая встреча, нет, право, чудесная встреча, клянусь распятием! А это «Добрая Надежда»? Ах, я узнал бы ее среди десяти тысяч! Славное судно! Подплывай-ка, кум! Хочешь выпить? Я получил поместье, о котором ты, без сомнения, слышал. Я богат теперь, я перестал плавать по морю, плаваю больше по элю, приправленному пряностями. Ну, молодец, давай-ка руку! Выпей со старым товарищем!

Шкипер Арбластер, длиннолицый, пожалуй, много видавший на своем веку человек, с ножом на шее, на тесьме, по походке и манерам похожий на любого из моряков того времени, отступил назад в очевидном изумлении и с недоверчивостью. Но упоминание о поместье, вид полупьяного простодушия и дружелюбия, очень искусно принятый Лаулессом, помогли победить его подозрительность; выражение лица его смягчилось, он сразу протянул руку и пожал руку лесного бродяги.

– Нет, – сказал он, – я не помню тебя. Но что же из этого? Я готов выпить со всяким, кум, так же, как и мой Том. Любезный Том, – прибавил он, обращаясь к своему спутнику, – вот мой кум; фамилии его я не помню, но, без сомнения, он очень хороший моряк. Пойдем выпить с ним и с его другом на берегу.

Лаулесс пошел впереди, и вскоре все сидели в питейном доме. Так как дом этот был новый и стоял в уединенном месте, он был не так набит посетителями, как другие, находившиеся ближе к центру порта. Это был простой деревянный сарай, очень похожий на блок-гаузы, встречающиеся в девственных лесах Америки в настоящее время. Вся обстановка его состояла из одного-двух шкафов, нескольких голых скамей и положенных на бочонки досок, изображавших столы. Посреди сарая, раздуваемый сильными сквозными ветрами, пылал огонь из корабельных обломков, изрыгая густой дым.

– Эх, – сказал бывший францисканец, – вот она, радость моряка, – хороший огонь, добрая чарочка вина на берегу, когда на дворе скверная погода и морская буря разгуливает по крыше! За «Добрую Надежду»! Добрый путь ей!

– Да, – сказал шкипер Арбластер, – правда, хорошо быть на берегу в такую погоду. Что ты скажешь на это, Том? Кум, ты хорошо говоришь, хотя я никак не могу припомнить твоего имени, но ты говоришь очень хорошо. Доброго пути «Доброй Надежде»! Аминь!

– Друг Дикон, – продолжал Лаулесс, обращаясь к своему начальнику, – у вас, если не ошибаюсь, есть неотложные дела? Пожалуйста, отправляйтесь тотчас же. Я же останусь в самом отборном обществе с двумя старыми моряками, а до тех пор, пока вы вернетесь, я готов побиться об заклад, что эти славные малые останутся и будут пить чарку за чаркой. Мы ведь не похожи на людей на берегу, мы крепкие морские волки!

– Хорошо придумано! – сказал шкипер. – Можете идти, мой мальчик, я останусь в обществе вашего доброго друга и моего доброго кума, пока не потушат огней – и даже, клянусь Святой Марией, до восхода солнца. Видите, когда человек долго бывает в море, от соли его внутренности превращаются в глиняные, и дайте ему выпить целый колодец, он все еще не утолит своей жажды.

Ободряемый таким образом со всех сторон, Дик встал, раскланялся с приятелями и, выйдя на воздух, где свирепствовала буря, отправился как можно скорее в готиницу «Коза и Волынка». Оттуда он послал сказать лорду Фоксгэму, что, как только наступит вечер, у них будет крепкое судно для поездки по морю. Потом, взяв собой двух спутников, имевших некоторое понятие море, он вернулся в гавань к маленькой песчаной бухте.

Шлюпка «Доброй Надежды» стояла среди многих других, отличаясь от них своими чрезвычайно малыми размерами и хрупким видом. Действительно, когда Дик со своими двумя спутниками заняли места в лодке и стали выплывать из бухты в открытую гавань, маленькая скорлупка погружалась в волны и дрожала при каждом порыве ветра, как будто готовая опуститься на дно.

Как мы уже говорили, «Добрая Надежда» стояла на якоре далеко от берега, где было сильное волнение. На расстоянии нескольких кабельтов не было других судов; те же, которые стояли ближе, были пусты. Когда шлюпка приблизилась к судну, пошел густой снег; внезапно наступившая темнота скрывала движения гребцов от какого бы то ни было наблюдения за ними. В один миг Дик и его люди вскочили на вздымавшуюся палубу, и шлюпка уже танцевала у кормы. «Добрая Надежда» была взята в плен.

Это было хорошее, крепкое судно, закрытое на носу и в середине, но с открытой кормой. У него была одна мачта, а оснастка его представляла собой нечто среднее между оснасткой фелуки и люгера. По-видимому, торговое предприятие шкипера Арбластера оказалось превосходным, так как трюм был полон бочонками французского вина, а в маленькой каюте капитана, кроме образа Девы Марии, – что доказывало его набожность – находились запертые на замок сундуки и шкафы, говорившие о его богатстве и заботливости.

Собака, единственная обитательница судна, яростно лаяла и кусала похитителей за пятки, но ее скоро прогнали в каюту; запертая дверь заглушила ее справедливый гнев. На ванты был поднят зажженный фонарь, чтобы с берега можно было ясно разглядеть судно; один из бочонков в трюме был открыт, и чаша превосходного гасконского вина осушена в память события этого вечера. Потом один из похитителей начал приготовлять лук и стрелы на случай нападения, а другой спустил шлюпку за борт и ожидал в ней Дика.

– Ну, Джек, карауль хорошенько, – сказал юный командир, собираясь последовать примеру своего подчиненного, – ты, наверно, хорошо сделаешь это.

– Ну, конечно, все пойдет превосходно, пока мы будем стоять здесь, но как только мы повернем нос этого бедного корабля из гавани… Вот, взгляните, как он дрожит! Бедняга слышал мои слова, и сердце у него забилось в дубовых ребрах! Посмотрите, мастер Дик! Как становится темно!

Действительно, тьма вокруг была поразительная. Громадные валы один за другим подымались из темноты, с шумом устремлялись на палубу «Доброй Надежды» и с головокружительной быстротой погружались в море с другой стороны. Редкие хлопья снега и брызги пены налетали на палубу, осыпая ее; снасти печально поскрипывали от ветра.

– Правда, вид неважный, – сказал Дик, – но ничего! Это шквал, он быстро пройдет!

Но, несмотря на эти слова, мрачный холодный вид неба, шум и завывание ветра действовали на него угнетающим образом. Когда он сошел с борта судна и снова направился к пристани бухты со всей быстротой весел, он набожно перекрестился и вручил небесам жизнь всех, кто решился выехать в море.

На пристани бухты собралось уже около дюжины лесных разбойников. Лодку оставили на их попечении, и им было велено немедленно садиться.

Несколько дальше на берегу Дик увидел лорда Фоксгэма, торопившегося навстречу ему. Лицо его было закрыто темным капюшоном; простой, длинный, жалкого вида плащ покрывал его блестящие латы.

– Молодой Шельтон, – сказал он, – так вы действительно отправляетесь в море?

– Милорд, – ответил Ричард, – дом окружен всадниками, со стороны суши в него нельзя попасть, не подняв тревоги; если сэр Даниэль узнает о нашем предприятии, то мы точно так же не будем в состоянии выполнить его, как если бы захотели ехать на ветре. Объехав кругом по морю, мы подвергаемся некоторой опасности от стихий, но самое главное – у нас есть шанс достигнуть цели и увезти девушку.

– Ну, ведите меня, – сказал лорд Фоксгэм, – я пойду за вами, чтобы не было стыдно, но, признаюсь, я желал бы лучше быть в постели.

– Сюда, – сказал Дик, – мы идем за нашим кормчим.

И он повел лорда к простому питейному дому, где он означил свидание части своих подчиненных. Он нашел некоторых из них у наружной двери; более смелые вошли в комнату и, заняв места как можно ближе к товарищу, окружили Лаулесса и сидевших с ним моряков. Эти последние, судя по их расстроенным лицам и мутным глазам, давно перешли границы умеренности. Когда Ричард в сопровождении лорда Фоксгэма вошел в комнату, все трое пели старинную, печальную морскую песенку под аккомпанемент завывания ветра.

Молодой предводитель обвел быстрым взглядом сарай. В огонь только что подбросили дров, и клубы черного дыма заволакивали комнату так, что трудно было видеть что-нибудь в отдаленных углах. Но ясно было, что люди Дика превосходили количеством число остальных посетителей. Удостоверившись в этом на случай неудачи выполнения своего плана, Дик подошел к столу и занял свое прежнее место на скамье.

– Эй, – крикнул шкипер пьяным голосом, – эй, кто вы такой?

– Мне нужно поговорить с вами вне дома, мастер Арбластер, – сказал Дик, – а здесь мы вот о чем поговорим.

И он показал при свете огня золотую монету. Глаза моряка загорелись, но он все еще не узнавал нашего героя.

– Да, мальчик, – сказал он, – я пойду с вами. Кум, я сейчас вернусь. Пей хорошенько, кум.

И, взяв Дика под руку, чтобы удержаться на ногах, он пошел к двери питейного дома.

Как только он перешагнул порог, десять сильных рук схватили его и связали; а две минуты спустя он был брошен в соседнем сеновале по горло в сено со связанными руками и ногами и с кляпом во рту. Затем рядом с ним бросили его слугу Тома, также связанного, и предоставили им возможность предаваться печальным размышлениям целую ночь.

Так как скрываться больше было нечего, то воины лорда Фоксгэма были вызваны условленным сигналом. Отряд смело овладел необходимым количеством лодок, и целая флотилия их отправилась на свет фонаря, повешенного на снастях корабля. Задолго до того, как последний человек из отряда взобрался на палубу «Доброй Надежды», яростные крики с берега показали, что по крайней мере часть моряков заметила пропажу своих лодок.

Но было уже поздно возвращать лодки и мстить за них. Из сорока воинов, собравшихся на украденном судне, восемь бывали на море и могли играть роли матросов. С помощью их натянули парус. Подняли якорь. Лаулесс, продолжая пошатываться и напевать одну из морских баллад, взял в руки длинный руль, и «Добрая Надежда» поплыла во тьме ночи навстречу громадным волнам за пределами гавани.

Ричард занял место у мачты. За исключением света от фонаря на судне и нескольких огоньков в городе Шорби, которые уже стали исчезать с подветренной стороны, кругом не было видно ни зги. Только временами, когда «Добрая Надежда» с головокружительной быстротой опускалась во впадину меж валов, гребень волны разбивался, и на одно мгновение взлетал водопад белой пены, но в следующее мгновение он устремлялся в кильватер судна и исчезал там.

Многие из экипажа громко молились, другие страдали морской болезнью и пробрались в трюм, где растянулись среди клади. Слишком быстрый ход, пьяное хвастовство Лаулесса, продолжавшего кричать и распевать на ходу, заставили бы самого храброго человека на борту «Доброй Надежды» усомниться в удачном результате плавания.

Но Лаулесс, как бы по инстинкту, провел судно среди громадных волн, навалился с подветренной стороны на покрытый зеленью песчаный берег, где они плыли несколько времени

в затишье, и, наконец, провел его вдоль набережной из грубых камней; тут судно быстро привязали и оставили качаться и скрипеть в темноте.

Глава V
«Добрая Надежда» *(продолжение)*

Набережная была не очень далеко от дома, в котором находилась Джоанна. Оставалось только спустить людей на берег, окружить дом сильным отрядом, выломать дверь и похитить пленницу. Тогда задача «Доброй Надежды» была бы выполнена: она доставила их в тыл врага, а отступление, во всяком случае, удастся ли предприятие или нет, могло быть успешнее произведено по дороге в лес и к резерву милорда Фоксгэма.

Но высадить людей на берег оказалось нелегкой задачей; многие из них чувствовали себя нехорошо, все закоченели от холода; теснота и беспорядок на судне нарушили дисциплину; быстрота хода, ночная тьма удручающе подействовали на них. Они кинулись на набережную; милорду с обнаженной шпагой пришлось удерживать своих собственных людей; движение беспокойной толпы было остановлено не без шума, не желательного в данном случае.

Когда порядок отчасти восстановили, Дик с несколькими отборными людьми двинулся вперед. Темнота на берегу по сравнению со светлой пеной прибоя, казалось, сгустилась, точно воздух обратился в плотное вещество; свист и завывание бури заглушали все остальные звуки.

Он только что дошел до конца набережной, как ветер внезапно стих. В наступившей тишине послышался глухой стук копыт лошадей и лязг оружия. Дик остановил шедших за ним людей и, сделав несколько шагов, вступил на дюну. Тут он убедился, что это двигаются люди и лошади. Сильное отчаяние овладело им. Если их действительно подстерегают враги, если они заняли набережную с той стороны, где те высаживаются на берег, ему и лорду Фоксгэму будет очень трудно защищаться, так как позади них будет море, и людям придется толпиться в темноте на узкой плотине. Он дал условный сигнал – свистнул осторожно.

Сигнал оказал нежелательное действие. В ночной тьме посыпался град наудачу посланных стрел. Люди на набережной стояли так плотно друг к другу, что стрелы попали в некоторых из них; раздались крики испуга и боли. Лорд Фоксгэм был сражен при первом залпе. Хокслей сейчас же велел отнести его на судно; в продолжение недолгой схватки люди его сражались без всякого руководства. Это, по всей вероятности, и было причиной последовавшего затем бедствия.

В конце набережной Дик с горстью своих людей удерживал минуту свою позицию; с обеих сторон было несколько раненых; сталь скрещивалась со сталью, ни один из отрядов не мог похвастаться преимуществом. Но в мгновение ока счастье изменило отряду с корабля. Кто-то крикнул, что все потеряно; люди были настроены так, что охотно поверили неприятному известию, переходившему от одного к другому.

– Назад, братцы, если дорожите жизнью! – раздался новый крик.

Еще один из отряда, с истинным инстинктом труса, распространил весть, неизменно появляющуюся при всех отступлениях: «Нам изменили!» И в одно мгновение вся толпа, волнуясь и толкаясь, ринулась назад, вниз по набережной, обращая к преследователям свой беззащитный тыл и оглашая ночной воздух трусливыми восклицаниями.

Один трус отталкивал корму, тогда как другой держал судно за нос. Беглецы с пронзительными криками вскакивали на борт или обрывались и падали в море. Некоторые из них были убиты преследователями на набережной. Многие пострадали на палубе судна: в слепом ужасе они поспешно вскакивали на борт, падая и давя друг друга. Наконец, нарочно или случайно, нос «Доброй Надежды» освободился от цепи, и всюду поспевавший Лаулесс, который все время оставался на руле, благодаря своей силе и храброму отпору, немедленно направил судно на надлежащий путь. «Добрая Надежда» снова пошла вперед, в бурное море;

потоки крови текли с палубы, заваленной трупами и ранеными. В темноте судно двинулось вперед, борясь с волнами.

Лаулесс вложил кинжал в ножны и обернулся к ближайшему соседу.

– Я здорово отметил их, кум, – сказал он, – этих крикливых трусливых псов.

В то время, как беглецы вскакивали на судно, спасая себе жизнь, они, по-видимому, не замечали грубых пинков и сильных ударов кинжалом, благодаря которым Лаулессу удалось удержать свое место во время всеобщего смятения. Но теперь они начали яснее понимать положение дела, а может быть, кто-нибудь кроме собеседника рулевого услышал его слова.

Пораженные паникой войска медленно приходят в себя, а люди, только что обесчестившие себя трусостью, как бы для того, чтобы стереть воспоминание о их поступке, часто переходят к совершенно противоположному настроению – к бунту. Так случилось и теперь. Те самые люди, которые побросали свое оружие, которых втащили за ноги на палубу «Доброй Надежды», начали роптать на своих вождей и требовать наказания это. Все возрастающее неприязненное чувство обратилось на Лаулесса.

Чтобы удобнее выйти из гавани, старый лесной бродяга направил нос «Доброй Надежды» прямо в сторону открытого моря.

– Это что такое! – заорал один из недовольных. – Он ведет нас в море.

– В самом деле! – кричал другой. – Ну, это явная измена!

Все хором принялись кричать об измене и пронзительными голосами, с ужасными ругательствами, требовали, чтобы Лаулесс поскорее привел их к берегу. Стиснув зубы, Лаулесс молча продолжал вести «Добрую Надежду» по тому же курсу, среди огромных волн. Частью под влиянием хмеля, частью из чувства собственного достоинства, он не отвечал ни на бессмысленные выражения ужаса, ни на позорные угрозы. Недовольные собрались позади мачты. Ясно было, что они, как петухи во дворе, «кричат, чтобы придать себе храбрости». Очевидно, они были готовы ко всякому несправедливому, неблагодарному поступку. Дик начал подыматься по лестнице, чтобы остановить проявления недовольства, но один из лесных бродяг, смысливший кое-что в морском деле, предупредил его.

– Ребята, – начал он, – право, у вас деревянные головы. Чтобы вернуться назад, нам надо выйти в открытое море, не правда ли? Ну вот, старый Лаулесс…

Кто-то ударил оратора в зубы и по лицу, и в следующее мгновение с быстротой огня, распространяющегося в сухой соломе, его повалили на пол; трусливые товарищи топтали его ногами и кинжалами отправили на тот свет. Гнев Лаулесса прорвался наружу.

– Правьте рулем сами, – с проклятием прогремел он и покинул руль, не думая о результатах.

В это мгновение «Добрая Надежда» дрожала на гребне огромной волны. С ужасающей быстротой она опустилась по другую сторону гребня. Волна, похожая на большой черный бастион, вдруг поднялась перед нею; дрожа от сильного удара, «Добрая Надежда» ринулась своей носовой частью в прозрачную гору. Зеленая вода окатила судно с кормы до носа. Высота воды доходила до колен, брызги летели выше мачты. «Добрая Надежда» поднялась с другой стороны с жалобным скрипом и дрожью, словно раненое животное.

Шестерых или семерых недовольных волны снесли за борт; когда остальные несколько опомнились и к ним вернулась способность говорить, они стали громко взывать к святым и призывать Лаулесса, прося его вернуться снова к рулю.

Лаулесс не заставил упрашивать себя. Весь хмель вылетел у него из головы при виде ужасного результата его справедливого гнева. Лучше всех он знал, какой опасности опуститься на дно подвергалась «Добрая Надежда»; эта опасность не вполне прошла и теперь, судя по тому, как неустойчиво она шла по морю.

Дик, сброшенный на палубу толчком и чуть было не утонувший, встал и пошел по колено в воде по залитой палубе. Шатаясь, добрался он до старого рулевого.

– Лаулесс, – сказал он, – наши жизни зависят от тебя, ты храбрый, стойкий человек и, действительно, искусный в управлении судном. Я поставлю около тебя трех людей, чтобы они оберегали тебя.

– Напрасно, мой мастер, – ответил рулевой, пристально вглядываясь в темноту. – С каждой минутой мы удаляемся от отмелей; море с каждой минутой будет все сильнее напирать на нас. Что же касается этих плакс, то скоро все они будут лежать на спинах, потому что, мой мастер, это странная тайна, но сущая правда, что дурной человек никогда не бывает хорошим моряком. Только честные и смелые люди могут выносить такую качку.

– Ну, Лаулесс, – со смехом проговорил Дик, – это просто поговорка настоящих моряков; смысла в ней не больше, чем в свисте ветра. Но скажи, пожалуйста, как мы идем? Каково наше положение? Хорошо ли?

– Мастер Шельтон, – ответил Лаулесс, – я был францисканцем и, благодарю судьбу за это, стрелком, вором и моряком. Из всех платьев, которые я носил, как вы легко можете представить себе, я более всего хотел бы умереть в одежде францисканца и менее всего – в пропитанной дегтем куртке матроса. И на это есть две превосходные причины: во-первых, тут смерть может внезапно похитить человека, а во-вторых, из-за ужаса перед этой громадной соленой лужей, что у меня под ногами, – и Лаулесс топнул ногой. – Как бы то ни было, – продолжал он, – если сегодня ночью я не умру смертью матроса, то должен буду поставить большую свечу Богородице.

– Неужели это так? – спросил Дик.

– Именно так, – ответил лесной бродяга, – разве вы не чувствуете, как медленно и тяжело движется «Добрая Надежда» по волнам? Разве вы не слышите, как вода заливает трюм? Погодите, пока судно осядет немного ниже, и тогда оно или пойдет ко дну, словно камень, или выкинется на берег с подветренной стороны и распадется на куски, словно рассучившаяся веревка.

– Ты говоришь мужественно и неустрашимо, – заметил Дик. – Ты, значит, не боишься?

– Ну, мастер, – ответил Лаулесс, – уж если у какого человека плохой груз при входе в гавань, так это у меня: ренегат-францисканец, вор и так далее. Ну, вы можете удивляться, а у меня все же есть надежда, и если я утону, то утону с ясным взором, мастер Шельтон, и с рукой, которая не дрогнет.

Дик ничего не ответил, но решительность старого бродяги очень удивила его; боясь какого-нибудь нового насилия или измены со стороны остальных, он отправился разыскивать троих, на которых можно было положиться. Большинство экипажа удалилось с палубы, постоянно обдаваемой взлетавшими брызгами волн, где они подвергались резким порывам ветра. Они собрались среди бочонков с вином в трюме с товарами, освещаемом двумя раскачивающимися фонарями.

Тут начался настоящий веселый пир, произносились тосты, обильно запиваемые гасконским вином Арбластера. Но так как «Добрая Надежда» продолжала лететь по пенящимся волнам, опускаясь попеременно то носом, то кормой глубоко в белую пену и подымаясь высоко в воздух, то число веселых товарищей уменьшалось с каждой минутой и с каждым креном. Некоторые сидели в стороне, перевязывая раны, но большинство уже лежало от морской болезни и стонало в трюме.

Гриншив, Кукоу и молодой малый из отряда лорда Фоксгэма, замеченный уже Диком благодаря его уму и храбрости, оказались еще способными понимать приказания и готовыми исполнять их. Дик назначил их телохранителями рулевого; затем он в последний раз взглянул на черное небо и черное море, повернулся и пошел вниз в каюту, куда слуги отнесли лорда Фоксгэма.

Глава VI
«Добрая Надежда» *(окончание)*

Стоны раненого барона смешивались с воем судовой собаки. Грустило ли бедное животное от разлуки со своими друзьями или чуяло опасность при качке судна, но крики его раздавались словно ежеминутные выстрелы пушки над шумом волн и ветра. Более суеверным людям в этих звуках слышался погребальный звон по «Доброй Надежде».

Лорд Фоксгэм лежал на койке, на меховом плаще. Маленькая лампада слабо горела перед изображением Святой Девы на переборке. При ее мерцании Дик разглядел бледное лицо и впалые глаза раненого.

– Я сильно ранен, – сказал Фоксгэм. – Подойдите ближе, молодой Шельтон; пусть будет при мне хоть один человек благородного происхождения. Грустно после того, как всю жизнь прожил благородно и богато, быть раненым в жалкой схватке и умереть здесь на грязном, холодном судне в море, среди погибших людей и мужиков.

– Ну, милорд, – сказал Дик, – молю святых, чтобы вы поправились и благополучно добрались до берега здоровым и невредимым.

– Это каким образом? – спросил Фоксгэм. – Добраться до берега здравым и невредимым? Разве это еще возможно?

– Судно качает, море бурно и опасно, – ответил юноша, – и, судя по тому, что мне удалось узнать от человека, который ведет нас, мы должны быть благодарны, если доберемся до берега, не замочив ног.

– Ага! – мрачно сказал барон. – Итак, расставание моей души с телом должно сопровождаться всякими ужасами! Сэр, помолитесь лучше, чтобы ваша жизнь была тяжелее, чтобы легче было умереть, а то всю жизнь судьба тебя ублажает, балует, а в последний час гибнешь в мучениях! Однако у меня на душе есть нечто, чего нельзя откладывать. У нас на судне нет священника?

– Нет, – ответил Дик.

– Ну, так вот, что я передам вам о моих светских делах, – продолжал лорд Фоксгэм, – вы должны быть таким же добрым другом мне, когда я умру, каким благородным врагом оказались при моей жизни. Я умираю в дурной час для меня, для Англии и для тех, кто доверял мне. Гэмлей, ваш бывший соперник, поведет моих людей; им назначено собраться в Холивуде, в большой зале. Вот это кольцо с моей руки будет служить доказательством того, что вы передаете мои приказания. Кроме того, я напишу на бумажке несколько слов Гэмлею, чтобы он уступил вам Джоанну. Но послушаетесь ли вы меня? Не знаю!

– Но какие ваши приказания, милорд? – спросил Дик.

– А, – сказал барон, – да, приказания. – Он, колеблясь, взглянул на Дика. – Вы приверженец Ланкастерского дома или Йоркского? – наконец спросил он.

– К стыду моему, должен сказать, – ответил Дик, – что не могу дать положительного ответа. Одно, я думаю, верно: так как я заодно с Эллисом Декуорсом, то, значит, служу Йоркскому дому. Если это так, то я стою за Йоркский дом.

– Хорошо, – сказал Фоксгэм, – превосходно. Если бы вы высказались за Ланкастерский, я, право, не знал бы, что делать. Но так как вы стоите за Йоркский, то слушайте меня. Я прибыл в Шорби для того, чтобы наблюдать за здешними лордами, пока мой благородный молодой господин, Ричард Глочестерский[2], собирает достаточно сил, чтобы напасть на них и рассеять их. Я сделал заметки о их силах, местах, где у них расставлены караулы, о

[2] Во время этого рассказа Ричард Горбатый не мог еще быть герцогом Глочестерским, но, с позволения читателя, мы будем называть его так для большей ясности.

расположении их войск и должен был передать эти заметки моему молодому господину в воскресенье, за час до полудня у креста святой Невесты, около леса. Я не могу выполнить своего обещания, но прошу вас, будьте так любезны, выполните его вместо меня. Смотрите, чтобы ни удовольствия, ни боль, ни буря, ни рана, ни чума не удержали вас; будьте на месте в назначенный час, потому что от этого зависит благо Англии.

– Я серьезно беру это на себя, – сказал Дик, – ваши распоряжения будут выполнены, насколько это доступно мне.

– Это хорошо, – сказал раненый. – Милорд герцог даст вам дальнейшие распоряжения, и, если вы будете разумно и охотно повиноваться ему, то можете не беспокоиться за свою судьбу. Поставьте лампаду поближе к моим глазам, так, чтобы я мог писать.

Он написал записку «моему достоуважаемому родственнику, сэру Джону Гэмлею»; потом вторую, без всякой надписи.

– Это герцогу, – сказал он. – Пароль – «Англия и Эдуард», а отзыв – «Англия и Йорк».

– А Джоанна, милорд? – спросил Дик.

– Ну, вы сами должны добыть Джоанну, как умеете, – ответил барон. – В обоих этих письмах я упомянул, что выбираю вас ее женихом, но вы должны добыть ее сами, мой мальчик. Вы видели, что я пробовал сделать это и поплатился жизнью. Большего не мог бы сделать ни один человек.

Раненый, очевидно, сильно устал. Дик положил драгоценные бумаги за пазуху, пожелал ему бодрости духа и вышел из каюты.

Наступал день, холодный и пасмурный, с налетавшими снежными вьюгами. Берег с подветренной стороны состоял из каменистых кос, сменявшихся песчаными буграми; дальше, в глубине, на небе выделялись лесистые верхушки Тонсталльских холмов. И ветер, и волнение на море улеглись, но судно медленно продвигалось, еле подымаясь над волнами.

Лаулесс продолжал стоять у руля. К этому времени почти все выбрались на палубу и с растерянными лицами смотрели на негостеприимный берег.

– Мы идем к берегу? – спросил Дик.

– Да, если не очутимся раньше на дне, – ответил Лаулесс.

Как раз в это мгновение «Добрая Надежда» так беспомощно поднялась навстречу волнам, а вода в ее грюме клокотала так громко, что Дик невольно схватил руку рулевого.

– Клянусь мессой! – вскрикнул Дик, когда нос «Доброй Надежды» показался над пеной. – Я думал, что мы уже пошли на дно, сердце у меня так и замерло.

На шкафуте Гриншив, Хокслей и лучшие люди двух отрядов деятельно разрушали палубу, чтобы построить плот. Дик присоединился к ним и прилежно работал, чтобы забыть о своем положении. Но и во время работы всякая волна, ударявшая в бедное судно, всякий его крен, когда оно медленно продвигалось среди валов, напоминали ему о непосредственной близости смерти и возбуждали мучительный ужас.

Оторвавшись от работы, он увидел, что «Добрая Надежда» приближается к какому-то мысу; часть разрушающегося утеса, об основание которого разбивались тяжелые, белые волны, почти нависала над палубой; наверху песчаного холма, как бы увенчивая его, виднелся дом.

В бухте волны катились весело; они подхватили «Добрую Надежду» на свои покрытые пеной гребни, понесли ее так, что рулевой не мог справиться с ней, и через мгновение выбросили ее сильным напором на песок; потом залили ее до половины мачты и стали швырять из стороны в сторону. Налетел другой большой вал, снова поднял судно и унес еще дальше; за ним последовал третий, который унес его далеко от опасных валов, посадив его на мель.

– Ну, молодцы, – крикнул Лаулесс, – святые действительно хранили нас! Прилив спадает, присядем да выпьем чарку вина, а раньше чем через полчаса мы можем пройти к берегу так же спокойно, как по мосту.

Пробуравили бочонок, и потерпевшие крушение воины, усевшись насколько возможно так, чтобы защититься от хлопьев снега и от брызг волн, стали пить, передавая друг другу чарку, стараясь согреться и вернуть себе бодрость духа.

Дик между тем вернулся к лорду Фоксгэму, который лежал в страшном смущении и страхе. Вода на полу его каюты доходила до колен, лампада, его единственный светоч, разбилась и потухла от сильного толчка.

– Милорд, – сказал молодой Шельтон, – не бойтесь, святые очевидно за нас; волны выбросили нас высоко на отмель, и как только прилив немного спадет, мы можем пешком дойти до берега.

Прошел почти час до тех пор, пока прилив оставил в покое «Добрую Надежду» и находившиеся на ней люди могли отправиться к берегу, смутно видневшемуся сквозь дымку несшегося им в лицо снега.

С одной стороны маленького холма они заметили кучку людей, подозрительно следивших за движениями сошедших на берег незнакомцев.

– Они могли бы подойти к нам и помочь чем-нибудь, – заметил Дик.

– Ну, а так как они не подходят, то мы сами пойдем к ним, – сказал Хокслей. – Чем скорее мы доберемся до хорошего огня и сухой постели, тем лучше для моего бедного господина.

Но они не успели еще приблизиться к холму, как лежавшие там люди сразу встали на ноги, и град стрел полетел на потерпевших крушение.

– Назад! Назад! – крикнул лорд Фоксгэм. – Остерегитесь, ради Бога, не отвечайте!

– Ну! – крикнул Гриншив, вытаскивая стрелу, вонзившуюся в его кожаную куртку. – Мы, конечно, не в таком положении, что можем сражаться, так как промокли, устали как собаки и на три четверти замерзли. Но ради любви к старой Англии, что могло побудить их стрелять так жестоко в бедных земляков в несчастии?

– Они принимают нас за французских пиратов, – ответил лорд Фоксгэм. – В наше беспокойное, подлое время мы не можем удержать наших собственных берегов; наши старые враги, которых некогда мы гнали на море и на суше, теперь шляются здесь как им угодно, грабят, убивают, жгут. Это горе и упрек нашей бедной стране.

Люди на холме продолжали лежать, внимательно следя за пришельцами, пока они с трудом подымались на берег и углубились внутрь страны, между пустынными песчаными холмами; они следили даже за отставшими на протяжении около мили, готовые дать другой залп по усталым, измученным беглецам. Только тогда, когда они попали, наконец, на твердую большую дорогу, и Дик водворил нечто вроде военного порядка среди своих подчиненных, ревнивые хранители берегов Англии безмолвно исчезли среди снега. Они исполнили то, чего желали, они защитили свои дома и фермы, свои семьи и свой скот. Раз они сохранили свои собственные интересы, всем им было решительно безразлично, что французы разнесут огонь и кровь по всем другим общинам английского государства.

Часть четвертая
Переряженные

Глава I
Логовище

Томесто, где Дик вышел на большую дорогу, было недалеко от Холивуда, милях в девяти-десяти от Шорби на Тилле. Тут отряды разделились после того, как убедились, что их больше не преследуют. Слуги лорда Фоксгэма понесли своего раненого господина в большое аббатство, где он мог найти покой и безопасность. Дик смотрел им вслед, пока они не повернули и не исчезли за густой завесой падающего снега. Он остался один приблизительно с дюжиной бродяг – остатком его отряда волонтеров.

Некоторые из них были ранены; все взбешены неудачей и долгим пребыванием на холоде. Они были слишком голодны, слишком перезябли, чтобы выразить свое недовольство чем-либо более серьезным, и только ворчали, кидая угрюмые взгляды на своих вождей. Дик опорожнил для них свой кошелек, не оставив себе ничего, поблагодарил их за храбрость, хотя в душе желал хорошенько отделать их за трусость. Смягчив таким образом теперешнее их положение, он отправил их по несколько человек или парами в Шорби, в «Козу и Волынку».

Под влиянием всего виденного им на «Доброй Надежде» он выбрал себе в спутники Лаулесса. Снег падал безостановочно и неизменно ровным ослепляющим облаком; ветер улегся и затих совсем. Весь мир казался как бы обернутым в саван этим безмолвным снежным наводнением. Идти было опасно, так как на каждом шагу можно было сбиться с дороги и погибнуть в сугробах снега. Лаулесс шел на полшага впереди своего спутника, вытянув голову как охотничья собака, идущая по следу. Он отыскивал дорогу, исследуя каждое дерево, и изучал тропинку, как будто бы вел корабль среди опасностей.

Пройдя около мили по лесу, они пришли к роще из могучих, искривленных дубов, куда сходилось несколько дорожек. Даже при сильно падавшем снеге нельзя было бы не узнать этого места, и Лаулесс, очевидно, узнал его с особенным восторгом.

– Ну, мастер Ричард, – сказал он, – если вы не слишком горды для того, чтобы быть гостем человека, не джентльмена по рождению и даже не хорошего христианина, то я могу предложить вам кружку вина и хороший огонь, чтобы согреть мозг в ваших мыслях.

– Веди, Уилль, – сказал Дик. – Кружка вина и хороший огонь! Да я пошел бы Бог знает как далеко, чтобы увидеть их.

Лаулесс раздвинул сухие ветви чащи и смело пошел вперед. Через некоторое время он дошел до довольно глубокой впадины или пещеры, в настоящее время на четверть засыпанной снегом. У края пещеры на подгнивших корнях стоял, наклонившись, большой бук. Старый бродяга раздвинул густые заросли и исчез в земле.

Бук был наполовину вырван с корнями во время какой-нибудь сильной бури и увлек за собой значительное количество дерна; старый Лаулесс вырыл себе тут тайное убежище. Корни служили ему стропилами, дерн – кровлей, мать-земля – стенами и полом. Несмотря на всю первобытность этого жилища, почерневший от огня очаг в одной стороне и присутствие большого дубового ящика, окованного железом, в другом, сразу указывали, что это логовище человека, а не нора какого-нибудь животного.

Хотя снег засыпал отверстие этой земляной пещеры усеял пол, все же воздух в ней был гораздо теплее, чем наверху, а когда Лаулесс высек искру и сухой хворост засверкал и затрещал на очаге, все вокруг приняло удобный и домашний вид.

Со вздохом полного удовольствия Лаулесс протянул к огню свои широкие руки и, казалось, вдыхал дым.

– Вот где кроличья нора старика Лаулесса, – сказал он. – Дай Бог, чтобы сюда не забралась никакая собака. Я разгуливал в разных местах с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать лет, и я впервые убежал из моего аббатства с золотой цепочкой ризничего и с требником, который я продал за четыре марки. Я был в Англии и во Франции, в Бургундии, а также и Испании паломником, ради спасения моей бедной души; был и на море, которое ни для кого не родина. Но мое место здесь, мастер Шельтон. Это моя родная страна – это нора в земле. Льет ли дождь, бушует ли ветер, апрель ли на дворе, и цветы падают вокруг моей постели, или зима, и я сижу один с добрым кумом – огнем, а реполов чирикает в лесу, – здесь моя церковь и рынок, моя жена и ребенок… Сюда я возвращаюсь и здесь, если будет угодно святым, хотел бы умереть.

– Действительно, это теплый уголок, – заметил Дик, – приятный и хорошо скрытый.

– Это-то и главное, – ответил Лаулесс, – если бы его нашли, мастер Шельтон, то сердце у меня разбилось бы. А вот здесь, – прибавил он, роясь толстыми пальцами в песчаном полу, – мой винный погреб, и вы получите бутылочку превосходного старого вина.

Порывшись немного, он действительно достал большую кожаную бутылку мерой приблизительно в галлон, на три четверти наполненную очень крепким, сладким вином. Они по-дружески выпили за здоровье друг друга, подбросили сучьев в огонь, и, когда он запылал, оба растянулись во весь рост, отогревались и сушились, испытывая чувство блаженнейшей теплоты.

– Мастер Шельтон, – сказал бродяга, – за последнее время у вас были две неудачи и, по-видимому, вы потеряете и девушку. Правильно ли я говорю?

– Правильно! – сказал Дик, покачивая головой.

– Ну, – сказал Лаулесс, – выслушайте старого дурака, который побывал чуть ли не на всем свете и видел почти все! Вы слишком много исполняете чужих поручений, мастер Шельтон. Исполняете поручения Эллиса, который только и желает смерти сэра Даниэля. Отправляетесь исполнять поручения лорда Фоксгэма; ну, у него – да сохранят его все святые – намерения хорошие. Но только вы, Дик, отправляйтесь-ка лучше по своим делам. Идите прямо к молодой девушке. Ухаживайте за нею, чтобы она не забыла вас. Будьте готовы и при удобном случае отправляйтесь, посадив ее к себе в седло.

– Да, Лаулесс, но теперь она, без сомнения, в доме сэра Даниэля, – ответил Дик.

– Ну так мы и пойдем туда, – сказал бродяга.

Дик с изумлением уставился на него.

– Да, я говорю, что думаю, – кивнув головой, проговорил Лаулесс. – А если вы так недоверчивы и запинаетесь при одном слове, то взгляните сюда!

Бродяга снял с шеи ключ, открыл дубовый ящик и, порывшись глубоко в его содержимом, вынул сначала монашеское одеяние, затем веревку для пояса и, наконец, громадные четки из дерева, такие тяжелые, что их можно было принять за оружие.

– Вот вам, – сказал он. – Надевайте все это.

Когда Дик оделся в платье монаха, Лаулесс достал краски и карандаш и чрезвычайно умело гримировал ему лицо. Он сделал брови более густыми и резкими, то же он проделал и с усами, еле видными; несколькими линиями, проведенными вокруг глаз, он изменил их выражение и сделал старше лицо слишком молодого монаха.

– Ну, – сказал он, – когда я сделаю то же с собой, из нас выйдет такая славная пара монахов, какую только можно пожелать. Мы смело пойдем к сэру Даниэлю, там нас примут гостеприимно из любви к церкви, матери нашей.

– А чем я могу отплатить тебе, дорогой Лаулесс? – сказал Дик.

– Эх братец, – ответил Лаулесс. – Я делаю это только для моего удовольствия. Вы думайте о себе. Я из тех, кто сам о себе думает. Если у меня чего не хватает, уменя длинный язык и голос, словно монастырский колокол. Я прошу, мой сын, ну, а если просьба не помогает, то обыкновенно беру то, что мне нужно.

Старый плут сделал смешную гримасу. Хотя Дику было неприятно сознавать себя так сильно обязанным этой двусмысленной личности, он не мог сдержать смеха.

После этого Лаулесс вернулся к большому ящику и вскоре явился в новом виде. Дик с удивлением заметил, что он спрятал под одеждой пук стрел.

– Зачем ты делаешь это? – спросил юноша. – К чему стрелы, когда ты не берешь лука?

– Ну, – весело проговорил Лаулесс, – по всей вероятности, будут разбитые головы, не говоря уже о спинах, прежде чем мы выберемся живыми и невредимыми оттуда, куда идем, и если что случится, то я хотел бы, чтобы наше общество вышло с честью из дела. Черная стрела, мастер Дик, печать нашего аббатства, она показывает, кто написал записку.

– Если ты готовишься так тщательно, – сказал Дик, – то вот тут у меня бумаги, которые нужно оставить где-нибудь в надежном месте как ради меня самого, так и ради интересов тех, кто доверился мне. Плохо будет, если их найдут на мне после смерти. Где мне спрятать их, Уилль?

– Вот что, – сказал Лаулесс, – я пойду в лес и стану насвистывать песенки, а пока вы спрячьте их, где желаете, а потом сравняете песок.

– Ни за что! – крикнул Ричард. – Я верю тебе. Я был бы низким человеком, если бы не доверял тебе.

– Брат, ты настоящий ребенок, – ответил старый бродяга, останавливаясь на пороге пещеры и оборачиваясь к Дику. – Я старый, добрый христианин, не ищущий крови других и не жалеющий своей для друга в опасности. Но, безумец, дитя, я – вор по ремеслу, по рождению и по привычкам. Если бы у меня опустела бутылка и пересохло во рту, я обокрал бы вас, дорогое дитя; это так же верно, как то, что я люблю и уважаю вас, восхищаюсь вами и вашими достоинствами! Возможно ли сказать яснее? Нет!

И, щелкнув толстыми пальцами, он, спотыкаясь, исчез в густом кустарнике.

Дик остался. После короткого раздумья о непоследовательном характере своего спутника, он поспешно вынул бумаги, перечитал их и спрятал в земле. Одну он решил взять с собой, так как эта бумага не могла никаким образом повредить кому-нибудь из его друзей, а могла бы, в случае крайности, служить свидетельством против сэра Даниэля. Это было собственноручное письмо рыцаря к лорду Уэнслейделю, посланное с Трогмортоном в утро поражения при Райзингэме и найденное на следующий день Диком на трупе посланца.

Потом Дик затушил костер и затоптал угли, вышел из пещеры и присоединился к старому бродяге, ожидавшему его под безлиственными дубами и уже засыпаемому снегом. Они посмотрели друг на друга и расхохотались – так смешны и неузнаваемы были они в своем переряженном виде.

– Хотел бы я, чтобы было лето и ясный день, – проворчал Лаулесс, – тогда я мог бы поглядеться в лужу на себя. Многие из людей сэра Даниэля знают меня; если случится, что нас узнают, то о вас, брат, еще пошел бы разговор, ну, а что касается меня, то не успели бы вы прочитать «Отче Наш», как я уже висел бы на веревке.

Они отправились в Шорби. Дорога в этой местности шла вдоль края леса; временами она переходила в открытую поляну и шла мимо домов бедняков и маленьких ферм.

– Брат Мартин, – сказал Лаулесс голосом совершенно измененным и подходившим к его монашескому одеянию, – войдем и попросим милостыню у этих бедных грешников. Pax vobiscum! Да, – прибавил он, – вот чего я боялся, я несколько отвык говорить по-монашески. С вашего позволения, добрый мастер Шельтон, я попрактикуюсь в этих деревенских местностях, прежде чем рисковать моей толстой шеей, войдя в дом сэра Даниэля. Но, посмотрите, как превосходно быть мастером на все руки! Не будь я в свое время моряком, вы непременно утонули бы на «Доброй Надежде», не будь вором – я не мог бы раскрасить вам лицо, а не будь я францисканцем, не пой громко в хоре, не ешь плотно за столом, я не мог бы хорошо представиться монахом, и даже собаки открыли бы нас и залаяли бы на нас как на притворщиков.

К этому времени он подошел близко к окну фермы, встал на цыпочки и заглянул в него.

– Ну, – крикнул он, – все к лучшему! Тут мы можем всласть испробовать наше умение притворяться и заодно сыграть хорошую шутку с братом Кеппером.

Сказав это, он отворил дверь и первым вошел в дом.

Трое молодцов из их отряда сидели за столом и ели с жадностью. Воткнутые в стол кинжалы, мрачные, угрожающие взгляды, которые они продолжали метать на обитателей дома, доказывали, что они добыли себе угощение скорее силой, чем получили его из любезности. В особенности враждебно они взглянули на двух монахов, вошедших со смиренным достоинством в кухню фермы. Один из них, именно Джон Кеплер, по-видимому, игравший главную роль, немедленно грубо приказал им убираться вон.

– Мы не нуждаемся в нищих! – крикнул он.

Но другой из товарищей, хотя также не узнал Дика и Лаулесса, склонялся к более умеренному образу действий.

– Ну, нет! – крикнул он. – Мы люди сильные и потому берем, они слабые и молят, но в конце концов они окажутся наверху, а мы снизу. Не обращайте на него внимания, отец мой, войдите, выпейте из моего кубка и дайте мне свое благословение.

– Вы – люди легкомысленные, плотские и проклятые, – сказал монах. – Святые запрещают мне пить с такими товарищами. Но ради сострадания, которое я питаю к грешникам, я оставляю вам священную реликвию, которую приказываю вам целовать и любить, ради спасения вашей души.

До сих пор Лаулесс гремел, словно монах-проповедник, но с этими словами он вытащил из-под одежды черную стрелу, бросил ее на стол перед тремя пораженными бродягами, повернулся и вышел из комнаты, захватив с собой Дика. Он был уже далеко, прежде чем присутствовавшие успели выговорить хоть одно слово или двинуть пальцем.

– Итак, мы попробовали наш наряд, мастер Шельтон, – сказал он, – и теперь я рискну, где вам будет угодно, моей бедной, спрятанной под ним шкурой.

– Хорошо, – заметил Ричард, – я горю нетерпением приняться за дело. Отправимся в Шорби.

Глава II
В доме врага

Сэр Даниэль жил в Шорби в высоком, удобном, оштукатуренном доме, обшитом резным дубом, с низкой кровлей из просмоленной соломы. Сзади тянулся сад, полный фруктовых деревьев, аллей, густых зеленых беседок; в отдаленном конце его виднелась колокольня церкви аббатства.

В случае нужды в доме могла бы поместиться свита и более важного вельможи, чем сэр Даниэль, но и теперь он был полон шума и гама. На дворе раздавался звон оружия и стук подков лошадей, на кухне стоял гул, словно в улье; из зала слышались песни менестрелей, игра на инструментах и восклицания шутов. Сэр Даниэль соперничал с лордом Шорби в щедрости, веселье и любезности, царствовавших в его доме, и затмевал лорда Райзингэма.

Всех гостей встречали радушно. За стол на дальнем конце садились менестрели, паяцы, игроки в шахматы, продавцы реликвий, лекарств, духов и разных волшебных зелий, а вместе с ними всевозможные священники, монахи и пилигримы. Все они спали вместе на громадных чердаках или на голых досках в большой столовой.

В полдень, следовавший за крушением «Доброй Надежды», кладовая, кухни, конюшни, закрытые сараи по обе стороны двора, – все было набито праздным народом, частью принадлежавшим к штату сэра Даниэля, одетым в его ливреи темно-красного и синего цвета, частью из каких-то странных незнакомцев, привлеченных в город алчностью и принимавшихся рыцарем из политики и потому, что это было в моде в то время.

Падавший безостановочно снег, страшно холодный воздух, приближение вечера – все это вместе заставляло их искать приюта. Вино, эль и деньги текли в изобилии; многие играли в карты, растянувшись на соломе на гумне, другие еще были пьяны после полуденной еды. Для современного взгляда эта картина была бы возможна только при разгроме города; на взгляд человека того времени она входила в домашний обиход любого богатого и благородного дома в праздничное время.

Два монаха – молодой и старый, пришедшие поздно, грелись у костра, разведенного в конце сарая. Их окружала смешанная толпа фокусников, паяцев, солдат; старший из монахов скоро вступил в оживленный разговор, сопровождавшийся таким громким смехом и обменом острот, что окружавшая монахов группа людей мгновенно увеличилась.

Младший из монахов, в котором читатель уже узнал Дика Шельтона, сразу сел в некотором отдалении и степенно отодвигался все дальше и дальше. Он внимательно прислушивался к разговору, но ни разу не открыл рта и, судя по серьезному выражению его лица, обращал мало внимания на шутки своего товарища.

Наконец его взор, постоянно блуждавший и наблюдавший за всеми входами в дом, упал на маленькую процессию, вошедшую в главные ворота и переходившую наискось двор. Впереди шли две дамы, закутанные в пушистые меха, за ними две служанки и четверо сильных воинов. В следующее мгновение они исчезли в доме и Дик, проскользнув между праздношатающимися, вышел из сарая и пустился в преследование.

– Та, что выше, – леди Брэклей, – подумал он, – а где леди Брэклей, там недалеко и Джоанна.

Четыре воина остались у дверей дома, а дамы подымались по лестнице из полированного дуба в сопровождении двух служанок. Дик шел по пятам. На дворе уже темнело, а в доме наступила почти ночная тьма. На площадках лестницы горели факелы, всунутые в железные скобы, у каждой двери длинного коридора с тканными обоями горели лампы. Там, где дверь была открыта, Дик видел стены, покрытые тканными обоями и усыпанные тростником полы, блестевшие при свете огня.

Таким образом прошли два этажа, и на каждой площадке более молодая леди маленького роста оборачивалась и зорко смотрела на монаха. Он же шел, опустив глаза, с скромным видом, свойственным принятому им на себя званию, и потому только раз взглянул на нее и не заметил, что обратил на себя ее внимание. На третьем этаже дамы расстались, младшая пошла одна наверх, а старшая, в сопровождении служанок, – в коридор направо.

Дик шел быстрыми шагами; остановившись в углу, он вытянул голову и следил глазами за тремя женщинами. Они продолжали идти по коридору, не останавливаясь и не оглядываясь.

– Очень хорошо, – подумал Дик. – Только бы мне узнать комнату леди Брэклей, тогда уже не трудно будет увидеть госпожу Хэтч, когда ее пошлют по какому-нибудь делу.

Как раз в это мгновение чья-то рука опустилась ему на плечо. С подавленным криком он одним прыжком бросился на нападающего и схватил его.

Дик несколько смутился, увидев, что так грубо схваченный им враг не кто иной, как маленькая леди в мехах. Она со своей стороны была несказанно поражена и испугана и, дрожа, не смела высвободиться из захвативших ее рук.

– Сударыня, – сказал Дик, освобождая ее, – приношу тысячу извинений, но у меня нет глаз сзади и, клянусь мессой, я не знал, что вы девушка.

Молодая девушка продолжала смотреть на него, и ужас постепенно сменился удивлением, удивление – подозрением. Дик, который легко читал смену впечатлений на ее лице, стал опасаться за свою безопасность в этом враждебном ему доме.

– Прекрасная девушка, – сказал он с притворной развязностью, – позвольте мне поцеловать вашу руку в знак того, что вы прощаете мне мою грубость, и я уйду.

– Странный вы монах, молодой сэр, – ответила молодая девушка, смотря ему в лицо смелым и вместе с тем проницательным взглядом, – теперь, когда мое удивление несколько улеглось, я вижу светского человека в каждом вашем слове. Что вы здесь делаете? Зачем вы одеты так кощунственно? Пришли вы с враждой или с миром? И почему вы выслеживаете леди Брэклей, словно вор?

– Сударыня, – сказал Дик, – прошу вас быть совершенно уверенной только в одном – я не вор. А если я и пришел сюда с воинственными целями, что верно до известной степени, то я не воюю с прекрасными девушками и молю их последовать в этом отношении моему примеру и оставить меня в покое. Если же вы крикнете, прекрасная миссис, – если вам это угодно, – если вы крикните хоть раз и расскажете то, что видели, – бедный джентльмен, стоящий перед вами, должен умереть. Не думаю, чтобы вы могли быть настолько жестокой, – прибавил Дик и, нежно взяв руку девушки обеими руками, посмотрел на нее взором, полным вежливого восхищения.

– Так вы шпион-йорксист? – спросила девушка.

– Сударыня, – ответил он, – я действительно йорксист и, в некотором роде, шпион. Но то, что привело меня в этот дом, то, что возбудит в вашем добром сердце сожаление и интерес ко мне, не имеет отношения ни к Иорку, ни к Ланкастеру. Я отдаю в ваши руки всю мою жизнь. Я – любящий человек, и мое имя…

Тут молодая девушка вдруг зажала Дику рот рукой. Поспешно оглянулась вверх и вниз, на восток и на запад, и видя, что путь свободен, потащила молодого человека с большой силой и пылкостью вверх на лестницу.

– Тс! – сказала она. – Иди. Будешь разговаривать потом.

Дик, несколько удивленный, допустил, чтобы его втащили наверх, поспешно провели по какому-то коридору и внезапно втолкнули в комнату, освещенную, как и многие из тех, которые он видел, ярко пылающими дровами в очаге.

– Ну, – сказала молодая девушка, толкнув Дика на стул, – сидите и ожидайте моей высочайшей воли. Я имею над вами право жизни и смерти и не задумаюсь воспользоваться моей

властью. Смотрите, берегитесь вы страшно изувечили мне руку. Он не знал, что я девушка, сказал он! Знай он, что я девушка, он наверное взялся бы за пояс!

И с этими словами она поспешно вышла из комнаты оставив Дика, пораженного изумлением. Он не знал видит ли он все это во сне или наяву.

– Взялся бы за пояс! – повторял он. – Взялся бы за пояс! – И воспоминание о вечере в лесу воскресло в его памяти, и он снова увидел извивающуюся фигуру Мэтчема и его молящие о пощаде глаза.

Тут он вспомнил об угрожавших ему опасностях. В соседней комнате он услышал шум: как будто двигался человек; затем странно близко раздался вздох; потом послышался шорох женской одежды и звук шагов. Дик стоял, прислушиваясь; вдруг раздался стук отворяемой двери, драпировка раздвинулась и Джоанна Седлей с лампой в руке вошла в комнату.

Она была одета в платье из дорогой материи темного цвета, как и следовало в зимнее, снежное время. Волосы на голове у нее были собраны, напоминая корону. Она казавшаяся такой маленькой и неловкой в одежде Мэтчема, теперь была высока как молодая ива, и плыла по полу, словно презирая необходимость ходить.

Она не вздрогнула, не смутилась, подняла лампу и взглянула на молодого монаха.

– Что делаете вы здесь, добрый брат? – спросила она. – Вас, наверно, направили не туда, куда следует. Кого вам нужно? – И она поставила лампу на подставку.

– Джоанна, – только и сказал Дик, голос изменил ему. – Джоанна, – снова начал он, – ты говорила, что любишь меня, и я, безумец, поверил этому!

– Дик! – вскрикнула она. – Дик!

И к великому удивлению юноши прекрасная молодая леди сделала только один шаг, охватила его шею руками и осыпала его поцелуями.

– О, глупый малый! – кричала она. – О, милый Дик! Если бы ты мог видеть себя! Увы, – прибавила она, остановившись, – я испортила тебя, Дик! Я стерла с тебя краску. Но это можно поправить. Вот чего нельзя поправить, Дик, – я очень боюсь, что нельзя поправить, – это моего замужества с лордом Шорби.

– Значит, это решено? – спросил Дик.

– Завтра до полудня назначена моя свадьба, Дик, в церкви аббатства, – ответила она. – Джон Мэтчем и Джоанна Седлей – оба придут к очень печальному концу. От слез нет никакой пользы, не то я могла бы выплакать глаза. Я неустанно молилась, но Небо не обращает внимания на мои мольбы. И дорогой Дик, добрый Дик, если ты не можешь увести меня из этого дома до утра, то мы должны поцеловаться и проститься.

– Ну нет, – сказал Дик, – я никогда не скажу этого слова. Это похоже на отчаяние, а пока есть жизнь, Джоанна, есть и надежда. И я буду надеяться. Да, клянусь мессой и нашим будущим торжеством! Видишь, когда ты была для меня только именем, разве я не пошел за тобой, не собрал удалых людей, не поставил на карту свою жизнь? А теперь, когда я увидел тебя – прекраснейшую, благороднейшую девушку во всей Англии, – неужели ты думаешь, что я покину тебя? Если бы здесь было глубокое море, я прошел бы по нему, если бы путь был полон львов, я разогнал бы их как мышей.

– Ах, – сухо проговорила она, – ты подымаешь много шума из-за голубого платья!

– Нет, Джоанна, – возразил Дик, – дело не в одном платье. Ты была переодета, дорогая. Вот теперь переодет, ну разве не правда, что у меня смешной, прямо дурацкий, вид?

– Да, правда, Дик, – улыбаясь ответила Джоанна.

– Ну вот видишь! – торжествуя проговорил Дик. – То же было и с тобой в лесу, бедный Мэтчем. По правде сказать, на тебя смешно было смотреть. А теперь!

Так болтали они, держа друг друга за руки, обмениваясь улыбками и нежными взглядами и обращая минуты в секунды; они могли бы продолжать так всю ночь. Но вдруг они

услышали какой-то шум сзади себя и увидели маленькую молодую леди, приложившую палец к губам.

– Святые угодники! – вскрикнула она. – Какой вы поднимаете шум! Не можете вы говорить посдержаннее? Ну, Джоанна, моя прекрасная лесная девушка, что ты дашь своей подруге за то, что она привела твоего милого?

Вместо ответа Джоанна подбежала к ней, горячо обняла и поцеловала ее.

– А вы, сэр, – прибавила молодая девушка, – что вы дадите мне?

– Сударыня, – сказал Дик, – я охотно заплатил бы вам той же монетой.

– Ну, подходите, позволяю вам, – сказала девушка.

Но Дик, покраснев как пион, поцеловал ей только руку.

– Почему я вам не нравлюсь, прекрасный сэр? – спросила она, приседая до полу. Когда Дик наконец очень холодно поцеловал ее, она прибавила: – Джоанна, твой милый очень застенчив у тебя на глазах; уверяю тебя, он был смелее при нашей первой встрече. Я вся в синяках, мой друг, не верь мне никогда больше, если окажется, что я не в синяках! А теперь, – продолжала она, – наговорились ли вы? Я должна скоро отправить прочь паладина.

Но оба закричали, что они еще ничего не успели сказать, что вечер еще только наступил, и они не хотят расставаться так рано.

– А ужин? – спросила молодая девушка. – Ведь мы должны идти вниз к ужину.

– Конечно! – вскрикнула Джоанна. – Я совсем забыла об этом.

– Так спрячьте меня куда-нибудь, – сказал Дик, – хоть за занавес, заприте в ящик, сделайте что хотите, только бы я остался здесь до вашего возвращения. Помните, прекрасная леди, – прибавил он, – что мы в отчаянном положении, и, может быть, с сегодняшнего вечера нам не придется видеть друг друга до самой смерти.

При этих словах сердце молодой девушки смягчилось; когда несколько позже колокол созвал к обеду домашних сэра Даниэля, Дик стоял неподвижно у стены, там, где раздвинувшаяся драпировка позволяла ему дышать свободно и даже давала возможность смотреть в комнату.

Недолго пробыл он в этом положении, как вдруг нечто странное смутило его. Тишина в этом верхнем этаже дома нарушалась только потрескиванием огня и шипением зеленой ветки в камине. Но вдруг до напряженного слуха Дика долетел какой-то звук: кто-то шел с чрезвычайной осторожностью. Вскоре после того дверь отворилась и человек маленького роста, почти карлик, со смуглым лицом, в ливрее цветов лорда Шорби, просунул в комнату сначала голову, а потом и все свое искривленное тело. Рот у него был открыт, как будто для того, чтобы лучше слышать, глаза, очень блестящие, быстро и беспокойно бегали из стороны в сторону. Он обошел комнату, ударяя то там, то сям по драпировке. Дик каким-то чудом избежал его внимания. Он заглянул под мебель, пристально оглядел лампу и наконец с видом глубокого разочарования уже собирался выйти из комнаты так же тихо, как вошел в нее, как вдруг упал на колени и поднял какую-то вещь с разбросанного по полу тростника, посмотрел на нее и со всеми признаками восторга спрятал ее в висевшую у пояса сумку.

Сердце у Дика упало, потому что это была кисть от его собственного пояса; ему было ясно, что карлик-шпион, с таким злобным удовольствием занимавшийся своим делом, не замедлит отнести свою находку барону, своему господину. Его брало искушение откинуть занавес, напасть на негодяя и, рискуя жизнью, отнять красноречивую улику. Пока он колебался, у него явилась новая причина для беспокойства. На лестнице раздался хриплый, пьяный голос, и вскоре затем в коридоре послышались неровные тяжелые шаги.

– «Что вам надо среди этих лесов?» – пел этот голос. – «Что делаете вы здесь?» Эй! Олухи, что делаете вы здесь? – прибавил он с раскатом пьяного хохота и снова запел:

«Толстый ты друг мой, брат Джон,

Если вино будешь пить,
– Буду я есть, а пить он, —
А кто же обедню служить?»

Лаулесс, увы! мертвецки пьяный разгуливал по дому, отыскивая уголок, где мог бы проспаться после очередного возлияния. Дик приходил в ярость в глубине души. Шпион сначала испугался, но убедясь, что имеет дело с пьяным, с быстротой, напоминавшей кошку, выскользнул из комнаты и исчез из глаз Ричарда.

Что было делать? Если он потеряет из виду Лаулесса, он бессилен составить какой бы то ни было план спасти Джоанну. Если же он решится обратиться теперь к пьяному бродяге, – шпион может быть вблизи и вызвать самые роковые последствия.

Однако Дик все же решился на последний риск. Выйдя из-за занавеса, он встал на пороге комнаты с поднятой рукой. Лаулесс багровый, с налитыми кровью глазами подходил неровными шагами все ближе и ближе. Наконец он смутно разглядел своего командира и, несмотря на грозные сигналы Дика, немедленно громко приветствовал его по имени.

Дик бросился на пьяницу и принялся яростно трясти его.

– Скотина! – прошипел он. – Скотина, а не человек! Быть таким безумным. Да это пьянство хуже настоящей измены!

Но Лаулесс только смеялся и шатался, стараясь похлопать по спине молодого Шельтона.

Как раз в это мгновение тонкий слух Дика уловил шорох за драпировкой. Он кинулся по направлению звука, и через мгновение кусок драпировки был оторван, и Дик и шпион барахтались в его складках. Они катались, стараясь ухватить друг друга за горло, безмолвные в своем смертельном бешенстве. Ткань мешала им. Но Дик был гораздо сильнее, и вскоре шпион лежал поверженным под его коленом; удар длинного кинжала лишил его жизни.

Глава III
Мертвый шпион

Во время бешеной, короткой схватки Лаулесс беспомощно смотрел на боровшихся и даже тогда, когда Дик, встав на ноги, со странным вниманием прислушивался к отдаленному шуму в двух остальных этажах дома, старый бродяга продолжал качаться, словно куст от порыва ветра, и бессмысленно смотрел в лицо мертвецу.

– Хорошо, что нас не слышали, – наконец проговорил Дик, – хвала святым! Но что я буду делать с этим бедным шпионом? По крайней мере возьму мою кисть из его сумки.

Сказав это, Дик открыл сумку; там он нашел несколько монет, свою кисть и письмо, адресованное лорду Уэнслейделю и запечатанное печатью лорда Шорби. Это имя пробудило воспоминания Дика, он сейчас же сломал восковую печать и прочел содержание письма. Оно было коротко, но, к восторгу Дика, содержало явные доказательства, что лорд Шорби изменнически вел переписку с Йоркским домом.

Молодой человек всегда носил с собой рог с чернилами и другие письменные принадлежности и потому, встав на колено рядом с трупом мертвого шпиона, мог написать на клочке бумаги следующие слова:

«Милорд Шорби, вы, написавший письмо, знаете ли, почему умер ваш слуга? Но позвольте мне дать вам совет, – не женитесь!

Джон Мститель».

Он положил бумагу на грудь трупа. Тогда Лаулесс, который смотрел на действия Дика с некоторыми проблесками возвращающегося сознания, внезапно вынул из-под одежды черную стрелу и приколол ею письмо к трупу. При виде этого неуважения, почти жестокости к мертвецу, крик ужаса сорвался с уст молодого Шельтона, но старый бродяга только рассмеялся.

– Ну, я хочу поддержать честь моего ордена, – икая, проговорил он. – Моим веселым молодцам должна быть отдана эта честь, брат. – Потом он, закрыв глаза и открыв рот, прогремел страшным голосом:

«Если вино будешь пять…»

– Молчи, олух! – крикнул Дик и сильно толкнул его к стене. – И пойми, если может что-нибудь понять человек, в котором больше вина, чем ума, – пойми и, именем Пресвятой Девы Марии, убирайся из этого дома – если ты останешься здесь, то не только ты будешь повешен, а и я! Итак, на ноги! Скорее, не то клянусь мессой, я могу забыть, что в некоторых отношениях я – твой начальник, а в другом – должник! Ступай!

Ложный монах начал понемногу приходить в себя, а звук голоса Дика, блеск егоглаз запечатлели в *его* уме значение сказанного.

– Клянусь мессой, – крикнул Лаулесс, – если я не нужен, то могу уйти, – и он, шатаясь, прошел по коридору и стал спускаться с лестницы, придерживаясь стены.

Как только он исчез из виду, Дик вернулся в свое убежище, решив посмотреть, что произойдет дальше. Ум говорил ему, что следовало уйти, но любовь и любопытство пересилили.

Время медленно тянулось для молодого человека, продолжавшего стоять за занавесом. Огонь в комнате потухал, лампа горела слабо и чадила. А между тем все еще не было разговора о возвращении кого-либо из обитателей верхних этажей дома; снизу все еще доносился

слабый шум и болтовня ужинавших, а город Шорби с обеих сторон дома по-прежнему лежал безмолвно под густо падавшим снегом.

Наконец к лестнице стали приближаться шаги, послышались голоса; некоторые из гостей сэра Даниэля вошли на площадку и, повернув в коридор, увидели разорванную драпировку и труп шпиона.

Кто бросился вперед, кто назад; поднялся громкий крик.

Услыхав этот крик, гости, солдаты, дамы, слуги, одним словом, все обитатели большого дома стали сбегаться со всех сторон, присоединяя свои голоса к общему смятению.

Скоро толпа раздалась, пропустив самого сэра Даниэля, явившегося в сопровождении завтрашнего жениха, милорда Шорби.

– Милорд, – сказал сэр Даниэль, – не говорил ли я вам об этой подлой «Черной Стреле»? Вот вам и доказательство! Вот она торчит тут и, клянусь распятием, кум, на груди человека, который носил ваши цвета или украл их!

– Это действительно мой слуга, – ответил лорд Шорби, отшатываясь. – Желал бы я, чтобы у меня было побольше таких слуг. Он был ловок как гончая, и скрытен как крот.

– В самом деле, кум? – спросил резко сэр Даниэль. – А что он приходил вынюхивать так высоко в моем бедном доме? Но больше он уже не станет нюхать.

– Потрудитесь посмотреть, сэр Даниэль, – сказал кто-то из присутствовавших, – тут у него на груди приколота бумага, на которой написано что-то.

– Дайте мне стрелу и все остальное, – сказал рыцарь. Взяв в руки стрелу, он некоторое время рассматривал в угрюмом молчании.

– Да, – сказал он, обращаясь к лорду Шорби, – это ненависть преследует меня по пятам. Эта черная палочка, или схожая с ней, погубит меня. И вот что кум, позвольте простому рыцарю дать вам совет: если эти псы станут преследовать вас – бегите! Это – словно болезнь, она может настигнуть каждого из нас. Но посмотрим, что они написали. То, что я и думал, милорд: вы отмечены, как старый дуб лесничим. Секира упадет завтра или послезавтра. Но что вы написали в том письме?

Лорд Шорби снял бумагу со стрелой, прочел ее, смял в руках и, подавив отвращение, которое прежде удерживало его, бросился на колени перед трупом и стал поспешно рыться в сумке.

Он встал на ноги с несколько расстроенным видом.

– Кум, – сказал он, – я действительно потерял очень важное письмо, и если бы мог захватить негодяя, который взял его, он немедленно украсил бы собой виселицу. Но прежде всего обезопасим выходы. И то уже наделано много бед, клянусь святым Георгием!

Часовые были расставлены вокруг дома и сада на близком расстоянии друг от друга; на каждой площадке лестницы стояло также по часовому; целый отряд их находился у главного входа, другой – вокруг костра в сарае. Слуги сэра Даниэля получили подкрепление в лице слуг лорда Шорби, таким образом, не было недостатка ни в людях, ни в оружии для защиты дома, или для поимки неприятеля, если бы он скрывался вблизи.

Между тем труп шпиона вынесли под продолжавшим падать снегом, и положили его в церкви аббатства.

Только тогда, когда все меры предосторожности были приняты и наступила вновь тишина, девушки вызвали Ричарда Шельтона из его тайника и подробно рассказали ему все случившееся. Сосвоей стороны он рассказал о посещении шпиона, его опасном открытии и быстром конце.

Джоанна в изнеможении прислонилась к обитой ткаными обоями стене.

– Это ничему не поможет, – сказала она, – я все же буду обвенчана завтра утром.

– Как! – вскрикнула ее подруга. – Ведь вот наш паладин, который разгоняет львов как мышей! Мало же у тебя веры, право. Ну, друг-укротитель львов, утешьте же нас, заговорите и дайте нам услышать смелый совет.

Дик смутился, когда ему кинули в лицо его преувеличенные выражения. Он покраснел, но все же заговорил смело.

– Правда, мы в затруднительном положении, – сказал он, – но если бы мне удалось выбраться из этого: дома на полчаса, я поистине скажу, все еще могло бы быть хорошо, и свадьба не состоялась бы.

– А что касается львов, – передразнила его молодая девушка, – то они будут изгнаны.

– Прошу извинения, – сказал Дик, – я говорю вовсе не хвастаясь, а прося помощи или совета, потому что если мне не удастся пробраться из дома не замеченным часовыми, то я не могу ничего сделать. Пожалуйста, поймите меня правильно.

– С чего это ты заговорила, что он неотесан, Джоанна? – осведомилась молодая девушка. – Я утверждаю, что речь его всегда находчива, нежна и смела, смотря по его желанию… Чего тебе еще?

– Да, – со вздохом и вместе с тем с улыбкой проговорила Джоанна, – правда, моего друга Дика подменили. Когда я видела его, он был действительно груб. Но это ничего не значит, надежды на перемену моей горькой участи все же нет, и я должна стать леди Шорби.

– Ну, – сказал Дик, – я попробую рискнуть. На монаха мало обращают внимания, и если я мог найти добрую фею, которая привела меня наверх, то могу найти и другую, которая сведет меня вниз. Как имя этого шпиона?

– Реттер, – ответила молодая девушка, – но что вы хотите сказать, укротитель львов? Что вы думаете делать?

– Попробовать смело выйти из дома, – ответил; Дик, – и если меня остановят, не терять присутствия духа и сказать, что иду молиться за Реттера.

– Выдумка не из хитрых, – заметила девушка, – но, может быть, удастся.

– В затруднительных обстоятельствах главное дело не в выдумке, а в смелости, – сказал молодой Шельтон.

– Вы говорите правду, – сказала она, – ну идите, и да поможет вам Небо! Вы оставляете здесь бедную девушку, которая любит вас всей душой, и другую, которая искренний друг ваш. Будьте благоразумны ради них и не подвергайте себя опасности.

– Да, – прибавила Джоанна, – иди, Дик. Опасность одинаково велика, останешься ли ты здесь, или уйдешь. Иди, ты уносишь с собой мое сердце, – да сохранят тебя святые!

Дик прошел мимо первого часового с таким уверенным видом, что тот только потоптался на месте и пристально взглянул на него, но на второй площадке часовой преградил ему путь копьем и спросил его, зачем он идет.

– Pax vobiscum, – ответил Дик, – я иду молиться над трупом бедного Реттера.

– Может быть, – сказал часовой, – но одному идти не позволяется. – Он нагнулся над дубовыми перилами и пронзительно свистнул, «идут!» – крикнул он и затем сделал знак Дику, чтобы он шел дальше.

Внизу лестницы его ожидала стража; когда он снова повторил свой рассказ, начальник отряда велел четырем солдатам проводить его до церкви.

– Не упустите его, молодцы, – сказал он, – отведите его к сэру Оливеру. Вы отвечаете за него своей жизнью.

Дверь открылась, двое людей взяли Дика с обеих сторон за руку; один из воинов шел впереди с факелом в руке, четвертый замыкал шествие с натянутым луком и со стрелой наготове. В таком порядке они прошли по саду в глубокой ночной тьме при падающем снеге и подошли к слабо освещенным окнам церкви аббатства.

У западного портала стоял пикет стрелков, старавшихся укрыться в углублениях дверей с арками и осыпанных снегом. Только тогда, когда проводники Дика обменялись с ними паролем и отзывом, им позволено было войти в главный придел церковного здания.

Церковь освещалась слабым светом восковых свечей, горевших на алтаре, и несколькими лампадами, спускавшимися со сводчатого потолка над частными капеллами знаменитых фамилий. Мертвый шпион, с благоговейно сложенными руками, лежал на катафалке.

Под арками раздавался торопливый шепот молитв: на скамьях на клиросе стояли на коленях фигуры, укутанные капюшонами, а на ступенях высокого алтаря священник в полном облачении служил обедню.

Когда Дик и сопровождавшие его вошли в церковь, одна из закутанных фигур встала и, спустившись со ступеней, которые вели на клирос, спросила шедшего впереди воина, какое дело привело его в церковь. Из уважения к службе и к покойнику оба говорили сдержанным тоном, но эхо громадного, пустого здания подхватывало их слова и глухо повторяло их вдоль боковых приделов храма.

– Монах! – сказал сэр Оливер (это был он), выслушав рассказ стрелка. – Брат мой, я не ожидал вашего прихода, – сказал он, оборачиваясь к молодому Шельтону, – скажите, пожалуйста, кто вы? И по чьей просьбе присоединяете свои молитвы к нашим?

Дик, не снимая капюшона, сделал сэру Оливеру знак отойти немного от стрелков: как только священник исполнил его просьбу, он сказал: – Я не надеюсь обмануть вас, сэр. Моя жизнь в ваших руках.

Сэр Оливер сильно вздрогнул, его толстые щеки побледнели, он молчал некоторое время.

– Ричард – сказал он, – я не знаю, что привело вас сюда, но сильно опасаюсь, что-нибудь дурное. Но в память прошлого я не хочу добровольно повредить вам. Вы просидите рядом со мной в церкви на скамье всю ночь: вы будете сидеть там, пока лорд Шорби не будет обвенчан и все не вернутся благополучно по домам. И если все сойдет хорошо, и вы не задумали ничего дурного, в конце концов вы можете идти, куда желаете. Но если вы пришли с кровавыми намерениями, то это падет на вашу голову. Аминь!

И священник набожно перекрестился, повернулся и пошел к алтарю.

Он сказал несколько слов солдатам и, взяв Дика за руку, провел его на клирос и посадил его на скамью рядом с собой. Из приличия юноша сейчас же опустился на колени и, по-видимому, погрузился в молитву.

Но ум его и глаза блуждали. Он заметил, что трое из приведших его солдат, вместо того, чтобы вернуться в дом, спокойно уселись в одном из приделов, он не сомневался, что они сделали это по приказанию сэра Оливера. Итак, он попал в западню. Он должен провести ночь в призрачном мерцании и тьме церкви, смотря на бледное лицо убитого им человека, а утром он увидит, как его возлюбленную обвенчают на его глазах с другим.

Однако ему удалось овладеть собой и заставить себя терпеливо ждать.

Глава IV
В церкви аббатства

В церкви шорбийского аббатства молитвы не прекращались всю ночь, иногда пелись псалмы, иногда раздавался звук колокола.

У тела шпиона Реттера бодрствовали усердно. Сам он лежал, как его положили, с руками, скрещенными на груди, с мертвыми глазами, устремленными вверх на крышу, а совсем близко на скамье юноша, убивший его, ожидал в тяжкой тревоге наступления утра.

Только раз в продолжение этих долгих часов сэр Оливер нагнулся к своему пленнику.

– Ричард, – шепнул он, – сын мой, если вы злоумышляете против меня, то я удостоверяю, что вы имеете в виду невинного человека. Я признаю себя грешным в глазах Неба! Но я не виновен в отношении вас и никогда не был виновен.

– Отец мой, – так же тихо возразил Дик, – поверьте мне, я не замышляю никакого зла, но что касается вашей невиновности, то я не могу забыть, что вы оправдывались плохо.

– Человек может быть виновен неумышленно, – ответил священник, – ему может быть дано поручение, которое он исполняет слепо, не подозревая его настоящего значения. Так было со мной. Я заманил вашего отца в западню, но небо видит нас в этом священном месте! – я не знал, что делал.

– Может быть, – сказал Дик, – но посмотрите, какую странную паутину сплели вы в этот час: я в одно и то же время ваш пленник и ваш судья; вы угрожаете моей жизни и стараетесь смягчить мой гнев. Мне кажется, что если бы вы всю свою жизнь были правдивым человеком и хорошим священником, вы не боялись бы и не ненавидели бы меня так сильно. А теперь займитесь вашими молитвами. Я повинуюсь вам, так как это необходимо, но не желаю обременять себя вашим обществом.

Священник испустил такой тяжелый вздох, что почти возбудил жалость в сердце юноши, и опустил голову на руки, как человек, удрученный заботой. Он больше не принимал участия в пении псалмов. Дик слышал, как стучали четки в его руках и как молитвы вылетали из-за сжатых зубов.

Прошло еще немного времени, и серый рассвет начал пробиваться сквозь расписанные окна церкви. Свет все усиливался, становился ярче, и наконец розовый свет солнца, проникнув через окна на юго-восточной стороне, заиграл на стенах. Буря прошла, большие облака, извергнув снег, полетели дальше, и новый день восходил над веселым зимним пейзажем, покрытым белым снегом.

Церковнослужители засуетились, катафалк отнесли в ризницу, кровавые пятна на плитах вымыли, чтобы такое зловещее зрелище не оскверняло свадьбы лорда Шорби. В то же время и духовные лица, занимавшиеся ночью печальным делом, начали принимать утренний вид, чтобы оказать честь предстоящей, более веселой церемонии. И как бы для того, чтобы еще более подчеркнуть наступление утра, набожные городские жители начали собираться в церкви, падая ниц перед алтарями или дожидаясь своей очереди перед исповедальнями.

В этой суматохе легко было обмануть бдительность стражи сэра Даниэля; Дик, устало оглядывавшийся вокруг, встретился взглядом с Уиллем Лаулессом, все еще одетым монахом.

В то же мгновение бродяга узнал своего предводителя и сделал ему украдкой знак рукой и глазами.

Дик далеко не простил старому плуту его несвоевременное пьянство, но ему все же не хотелось заставить его разделить свое тяжелое положение, и он дал ему ясно понять, чтобы он ушел прочь.

Лаулесс, как будто поняв его, сразу исчез за одной из колонн, и Дик облегченно вздохнул.

Каков же был его ужас, когда он вдруг почувствовал, что кто-то дергает его за рукав, и увидел старого разбойника, сидевшего рядом с ним и, по-видимому, погруженного в молитву!

Как раз в это мгновение сэр Оливер встал со своего места и, проскользнув между скамьями, направился к солдатам в боковом приделе храма. Если так легко возбудить его подозрение, то зло уже сделано, и Лаулесс уже пленник.

– Не двигайся, – шепнул Дик. – Мы в отчаянном положении, благодаря главным образом твоему вчерашнему свинству. Когда ты увидел меня сидящим тут, на что я не имею ни права, ни охоты, как ты – черт возьми! – не почуял беды и не ушел от зла?

– Ну, – сказал Лаулесс, – я думал, что вы получили известия от Эллиса и сидите здесь по долгу службы.

– Эллис! – повторил Дик. – Разве Эллис вернулся?

– Конечно, – ответил бродяга. – Он вернулся прошлой ночью и здорово отколотил меня за то, что я был пьян, так что вы отомщены, мастер. Бешеный человек этот Эллис Декуорс! Он прискакал сломя голову из Кревена, чтобы помешать этой свадьбе, а вы его знаете, мастер Дик, – уж он сделает это!

– Ну, мой бедный брат, – спокойно проговорил Дик, – мы с вами все равно что мертвые; я сижу здесь пленником под подозрением и должен отвечать моей головой за ту свадьбу, которую Эллис собирается расстроить. Клянусь распятием, славный мне предоставили выбор! Потерять возлюбленную или жизнь. Ну, жребий брошен – потеряю жизнь.

– Клянусь мессой, – вскрикнул, приподнимаясь, Лаулесс, – я уйду!

Но Дик положил ему руку на плечо.

– Сиди смирно, друг Лаулесс, – сказал он. – И если у тебя есть глаза, взгляни на угол у арки, где алтарь, разве ты не видишь, что при малейшем твоем движении эти вооруженные люди встанут, готовые схватить тебя? Покорись, друг. Ты был храбр на руле, когда думал умереть в море, будь смел и теперь, когда придется умереть на виселице.

– Мастер Дик, – задыхаясь проговорил Лаулесс, – это нахлынуло на меня так внезапно. Дайте мне минутку передохнуть, и, клянусь мессой, что буду так же смел, как вы.

– Вот он, мой смелый малый! – сказал Дик. – А все же, Лаулесс, мне страшно не хочется умирать, но к чему хныкать, когда хныканье ничего не изменит?

– Да, в самом деле! – согласился Лаулесс. – И в худшем случае, что такое смерть! Раньше или позже, все равно она придет, мастер. А быть повешенным из-за хорошего дела, говорят, легкая смерть, хотя я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь возвращался, чтобы рассказать это.

С этими словами смелый старый плут откинулся назад, сложил руки и стал оглядываться вокруг с самым нахальным и беззаботным видом.

– Тебе лучше всего сидеть спокойно, – прибавил Дик. – Мы ведь не знаем, что задумал Декуорс; когда все будет кончено, и если случится самое дурное, мы все же можем убраться подобру-поздорову.

Когда они перестали разговаривать, то услышали отдаленные тихие звуки веселой музыки, постепенно приближавшиеся и становившиеся все громче и веселее. Колокола на колокольне громко зазвонили, церковь наполнялась все большим и большим количеством людей. Они входили, отряхивая снег с ног, похлопывая руками и дуя на них, чтобы согреть. Западная дверь широко распахнулась, из нее виднелась освещенная солнцем, покрытая снегом улица; в то же время в церковь ворвался сильный порыв холодного утреннего ветра. Вообще по всему было ясно видно, что лорд Шорби желает жениться очень рано утром и что свадебная процессия приближается.

Несколько слуг лорда Шорби стали очищать проход в среднем приделе, отодвигая народ копьями. И в то же мгновение с наружной стороны портала показались музыканты,

приближавшиеся по мерзлому снегу, флейтисты и трубачи с побагровевшими от усердия лицами, барабанщики и цимбалисты, старавшиеся изо всех сил.

Подойдя к дверям священного здания, музыканты выстроились в два ряда и стали на снегу, топая ногами в такт своей оглушительной музыке. Когда они раздвинулись, за ними и посреди них показались участнике пышной свадебной процессии. Разнообразие и яркость одежд, изобилие шелка и бархата, мехов и атласа, вышивок и кружев было так велико, что процессия выделялась на снегу, словно клумба цветов на дорожке или расписанное окно в стене.

Впереди шла невеста – печальное зрелище! Бледная как зима, она опиралась на руку сэра Даниэля; ее сопровождала молодая леди маленького роста, оказавшая накануне дружескую услугу Дику. Сейчас же за ними, в самом ярком туалете, шел жених, прихрамывая на больную подагрой ногу; когда он, войдя на порог церковного здания, снял шляпу, видно было, что его лысая голова порозовела от волнения.

Наступил час Эллиса Декуорса.

Дик, сидевший ухватясь за скамью перед ним, в борьбе различных ощущений, заметил вдруг движение в толпе, увидел подавшихся назад людей, поднятые глаза и руки. Взглянув по направлению этих взоров, он увидел на хорах трех или четырех людей с натянутыми луками. В то же мгновение они выпустили свои стрелы, и прежде чем шум и крики удивленной черни успели дойти до слуха многих из присутствовавших, они спрыгнули со своего места на хорах и исчезли.

Церковь наполнилась громкими криками перепуганных людей; духовные лица, вскочив со своих мест, толпились в ужасе; музыка прекратилась, и хотя колокола продолжали еще звонить в продолжение нескольких минут, но, вероятно, весть о несчастии достигла, наконец, и до помещения, где звонари качались на своих веревках, и они прекратили свой веселый труд.

Посередине церкви лежал жених, сраженный насмерть двумя черными стрелами. Невеста упала в обморок. Сэр Даниэль, пораженный и разгневанный, стоял, возвышаясь над толпой; большая стрела трепетала в его левой руке, по лицу струилась кровь от царапины на лбу, причиненной другой стрелой.

Прежде чем начали поиски, виновники трагического перерыва спустились по винтовой лестнице и ушли через потайную дверь.

Дик и Лаулесс все еще оставались заложниками. При первой тревоге они встали со своих мест и храбро попробовали пройти к дверям, но попытка их оказалась тщетной, благодаря тесноте между скамьями и толкотне испуганных священников и певчих, и они стоически остались на своих местах.

Сэр Оливер, бледный от ужаса, поднялся на ноги и, указывая рукой на Дика, позвал сэра Даниэля.

– Вот, – кричал он, – Ричард Шельтон!.. Увы, ужасный час! Он виновен в кровопролитии! Схватите его! Велите схватить его! Ради спасения жизни всех нас, возьмите его и свяжите покрепче! Он поклялся в нашей гибели!

Сэр Даниэль был ослеплен гневом, ослеплен горячей кровью, продолжавшей струиться по его лицу.

– Где он? – грозно прокричал он. – Тащите его сюда! Клянусь холивудским крестом, он проклянет этот час!

Толпа отхлынула, и отряд стрелков вошел на клирос. Грубые руки схватили Дика, стащили его со скамьи и спихнули с лестницы алтаря. Лаулесс сидел смирно притаясь, словно мышь.

Сэр Даниэль, отирая кровь, мигая смотрел на своего пленника.

– А, – сказал он, – я крепко держу тебя, дерзкого изменника! Клянусь всеми самыми страшными клятвами, что за каждую каплю крови, попадающую мне в глаза, ты заплатишь стоном от мучений твоего тела. Взять его! – крикнул он. – Здесь не место! Отвести его ко мне в дом! Я отмечу пыткой каждый мускул его тела!

Но Дик отстранил схвативших его солдат и возвысил голос.

– Здесь святое место! – крикнул он. – Убежище! Эй, отцы мои! Меня хотят вытащить из церкви.

– Из церкви, которую ты осквернил убийством, мальчик, – заметил высокий, великолепно одетый человек.

– Где доказательства? – продолжал кричать Дик. – Меня, правда, обвиняют в соучастии, но не приводят ни одного доказательства. Я, действительно, желал получить руку этой молодой девицы, и она, осмелюсь сказать, благосклонно относилась к моему сватовству. Но что из этого? Я полагаю, любить девушку – не оскорбление, не оскорбление и добиться ее любви. Во всем остальном я совершенно невиновен…

Шепот одобрения пробежал между присутствующими: так смело Дик защищал свою невиновность. Но в то же время явилась целая толпа обвинителей. Они кричали, рассказывая, как Дика нашли в прошлую ночь в доме сэра Даниэля кощунственно переодетым. Среди этого смешения языков сэр Оливер словами и жестами указал на Лаулесса как на сообщника. Его, в свою очередь, стащили с места и поставили рядом с Шельтоном. Толпа разгорячилась и разделилась на две партии, одни оттаскивали пленников, чтобы помочь им бежать, другие проклинали их и били кулаками. У Дика шумело в ушах, голова его кружилась, как у человека, борющегося с бешеным течением реки.

Высокий человек, ответивший раньше Дика, возвысил свой голос так сильно, что ему удалось водворить молчание и спокойствие среди толпы.

– Обыщите их, – сказал он. – Нет ли у них оружия. Тогда мы можем судить о их намерениях.

У Дика нашли только кинжал, это говорило в его пользу, но один из присутствующих услужливо вынул его из ножен и увидел, что он еще не очищен от крови Реттера. Приверженцы сэра Даниэля громко закричали при этом открытии, но высокий человек заставил их замолчать жестом руки и повелительным взглядом. Когда же дошла очередь до Лаулесса у него под одеждой нашли пучок стрел, тождественных с теми, которыми был пронзен лорд Шорби и ранен сэр Даниэль.

– Что вы теперь скажете? – спросил Дика, нахмурясь, высокий человек.

– Сэр, – ответил Дик, – здесь, в церкви, я в безопасности, не правда ли? Так вот что я скажу вам: по вашей осанке я вижу, что вы занимаете высокое положение, и в вашем лице я читаю отпечатки благочестия и справедливости. Поэтому я охотно отдам себя вам в пленники, не воспользовавшись преимуществами этого святого места. Но если бы меня отдали во власть этого человека, которого я громко обвиняю в убийстве моего родного отца и в несправедливом удержании моих поместий и доходов, если бы это случилось, то умоляю вас умертвить меня на этом месте вашей благородной рукой. Вы слышали своими собственными ушами, как он угрожал мне мучениями раньше, чем я был признан виновным. Но согласно ли с вашей честью выдать меня моему заклятому врагу и давнишнему притеснителю; судите меня по закону и, если я окажусь виновным, убейте, но не забывая милосердия.

– Милорд, – вскрикнул сэр Даниэль, – неужели вы станете слушать этого волка? Его окровавленный кинжал уличает его во лжи.

– Позвольте вам заметить, добрый рыцарь, – сказал высокий незнакомец, – что ваша горячность несколько говорит против вас.

Тут невеста, которая пришла в себя несколько минут тому назад и дико смотрела на эту сцену, вырвалась из рук державших ее людей и бросилась на колени перед незнакомцем.

– Милорд Райзингэм, – сказала она, – выслушайте меня из чувства справедливости. Я здесь во власти этого человека, насильно вырвавшего меня из рук моих близких. С того дня я не видела ни сожаления, ни поддержки, ни утешения ни от одного человека, кроме его – Ричарда Шельтона, которого теперь стараются обвинить и погубить. Милорд, если он был вчера ночью в доме сэра Даниэля, то это произошло по моей просьбе; он пришел без всяких дурных намерений. Пока сэр Даниэль был добр к нему, он честно бился с членами шайки «Черной Стрелы», но когда бесчестный опекун стал покушаться на его жизнь и ему пришлось бежать ночью, ради спасения души, из кровавого дома – куда было деваться ему, беспомощному, не имевшему никаких средств? Если он попал в дурное общество, кого следует порицать, – юношу ли, с которым поступили несправедливо, или опекуна, нарушившего свой долг?

Тут маленькая молодая леди упала на колени рядом с Джоанной.

– А я, мой добрый господин и родной дядя, – сказала она, – могу быть свидетельницей по совести и перед лицом всех, что эта девушка говорит правду. Я, недостойная, провела к ней этого молодого человека.

Граф Райзингэм слушал молча и продолжал молчать некоторое время после того, как замолкли голоса молодых девушек. Потом он подал руку Джоанне, чтобы помочь ей подняться; следует заметить, что он не оказал этой любезности той, которая назвалась его племянницей.

– Сэр Даниэль, – сказал он, – это чрезвычайно запутанное дело, с вашего позволения я займусь им и рассмотрю его. Итак, успокойтесь, ваше дело в заботливых руках, вам будет оказана справедливость, а пока отправляйтесь немедленно домой и полечите ваши раны. Воздух холодный, и я не желал бы, чтобы вы прибавили простуду к этим царапинам.

Он сделал знак рукой, услужливые слуги, сторожившие малейший его жест, передали этот знак дальше, емедленно за стенами церкви, раздался пронзительный звук труб, и через открытый портал стрелки и солдаты, одетые в одежду цветов графа Райзингэма и со значками его, вошли в церковь, взяли Дика и Лаулесса из рук державших их людей и, сомкнув ряды вокруг пленников, вышли из церкви и исчезли из вида.

Когда они проходили, Джоанна протянула обе руки к Дику и крикнула: «Прощай!», а подруга невесты, нисколько не смущенная очевидным неудовольствием своего дяди, послала Дику поцелуй со словами: – Мужайся, укротитель львов! – вызвавших на лицах толпы первую улыбку за все время этого приключения.

Глава V
Граф Райзингэм

Граф Райзингэм, хотя самое важное лицо в Шорби в то время, жил в бедном доме одного частного дворянина на окраине города. Только вооруженные люди у дверей и постоянно приезжавшие и уезжавшие гонцы показывали, что здесь находится временная резиденция знатного лорда.

Благодаря недостатку места Дика и Лаулесса заперли в одной комнате.

– Хорошо вы говорили, мастер Ричард, превосходно говорили, и я, со своей стороны, искренне благодарю вас. Здесь мы в хороших руках, нас будут судить справедливо и вечерком прилично повесят на одном и том же дереве.

– Да я то же думаю, мой бедный друг, – ответил Дик.

– Но у вас есть еще один выход, – возразил Лаулесс. – Эллис Декуорс – человек, каких найдется разве один из десяти; он очень любит вас и ради вас самих и ради вашего отца, зная, что вы невиновны, он подымет небо и землю, чтобы выручить вас.

– Не может этого быть, – сказал Дик. – Ну, что он сделает? У него лишь горсточка людей. Увы! Если бы это было завтра, если бы я мог попасть на свидание за час до полудня, – все, я думаю, было бы иначе. А теперь нет помощи.

– Ну, – сказал в заключение Лаулесс, – если вы будете отстаивать мою невиновность, то и я буду решительно стоять за вашу. Это нисколько не поможет нам, но если я буду повешен, то уж не из-за недостатка клятв.

Дик погрузился в размышления, а старый плут свернулся в уголке, надвинул на лицо свой монашеский капюшон и приготовился заснуть. Вскоре он уже громко храпел – долгая тяжелая жизнь, полная приключений, притупила в нем чувства страха и тревоги.

Полдень уже давно прошел, и наступили сумерки, когда дверь в комнату открылась и Дика вывели и повели наверх в кабинет, где граф Райзингэм в раздумье сидел у камина.

При входе пленника он поднял голову.

– Сэр, – сказал он, – я знал вашего отца, он был честный человек, и это располагает меня быть снисходительным к вам, но не могу скрыть, что на вас тяготеют тяжкие обвинения. Вы водитесь с убийцами и разбойниками; по точно наведенным справкам, вы сражались против короля; вас подозревают в разбойничьем похищении судна, вас нашли скрывающимся переодетым в доме вашего врага, в тот самый вечер был убит один человек…

– Позвольте, милорд, – прервал его Дик, – я сейчас же признаюсь в моей вине. Я убил этого Реттера, и в доказательство, – прибавил он, роясь за пазухой, – вот письмо из его сумки.

Лорд Райзингэм взял письмо, развернул его и прочел два раза.

– Вы читали это письмо? – спросил он.

– Читал, – ответил Дик.

– Вы за Йорка или за Ланкастера? – спросил граф.

– Милорд, мне еще недавно задали этот вопрос, и я не знал, что ответить на него, – сказал Дик, – но ответив раз, я уже не стану менять. Милорд, я – за Йоркский дом.

Граф одобрительно кивнул головой.

– Честный ответ, – сказал он. – Но почему же вы отдаете мне это письмо?

– Но разве не все партии должны восставать против изменников, милорд? – вскрикнул Дик.

– Хорошо, если бы было так, молодой джентльмен, – заметил граф, – и я одобряю вас за ваши слова. Я вижу, что в вас больше неопытности юности, чем вины, и не будь сэр Даниэль могущественным человеком в нашей партии, я почти готов был бы принять вашу сторону. Видите, сэр, я прежде всего вождь партии королевы и хотя считаю себя по натуре

справедливым человеком и даже склонным к преувеличенному милосердию, но я должен сообразовать свои действия с интересами моей партии и далеко зайду, чтобы удержать сэра Даниэля.

– Милорд, – сказал Дик, – вы не сочтете меня очень смелым, если я задам вам вопрос: полагаетесь ли вы на верность сэра Даниэля? Мне кажется, что он переходил с одной стороны на другую невыносимо часто.

– Ну, так делается в Англии. Чего вы хотите? – спросил граф. – Но вы несправедливы к рыцарю из Тонсталля, и насколько верность свойственна теперешнему неверному поколению, он в последнее время был верен Ланкастерскому дому. Он твердо держался нас даже при последних неудачах.

– Если вы пожелаете взглянуть на это письмо, – сказал Дик, – вы, может быть, несколько измените свое мнение о нем, – и он подал графу письмо сэра Даниэля к лорду Уэнслейделю.

Лицо графа мгновенно изменилось, он стал грозным как разъяренный лев, и рука его невольным движением схватила кинжал.

– Вы прочли и это? – спросил он.

– Да, – сказал Дик. – Он предлагает ваше имение лорду Уэнслейделю.

– Да, вы верно говорите, это мое имение! – сказал Райзингэм. – Я – ваш должник за это письмо. Оно раскрыло мне лисью хитрость сэра Даниэля. Распоряжайтесь мною, мастер Шельтон. Я не желаю скупиться на благодарность, и прежде всего – йорксист вы или ланкастерец, честный человек или вор – я возвращаю вам свободу. Идите, во имя Пресвятой Девы Марии! Но знайте, что я по справедливости задерживаю вашего слугу Лаулесса и повешу его. Преступление было совершено слишком открыто, и следует, чтоб и наказание было открыто.

– Милорд, первая моя просьба к вам – пощадите и его, – молил Дик.

– Это старый, давно осужденный негодяй, вор и бродяга, мастер Шельтон, – сказал граф. – Он уже лет двадцать готов на виселицу. И не все ли равно, за то или другое, завтра или послезавтра повесят его?

– Но, милорд, он пришел сюда из любви ко мне, – ответил Дик, – и с моей стороны было бы низко и неблагодарно бросить его.

– Мастер Шельтон, вы надоедливы, – строго заметил граф. – Это плохой способ иметь успех в свете. Но для того, чтобы отделаться от ваших надоеданий, я исполню ваше желание. Уходите оба, но идите осторожно и поскорее выбирайтесь из Шорби. Потому что этот сэр Даниэль (да накажут его святые!) жаждет вашей крови.

– Милорд, пока я выражаю вам свою благодарность словами, но надеюсь в скором времени выказать ее на деле, – ответил Дик, выходя из комнаты.

Глава VI
Опять Арбластер

Когда Дику и Лаулессу удалось потихоньку, задним ходом выбраться из дома, где лорд Райзингэм держал свой гарнизон, наступил уже вечер.

Они остановились под тенью садовой стены, чтобы обсудить, что им делать. Опасность была чрезвычайно велика. Если бы кто-нибудь из людей сэра Даниэля увидел их и поднял тревогу, их сейчас схватили бы и убили. И не только город Шорби был полон опасности, угрожавшей их жизни, но и в открытой местности они рисковали встретиться с патрулями.

Невдалеке, на открытом месте, они увидели ветряную мельницу, рядом с которой стояла очень большая житница с открытыми дверями.

– Что, если мы заляжем туда до ночи? – предложил Дик.

Так как у Лаулесса не нашлось лучшего предложения, то они бегом бросились к житнице и спрятались за дверью в соломе. Дневной свет скоро погас, и луна серебрила мерзлый снег. Теперь был случай, который мог не представиться больше, – добраться незамеченными до «Козы и Волынки» и переменить одежду, которая могла выдать их. Но и тут важнее было обойти кругом, по окраинам, а не рисковать показаться на рыночной площади, где при большом стечении народа они могли подвергнуться опасности быть узнанными и убитыми.

Путь был длинный. Он шел недалеко от дома на берегу, мрачного и безмолвного, и привел их наконец к гавани. При ясном лунном свете они увидели, что многие суда подняли якорь и, пользуясь спокойной погодой, разошлись в разные стороны. Сообразно с этим простые харчевни вдоль берега (освещенные огнем каминов и свечами, несмотря на закон, предписывавший тушить огонь в определенное время) не были набиты посетителями, и в них не раздавались морские песни, которые пели обыкновенно хором.

Дик и Лаулесс, подобрав до колен свои монашеские одежды, быстро, почти бегом шагали по глубокому снегу и пробирались через лабиринт обломков и всякого хлама, выброшенного на берег. Они обошли уже больше половины гавани, как вдруг, когда они проходили мимо какой-то харчевни, дверь ее открылась и поток света упал на их бежавшие фигуры.

Они сейчас же остановились и притворились, будто ведут оживленный разговор.

Трое людей, один за другим, вышли из харчевни, последний запер за собою дверь. Все трое нетвердо стояли на ногах, как будто они провели в возлияниях целый день и теперь стояли, облитые лунным светом, в нерешительности, словно не зная, что им делать дальше. Самый высокий из них говорил громким, печальным голосом.

– Семь бочонков самого лучшего гасконского вина, какое когда-либо было на свете, – сказал он, – лучшее судно порта Дармута, вызолоченное изображение святой Девы Марии, тринадцать фунтов настоящих золотых денег…

– У меня также большие потери, – прервал его другой. – У меня также были потери, кум Арбластер. В день святого Мартина у меня украли пять шиллингов и кожаную сумку, которая стоила не менее девяти пенсов!

Дик почувствовал упрек совести, когда услышал слова Арбластера. До этих пор он, может быть, совсем не думал о бедном шкипере, разоренном потерей «Доброй Надежды». В те времена люди, носившие оружие, не заботились об имуществах и интересах низших. Но эта внезапная встреча напомнила ему о произволе, с которым он завладел судном, и о неблагополучном исходе его предприятия. И он, и Лаулесс отвернулись, чтобы не быть узнанными.

Судовая собака спаслась от крушения и нашла дорогу в Шорби. Она шла по пятам Арбластера; внезапно она втянула носом воздух, насторожила уши и, бросившись вперед, принялась яростно лаять на ложных монахов.

Ее хозяин нетвердыми шагами шел за ней.

– Эй, товарищи! – крикнул он. – Не найдется ли у вас пенни для бедного старого моряка, совершенно разоренного пиратами? В четверг я мог бы заплатить за вас обоих, а теперь, в субботу ночью, выпрашиваю на фляжку эля! Спросите моего помощника Тома, если сомневаетесь во мне. Семь бочонков хорошего гасконского вина, собственное мое судно, которое раньше меня принадлежало моему отцу, изображение Пресвятой Девы, вызолоченное, и тринадцать фунтов золотом и серебром. Э, что скажете? И к тому же человек, который дрался с французами, потому что я дрался с французами, я перерезал на море больше глоток французам, чем любой человек, отправлявшийся из Дортмута. Ну дайте же пенни!..

Ни Дик, ни Лаулесс не осмеливались ответить ему, боясь, чтобы он не узнал их голосов, они стояли беспомощные, словно корабль на берегу, не зная, куда обратиться, на что надеяться.

– Что ты, нем, мальчик? – спросил шкипер. – Братцы, – икая, прибавил он, – они немы. Я не люблю такой невежливости, мне думается, что если человек и нем, то все же ответит из вежливости, если с ним заговорят.

Между тем матрос Том, человек большой силы, по-видимому, возымел свои подозрения насчет этих двух безгласных фигур; и так как он был трезвее своего капитана, то внезапно встал перед ними, грубо схватил за плечо Лаулесса и с ругательством спросил его, что с ним, что мешает ему говорить? Бродяга, считая все потерянным, ответил ему ударом, от которого моряк растянулся на песке, и крикнув Дику, чтобы он следовал за ним, побежал по берегу.

Все это произошло в одну секунду. Прежде чем Дик опомнился, Арбластер уже схватил его; Том подполз к нему и ухватил его за ногу, а третий из приятелей выхватил из ножен кортик и размахивал им над его головой.

Молодому Шельтону было очень тяжело, не столько от грозившей ему опасности и от досады, сколько от испытываемого им чувства глубокого унижения. Он спасся от сэра Даниэля, сумел убедить лорда Райзингэма и вдруг беспомощно попал в руки старого пьяницы-матроса. И он чувствовал себя не только беспомощным, но, как говорила ему, хотя и слишком поздно, совесть, действительно виновным, действительно банкротом-должником человека, у которого он украл судно и погубил его.

– Приведите мне его в харчевню, чтобы я мог увидеть его лицо, – сказал Арбластер.

– Нет, нет, – возразил Том, – сначала выгрузим его котомку, а то и другие молодцы потребуют своей части.

Но хотя Дика обыскали с головы до ног, на нем не нашли ни одного пенни и ничего вообще, кроме кольца с печатью лорда Фоксгэма, которое грубо сорвали с его пальца.

– Поверните его к свету, – сказал шкипер и, взяв Дика за подбородок, больно дернул его кверху. – Святая Дева! – вскрикнул он. – Да ведь это пират.

– Что! – крикнул Том.

– Клянусь Святой Девой Бордосской, это он! – повторил Арбластер. – Ну, морской вор, теперь я держу тебя! – кричал он. – Где мое судно? Где мое вино? Э, да неужели ты в моих руках? Том, дай-ка мне конец веревки, я свяжу этого морского волка по рукам и по ногам, как жареного индюка, да, вот я свяжу его вот так, а потом отколочу, и уж так отколочу!..

Он продолжал разговаривать, обвивая веревку вокруг тела Дика с ловкостью, присущей моряку, закрепляя ее морским узлом и яростно затягивая.

Когда он закончил свое дело, юноша оказался простым тюком в его руках, беспомощным как мертвец. Шкипер отодвинул его на расстояние руки и громко расхохотался; потом он дал ему оглушительную пощечину, перевернул его и принялся яростно колотить. Гнев поднялся в душе Дика, словно буря; гнев душил его, и он думал, что умирает, но когда моряку

надоела эта жестокая игра и он, бросив его во весь рост на песок, повернулся к товарищам и стал советоваться с ними, Дик сейчас же собрался с силами и овладел собой. Наступила минутная передышка, прежде чем его снова начнут мучить, он, может быть, найдет способ выйти из этого унизительного и рокового положения.

И действительно, пока Арбластер с товарищами рассуждали о том, что сделать с ним, он собрался с мужеством и, обратясь к ним, заговорил довольно твердым голосом.

– Господа, – начал он, – что вы, совсем с ума сошли? Небо дает вам в руки такой случай разбогатеть, какой редко выпадает на долю моряков. Вы можете совершить тридцать плаваний и не найти такого случая, а вы, – клянусь мессой! – что вы делаете? Бьете меня? Так ведь это делает каждый ребенок, когда рассердится. Мне кажется, что для разумных моряков, не боящихся ни огня, ни воды и любящих золото, как мясо, вы не умны.

– Ну да, – сказал Том, – как тебя связали, так тебе и захотелось одурачить нас.

– Одурачить вас! – повторил Дик. – Если вы глупы, то это легко сделать. Но если вы, как я полагаю, умные малые, то можете ясно видеть, где ваши интересы. Когда я взял ваше судно, нас было много, мы были хорошо одеты и вооружены, теперь подумайте, кто собрал этот отряд? Бесспорно, человек, наживший много золота. А если он, уже будучи богатым, продолжает искать большего, не обращая даже внимания на бури, подумайте хорошенько, не спрятано ли у него где-нибудь какое-либо сокровище?

– Что он хочет сказать? – спросил один из окружавших Дика.

– Ну, если вы потеряли старую лодку и несколько кружек вина, кислого как уксус, – продолжал Дик, – забудьте о них, как о дряни, какой они и были в действительности, и присоединитесь к предприятию, достойному этого имени, которое через двенадцать часов или возвысит вас, или погубит навеки. Но возьмите меня отсюда, пойдемте куда-нибудь недалеко и потолкуем над фляжкой, потому что мне больно и я замерз, а рот мой наполовину забит снегом.

– Он хочет одурачить нас, – презрительно сказал Том.

– Одурачить! Одурачить! – крикнул третий. – Хотел бы я видеть человека, который мог бы одурачить меня! Вот он уже, действительно, был бы мастером в этом деле! Я ведь не вчера родился. Я могу видеть церковь, когда на ней есть колокольня, и по-моему, кум Арбластер, в словах этого молодого человека есть некоторый смысл. Не пойти ли нам выслушать его? Скажите, не выслушать ли нам его?

– Я с радостью поглядел бы на кружку хорошего эля, мастер Пиррет, – ответил Арбластер. – Что ты скажешь, Том? Но сумка-то у меня пуста.

– Я заплачу, – сказал Пиррет, – я заплачу, я очень бы хотел хорошенько узнать, в чем дело, по совести говоря, я верю, что тут пахнет золотом.

– Ну, если вы опять приметесь пьянствовать, все потеряно! – сказал Том.

– Кум Арбластер, вы даете слишком много воли своему слуге, – заметил мастер Пиррет. – Неужели вы допустите, чтобы вами управлял наемный слуга? Фи, фи!

– Замолчи, малый, – сказал Арбластер, обращаясь к Тому. – Куда ты суешься со своим веслом? Действительно, славно, когда экипаж делает замечания своему шкиперу!

– Ну, так идите своим путем, – сказал Том. – Я умываю руки в этом деле!

– Так поставьте его на ноги, – сказал мастер Пиррет. – Я знаю укромное местечко, где мы можем выпить и поговорить.

– Если я должен идти, друзья мои, вы должны освободить мне ноги, – сказал Дик, когда его поставили, словно столб.

– Он говорит правду, – со смехом сказал Пиррет. – Действительно, он не может идти в таком виде. Разрежьте веревку, вынимай нож, кум, и разрежь веревку.

Даже Арбластер задумался над этим предложением. Но товарищ его настаивал, а у Дика хватило воли на то, чтобы сохранить совершенно равнодушное, деревянное выраже-

ние лица, и он только пожимал плечами, как бы удивляясь их нерешительности. Шкипер наконец согласился и разрезал веревки, связывавшие ноги пленника. Это не только дало Дику возможность идти, но и ослабило всю сеть веревок так, что он почувствовал, что рука его, привязанная к спине, начала свободнее двигаться. Он надеялся, что, сделав усилие, ему удастся со временем освободить ее. Так многим он был уже обязан глупости и алчности мастера Пиррета.

Этот достойный человек принял предводительство и привел их к той самой простой питейной харчевне, к которой Лаулесс привел Арбластера в тот бурный день. Теперь она была совершенно пуста, раскаленные угли в камине испускали приятную теплоту. Когда пришедшие выбрали себе места и хозяин поставил перед ними порцию пряного эля, Пиррет и Арбластер вытянули ноги и положили локти на стол, как люди, готовящиеся провести приятный часок.

Стол, за которым они сидели, как и все другие в этом доме, состоял из тяжелой четырехугольной доски, положенной на две бочки; каждый из четырех людей этой странной компании сидел на углу доски, Пиррет напротив Арбластера, Дик против матроса.

– А теперь, молодой человек, – сказал Пиррет, – начинайте ваш рассказ. Вы, по-видимому, несколько обидели нашего кума Арбластера, но что из этого? Вознаградите его – дайте ему случай разбогатеть, и ручаюсь, что он простит вас.

До сих пор Дик говорил наудачу; теперь, под надзором шести глаз, ему приходилось выдумать и рассказать какую-нибудь необыкновенную историю и, если возможно, получить обратно важное для него кольцо. Прежде всего, надо было тянуть время. Чем дольше он пробудет, тем больше напьются товарищи и тем вернее будет возможность побега.

Дик не обладал талантом выдумки, и то, что он рассказал, было пересказом истории Али-Бабы, причем Шорби и Тонсталльский лес занимали место востока, а ценность клада в пещере была скорее увеличена, чем уменьшена. Как известно читателю, история эта превосходная, но в ней есть один недостаток – она неправдоподобная; простодушные моряки слышали ее в первый раз, и потому глаза у них вылезли из орбит, а рты они разевали, как треска во время ловли.

Вскоре приятели потребовали другую порцию эля, а пока Дик ловко растягивал рассказ, и третья порция последовала за второй.

Вот в каком положении находились к концу разговора присутствовавшие. Арбластер, на три четверти пьяный и на одну сонный, беспомощно откинулся на свой стул. Даже Том пришел в восторг от рассказа, и потому бдительность его сильно уменьшилась. Между тем Дик постепенно высвободил свою правую руку и был готов на всякий риск.

– Итак, – говорил Пиррет, – ты один из них.

– Меня заставили, – ответил Дик, – против моей воли, но если бы я мог достать на мою долю мешок-другой золотых монет, то дурак бы я был, если бы продолжал жить в грязной пещере и выносить побои и пощечины, как солдат. Вот нас здесь четверо – хорошо! Пойдем в лес завтра раньше, чем встанет солнце. Если бы мы могли честно добыть осла, это было бы лучше, но так как мы не можем, то с нас довольно и наших четырех сильных спин; ручаюсь, что мы вернемся домой, спотыкаясь под тяжестью добычи.

Пиррет облизнулся.

– А волшебство, – сказал он, – пароль, по которому открывается пещера, какое это слово, друг?

– Никто не знал этого слова, кроме трех вождей, – ответил Дик, – но, на ваше великое счастье, я сегодня вечером как раз несу волшебный талисман, которым открывается дверь пещеры. Эту вещь вынимают из сумки капитана не более двух раз в году.

– Волшебство! – сказала Арбластер в полусне я косясь на Дика одним глазом. – Убирайся! Не нужно никакого волшебства! Я – хороший христианин. Спросите моего слугу Тома.

– Но это белая магия, – сказал Дик. – Она не имеет никакого дела с дьяволом, – это только сила чисел, трав и планет.

– Да, да, – сказал Пиррет, – это только белая магия, кум. Уверяю тебя, тут нет греха. Но продолжайте, добрый юноша. В чем состоит это волшебство?

– Я сейчас покажу вам, – ответил Дик. – У вас кольцо, которое вы сняли с моего пальца? Хорошо! Ну, теперь держите его перед собой кончиками пальцев, вытянув руку во всю длину так, чтобы на них падал свет углей! Именно так. Ну, вот вам и волшебство!

Дик быстро оглянулся вокруг и увидел, что пространство между ним и дверью совершенно свободно. Он мысленно прочел молитву. Потом, протянув руку, схватил кольцо и опрокинул стол на матроса Тома. Бедняга с криком упал под обломки стола. Прежде чем Арбластер сообразил, что произошло нечто неладное, а Пиррет несколько пришел в себя, Дик подбежал к двери и исчез среди лунной ночи.

От света луны, плывшей посреди неба, и чрезвычайной белизны снега на открытой местности вокруг гавани было светло как днем, и фигура молодого Шельтона, прыгавшего в подоткнутой одежде среди корабельного хлама, была видна издалека.

Том и Пиррет с криком преследовали его; из каждой харчевни, мимо которой они бежали, к ним присоединялись люди, возбужденные их криками, и скоро в преследование пустился целый флот моряков. Но даже в пятнадцатом столетии Джек[3] плохо бегал по земле; к тому же Дик сильно обогнал их и воспользовался этим преимуществом. Добежав до начала узкой тропинки, он даже остановился и, смеясь, оглянулся назад.

На белом фоне снега все моряки Шорби двигались сплошной массой, от которой отделялись небольшие группы. Все кричали, вопили, все жестикулировали, отчаянно размахивая руками; постоянно падал кто-нибудь и, к довершению картины, на упавшего валилось с дюжину людей.

Вся эта масса криков, воссылаемая вверх к луне, казалась отчасти комичной, отчасти страшной преследуемому беглецу. Сами по себе эти крики не имели никакого значения, так как Дик был уверен, что ни один моряк в гавани не в состоянии догнать его. Но шум угрожал ему опасностью впереди, так как мог разбудить всех спящих в Шорби и привлечь внимание стоявших на карауле. Поэтому, увидев вблизи открытую дверь, он быстро шмыгнул в нее и пропустил мимо неумелых преследователей, продолжавших кричать и жестикулировать, красных от быстрого бега и белых от падения в снег.

Прошло много времени, прежде чем окончился этот великий набег гавани на город и восстановилась тишина. Еще долго на всех улицах и по всем кварталам раздавались крики и топот моряков. Возникали споры иногда между ними, иногда с патрулем; вытаскивались ножи, удары сыпались со всех сторон, и не один труп остался на снегу.

Когда спустя час последний матрос, ворча, вернулся в сторону гавани, в свою излюбленную таверну, если бы спросить его, какого человека он преследовал, то оказалось бы, что если он и знал это прежде, то теперь совершенно забыл. На следующее утро распространились различные странные рассказы, а некоторое время спустя между мальчишками в Шорби пользовалась большим успехом легенда о ночном посещении дьявола.

Но даже возвращение последнего моряка не освободило молодого Шельтона от его плена на холоде, между дверьми.

[3] Прозвище моряков.

Еще некоторое время патрули деятельно расхаживали по городу; являлись и специальные отряды, которые обходили город и делали донесения различным знатным лордам, сон которых был необычно нарушен.

Прошла уже большая часть ночи, прежде чем Дик решился выйти из своего убежища. Он пришел к дверям «Козы и Волынки» здравым и невредимым, хотя и пострадавшим от холода и побоев. Как требовалось законом, в доме не было ни огня, ни свечей. Дик прокрался в угол холодной комнаты для посетителей, нашел конец одеяла, укутал им плечи и, подобравшись к первому близко лежавшему спящему, скоро забылся в крепком сне.

Часть пятая
Горбун

Глава I
Трубный звук

Очень рано на следующее утро, еще до рассвета, Дик встал, переоделся, вооружился снова, как дворянин, и отправился в лесное логовище. Здесь, как известно, он оставил бумаги лорда Фоксгэма; чтобы добыть их и поспеть вернуться вовремя к свиданию с молодым герцогом Глочестерским, нужно было отправиться рано и идти очень быстро.

Мороз был сильнее, чем когда-либо; погода стояла безветренная, и сухой воздух как будто сжимал ноздри. Луна уже зашла, но на небе было много блестящих звезд, а снег бросал ясный, веселый отблеск. Для ходьбы не нужно было факела, а пронизывающий холод словно подгонял идущего.

Дик прошел большую часть открытой местности между Шорби и лесом и дошел до подножия маленького холма в нескольких стах ярдов от креста святой Невесты. Внезапно в тишине темного утра раздался звук трубы, такой громкий, ясный и пронзительный, что Дику показалось, что он никогда не слышал ничего подобного по звучности. Звук этот раздался раз, потом поспешно повторился, и за ним последовал лязг оружия.

Молодой Шельтон насторожил уши и, выхватив меч из ножен, побежал вверх по холму.

Он увидел крест и убедился, что на дороге перед ним происходит яростная схватка. Нападающих было семь-восемь человек, а оборонялся только один. Но он был так проворен и ловок, так отчаянно нападал на своих противников и рассеивал их, так искусно удерживался на льду, что прежде чем подоспел Дик, он уже убил одного, ранил другого и удерживал всех.

Но все же он продолжал держаться только каким-то чудом; каждое мгновение какая-нибудь случайность, малейший промах, неловкое движение на скользком льду могли стоить ему жизни.

– Держитесь, сэр! Вот помощь! – крикнул Ричард и забыв, что, в сущности, не имеет права призывать бродяг, прибавил: – Черная Стрела! Сюда, Черная Стрела! – и бросился на нападающих с тылу.

Но те были также смелые малые; они не подались ни на дюйм при этом нападении, обернулись и с изумительной яростью набросились на Дика. При свете звезд сверкало оружие четырех людей, устремленное против одного. Искры летели во все стороны. Один из его противников упал; в пылу битвы Дик не заметил этого; потом его самого ударили по голове, и хотя стальной шлем под капюшоном защитил его, все же он опустился на одно колено, и мысли у него завертелись с быстротой мельницы.

При первом признаке вмешательства Дика человек, к которому он пришел на помощь, вместо того, чтобы принять участие в стычке, отскочил назад и затрубил опять на той же громкой трубе, которая подняла тревогу, но на этот раз еще настойчивее и громче. В следующее мгновение враги его снова бросились на него, и он опять нападал и убегал, вскакивал, ударял, падал на колено, прибегая попеременно к мечу и кинжалу, ногам и рукам, с тем же несокрушимым мужеством, лихорадочной энергией и быстротой.

Но пронзительный призыв трубы наконец был услышан. На снегу раздался глухой топот копыт, и в добрый час для Дика, который видел уже кончики мечей, приставленные к горлу, из леса с обеих сторон хлынул беспорядочный поток вооруженных всадников, зако-

ванных в железо, с копьями или мечами, обнаженными и поднятыми в руках; каждый из них, можно сказать, вез пассажира в лице стрелка или пажа, которые соскакивали один за другим со своих насестов и увеличивали вдвое отряд.

Нападавшие, видя себя в меньшинстве и окруженные со всех сторон, бросили оружие, не проговорив ни слова.

– Схватить этих людей! – сказал герой трубы; когда его приказание было исполнено, он подошел к Дику и взглянул ему прямо в лицо.

Дик ответил ему тем же и удивился, увидев, что человек, выказавший столько силы, умения, энергии – юноша, не старше его самого, довольно уродливый, с одним плечом выше другого, с бледным болезненным, безобразным лицом[4]. Но глаза у него были ясные, со смелым выражением.

– Сэр, – сказал юноша, – вы пришли в добрый час и как раз вовремя.

– Милорд, – ответил Дик, со смутным сознанием, что находится перед знатным вельможей, – вы так удивительно владеете мечом, что, я полагаю, могли бы справиться и один. Для меня, конечно, вышло хорошо, что ваши люди не замешкались.

– Как вы узнали, кто я? – спросил незнакомец.

– Даже теперь, милорд, я не знаю, с кем говорю, – ответил Дик.

– В самом деле? – спросил незнакомец. – А между тем вы бросились, очертя голову, в эту неравную битву.

– Я видел, что один человек храбро сопротивляется многим, – ответил Дик, – и счел бы себя обесчещенным, если бы не помог ему.

Странная насмешливая улыбка играла на губах молодого вельможи, когда он ответил:

– Это очень хорошие слова. Но к делу, вы ланкастерец или йорксист?

– Милорд, я не делаю тайны, я твердо стою за Йоркский дом, – ответил Дик.

– Клянусь мессой, это хорошо для вас, – заметил незнакомец.

Сказав это, он повернулся к одному из своих приближенных.

– Покончите, – продолжал он все тем же насмешливым, жестоким тоном, – покончите с этими храбрыми джентльменами. Вздерните их.

Это были пять человек, оставшихся в живых из числа нападавших. Стрелки схватили их за руки, поспешно провели к опушке леса, поставили каждого из них под деревом подходящих размеров, приготовили веревки; стрелки, держа концы, быстро взобрались на деревья и менее чем через минуту, без единого слова, выговоренного с той или другой стороны, пятеро человек качались в воздухе.

– А теперь, – крикнул уродливый вождь, – назад, на ваши посты, и являйтесь быстрее, когда я призову вас в следующий раз.

– Милорд герцог, – сказал один из людей, – умоляю, не оставайтесь здесь одни. Оставьте вблизи несколько воинов.

– Любезный, – сказал герцог, – я сдержался и не побранил тебя за медлительность. Поэтому не раздражай меня. Я верю силе своей руки, несмотря на то, что горбат. Ты медлил, когда звучала труба, а теперь слишком быстр на советы. Но это всегда бывает так: кто последний с копьем, тот первый на язык. Пусть будет наоборот.

И жестом, не лишенным устрашающего благородства, он удалил их.

Пехотинцы снова влезли на свои места позади всадников; весь отряд медленно двинулся и рассыпался в двадцати различных направлениях под сенью леса.

К этому времени день стал заниматься, а звезды меркнуть. Первые серые лучи зари осветили лица двух молодых людей, снова обернувшихся друг к другу.

---

[4] В действительности Ричард Горбатый был гораздо моложе в данное время. *(Прим. автора).*

– Вот, – сказал герцог, – вы видели мое мщение, быстрое и острое, как мой клинок. Но я ни за что не хотел бы, чтобы вы сочли меня неблагодарным. Вы явились на помощь мне с хорошим мечом и еще с лучшим мужеством… Если вам не противно мое безобразие – обнимите меня.

Сказав это, молодой вождь раскрыл объятия.

В глубине сердца Дик испытывал сильный страх и нечто вроде ненависти к спасенному им человеку, но приглашение было сделано в таких словах, что отказаться или колебаться было не только невежливо, но и жестоко, и Дик поспешил исполнить желание герцога.

– А теперь, милорд герцог, – сказал он, когда освободился от объятий, – верно ли я предполагаю? Вы – милорд герцог Глочестерский?

– Я – Ричард Глочестер, – сказал он. – А вы? Как вас зовут?

Дик назвал свое имя и подал кольцо лорда Фоксгэма. Герцог сейчас же узнал его.

– Вы пришли слишком рано, – сказал он, – но не мне жаловаться на это. Вы похожи на меня – я пришел сюда за два часа до рассвета. Но эта первая проба моего оружия; она или создаст мне славу, или погубит ее, мастер Шельтон. Там залегли мои враги под начальством двух старых, опытных вождей, Райзингэма и Брэклея; я думаю, у них сильные позиции, но у них нет выходов с двух сторон – они заперты среди моря, гавани и реки. Мне кажется, Шельтон, тут можно нанести сильный удар, если бы только мы могли нанести его безмолвно и внезапно.

– И я так думаю, – крикнул разгорячившийся Дик.

– Есть у вас заметки лорда Фоксгэма? – спросил герцог.

Дик объяснил, почему их нет с ним в настоящую минуту, и осмелился предложить собственные сведения, ни на йоту не уступавшие сведениям лорда Фоксгэма.

– С моей стороны, милорд герцог, – прибавил он, – я посоветовал бы вам напасть немедленно, если у вас есть достаточно людей. Потому что, знаете, при наступлении дня ночные караулы прекращаются, а дневных караулов у них нет; только всадники объезжают предместья. Теперь, когда ночная стража уже разоружилась, а остальные сидят за утренней чаркой, – теперь самая пора напасть на них.

– Сколько у них людей? – спросил Глочестер.

– У них нет и двух тысяч, – ответил Дик.

– За нами в лесу у меня семьсот, – сказал герцог, – семьсот идут из Кеттлея и вскоре будут здесь; за ними дальше, есть еще четыреста; у лорда Фоксгэма в Холивуде, на расстоянии полдня пути отсюда, пятьсот человек. Подождать их прибытия или нападать без них?

– Милорд, вы решили этот вопрос, когда повесили пятерых бедных плутов. Хотя они были простые мужики, но в такое беспокойное время их хватятся, станут искать и подымется тревога. Поэтому, милорд, если вы хотите воспользоваться неожиданностью, то, по моему скромному мнению, у вас нет и часа в запасе.

– Я тоже думаю, – сказал Глочестер. – Ну, через час вы будете в гуще сечи заслуживать шпоры. Нужно послать проворного человека в Холивуд с кольцом лорда Фоксгэма; другого на дорогу, чтобы поторопить моих лодырей. Ну, Шельтон, клянусь Распятием, это можно сделать!

Он приставил ко рту трубу и затрубил.

На этот раз ему пришлось ждать недолго. В одно мгновение открытая местность вокруг креста заполнилась пешими и конными людьми. Ричард Глочестер встал на ступени креста и посылал гонца за гонцом, чтобы ускорить сосредоточение семисот людей, спрятанных по соседству в лесах. Прежде чем прошло четверть часа, распределив всех людей, он встал во главе их и стал спускаться по холму по направлению к Шорби.

План его был прост. Он должен был захватить часть города Шорби, лежавшую направо от большой дороги, и утвердиться там в узких переулках до прибытия подкреплений.

Если лорд Райзингэм вздумает отступать, Ричард зайдет к нему в тыл и поставит его между двух огней; если же он предпочтет защищать город, он будет заперт в ловушку и постепенно подавлен количеством войск противника.

Была только одна опасность, зато очень серьезная и большая – семьсот воинов Глочестера могли быть разбиты и перебиты в первой же стычке; чтобы избежать этого, следовало, чтобы нападение было как можно более неожиданным.

Поэтому пехотинцы снова сели позади всадников. Дику выпала честь сидеть с самим Глочестером. Пока было какое-нибудь прикрытие, войска двигались медленно; доехав до места, где кончались деревья, окаймлявшие большую дорогу, они остановились, чтобы отдохнуть и оглядеться.

Солнце, окруженное желтым ореолом, уже совсем взошло и сияло ярким, холодным светом в морозном воздухе; на фоне его светлого диска отчетливо вырисовывались столбы утреннего дыма, вылетавшего из красных труб белых кровель Шорби.

Глочестер обернулся к Дику.

– В этом бедном месте, – сказал он, – где теперь стряпают завтрак, вы заслужите шпоры, а я начну жизнь, полную почестей и славы в глазах света, или оба мы умрем, не оставив памяти по себе. Мы – два Ричарда. Ну, Ричард Шельтон, оба они станут известны! Мечи их будут звучать, ударяясь о шлемы врагов, так же громко, как имена их будут раздаваться в ушах людей.

Такая жажда славы, выраженная таким пламенным тоном и языком, удивила Дика. Он ответил весьма разумно и спокойно, что, со своей стороны, обещается исполнить свой долг и не сомневаться в победе, если все сделают то же.

К этому времени лошади хорошо отдохнули; вождь поднял меч и отпустил повод, и весь конный отряд пустился в галоп и, гремя, пронесся с двойным грузом воинов вниз по холму и по покрытой снегом поляне, отделявшей их от Шорби.

Глава II
Битва при Шорби

Все расстояние, которое приходилось проехать, было не более четверти мили. Но только всадники выехали из-под прикрытия деревьев, они увидели на покрытых снегом полях людей, с криками бежавших с обеих сторон. В то же самое время в городе поднялся шум, постепенно распространявшийся и становившийся громче. Они были еще на полдороге к ближайшему дому, когда с колокольни донеслись звуки набата.

Молодой герцог заскрежетал зубами. Судя по этим признакам, он опасался найти врагов приготовленными; а он знал, что если ему не удастся занять позиции в городе, его маленький отряд будет разбит и истреблен в открытой местности.

Однако ланкастерцы в городе были далеко не в хорошем положении. Все происходило так, как говорил Дик. Ночная стража уже сняла свои доспехи, остальные – неодетые, не вооруженные, не готовые к сражению, еще слонялись на своих стоянках. Во всем Шорби не было, может быть, и пятидесяти людей в полном вооружении и пятидесяти оседланных лошадей.

Звон колоколов, испуганные возгласы людей, с криками бегавших по улицам и колотивших в двери – все это заставило в невероятно короткое время собраться, по крайней мере, сорок человек из полусотни готовых к битве воинов. Они сели на коней, и так как тревога все еще была бестолкова и неопределенна, поскакали по разным направлениям.

Поэтому, когда Ричард Глочестер достиг первого дома в Шорби, в начале улицы его встретила только горсточка пехотинцев, которых он разметал при атаке, как шторм, уносящий по течению барку.

Проехав немного по городу, Дик Шельтон дотронулся до руки герцога; в ответ на это герцог натянул повод, приложил трубу ко рту, дал условленный сигнал и свернул с прямого пути направо. Весь его отряд, как один человек, повернул за ним и все также галопом промчался по боковой улице. Только последние двадцать всадников повернули коней и остановились у входа в улицу; в то же мгновение пехотинцы, которых они везли, соскочили на землю; одни стали натягивать луки, другие бросились в дома с обеих сторон улицы и овладели ими, чтобы укрепиться там.

Немногочисленные ланкастерцы, удивленные неожиданной переменой направления и пораженные выдержкой и стойкостью неприятельского авангарда, после короткого совещания повернули и поскакали дальше в город за подкреплением.

Квартал города, который занял, по совету Дика, Ричард Глочестер, состоял из пяти маленьких улиц с населенными беднотой домишками, лежавшими на очень небольшом холме и открытыми с задней стороны.

Эти пять улиц должны были быть защищены сильными караулами; резерв разместился в центре так, чтобы быть вдали от выстрелов и вместе с тем наготове подать помощь, где она потребуется.

Квартал этот был настолько беден, что тут не жил никто из вельмож ланкастерской партии и даже мало кто из слуг их; обитатели его единодушно, с громкими криками покинули свои дома и побежали по улицам, или перелезли через заборы.

В центре, где сходились пять улиц, стоял жалкий питейный дом с вывеской, изображавшей шахматную доску. Герцог Глочестер избрал его своей главной квартирой на этот день.

Он поручил Дику охрану одной из пяти улиц.

– Ступайте, – сказал он, – заслуживайте себе шпоры. Стяжайте славу мне, один Ричард другому. Говорю вам, если я поднимусь высоко, вы подниметесь по той же лестнице. Ступайте, – прибавил он, пожимая руку молодому Шельтону.

Но как только Дик ушел, герцог повернулся к маленькому стрелку в оборванной одежде, стоявшему рядом с ним.

– Иди, Деттон, и поскорее, – сказал он. – Иди следом за этим юношей. Если ты убедишься в его верности, ты отвечаешь за него головой. Горе тебе, если вернешься без него! Но если он изменник, если ты хоть на минуту усомнишься в нем – нанеси ему удар сзади.

Между тем Дик старался укрепить свой пост. Улица, которую он должен был защищать, была очень узка; по ней тянулся целый ряд домов, выдававшихся над дорогой; однако улица эта, хотя узкая и темная, выходила на рыночную площадь города, и потому главный исход боя, по всей вероятности, должен был решиться там.

Рыночная площадь была полна бежавшими в беспорядке горожанами, но неприятеля пока не было видно, и Дик решил, что у него есть еще время приготовиться к защите.

Два дома в конце улицы стояли пустые с открытыми дверями, так, как их бросили убежавшие обитатели. Дика велел выбросить оттуда мебель и быстро устроить баррикаду при входе в переулок. В его распоряжение было дано сто человек; большинство их он разместил по домам, где они могли засесть в безопасности и стрелять из окон. Остальных он назначил на баррикаду под личным своим наблюдением.

Между тем в городе царили сильное волнение и суматоха. Неумолчный звон колоколов, звук труб, быстрые движения конных отрядов, крики командиров, вопли женщин – все это сливалось в оглушительный шум. Наконец шум стал постепенно утихать, и вскоре ряды вооруженных воинов и отряды стрелков стали собираться и выстраиваться в боевом порядке на рыночной площади.

Большая часть этих воинов была в одеждах темно-красного и синего цвета, а в рыцаре на коне, распоряжавшемся размещением отрядов, Дик узнал сэра Даниэля Брэклея.

Наступила продолжительная пауза, после которой, почти одновременно, зазвучали четыре трубы из четырех различных кварталов города. В ответ на них на рыночной площади прозвучала пятая, и в то же мгновение ряды двинулись, град стрел просвистел вокруг баррикады и ударился о стены двух крайних домов.

Атака началась по общему сигналу, у всех пяти выходов квартала. Глочестер был обложен со всех сторон, и Дик решил, что для того, чтобы удержать позицию, он должен совершенно положиться на свою сотню команды.

Семь залпов стрел последовали один за другим; в самый разгар стрельбы Дик почувствовал, что кто-то дотронулся сзади до его руки и увидел пажа, который протягивал ему кожаные латы с блестящими металлическими бляхами.

– От милорда Глочестера, – сказал паж. – Он заметил, что вы вышли беззащитным, сэр Ричард.

Услышав слова: «сэр Ричард», Дик, в восторге от полученного звания, встал и с помощью пажа надел латы. Как раз в это время две стрелы громко ударились о металлические бляхи ее, не причинив никакого вреда, третья же попала в пажа; смертельно раненый, он упал к ногам Дика.

Между тем вся армия неприятеля решительно подвигалась вперед через площадь и к этому времени приблизилась настолько, что Дик отдал приказание отвечать на выстрелы. Немедленно, разнося всюду смерть, из-за баррикад и из окон домов посыпался град стрел. Но ланкастерцы как будто ожидали этого сигнала, с громкими криками бросились они к баррикадам; всадники с опущенными забралами остались позади.

Начался упорный, смертельный рукопашный бой. Нападающие, размахивая мечом одной рукой, другой старались разрушить баррикаду. Со своей стороны, защитники как

безумные боролись за свое укрепление. В продолжение нескольких минут борьба велась почти в полном безмолвии; друзья и недруги падали рядом. Но разрушать всегда легче, и когда протяжный звук трубы дал нападающим сигнал к отступлению, большая часть баррикады была разобрана, а все сооружение осело наполовину и готово было развалиться совсем.

Пехотинцы, отступавшие на площадь, разбежались направо и налево. Всадники, стоявшие в две шеренги, внезапно повернулись и изменили фронт. Быстро, словно нападающий паук, длинная, одетая в сталь колонна бросилась на полуразрушенную баррикаду.

Из двух первых всадников один упал вместе с лошадью, и товарищи проехали по нему. Второй вскочил на вершину укрепления, пронзив копьем стоявшего на ней стрелка. Почти в то же мгновение его стащили с седла, а лошадь его была убита.

Новый сильный град стрел разогнал защитников. Воины по телам своих павших товарищей в бешеном порыве пронеслись через прорванную позицию Дика и с оглушительным шумом ворвались в узкий переулок за площадью, подобно потоку, прорвавшему плотину и разливающемуся по берегам.

Но битва еще не окончилась. Дик и несколько оставшихся в живых людей из его отряда работали алебардами, как дровосеки, при входе в улицу, а во всю ширину ее уже образовалось другое, более высокое и действительное укрепление – вал из павших людей и лошадей с выпавшими внутренностями, бившихся в предсмертной агонии.

Остальная часть кавалерии отступила перед этим новым препятствием. При виде этого движения количество стрел, выпускаемых из окон домов, удвоилось, и отступление всадников на одно мгновение почти перешло в бегство.

Почти в то же время всадники, переехавшие через баррикаду и направившиеся дальше по улице, были встречены у дверей питейного дома грозным горбуном и всем резервом йорксистов и в полном беспорядке и ужасе бросились назад.

Дик и его люди повернулись лицом к беглецам; свежие силы появились из домов; страшный град стрел полетел в лицо беглецам, а Глочестер уже ехал в их тылу; минуту спустя на улице не было ни одного живого ланкастерца.

Тогда и только тогда Дик поднял свой окровавленный меч, и войско разразилось радостными восклицаниями.

Между тем Глочестер сошел с лошади и подошел, чтобы осмотреть позицию. Лицо его было бледно как полотно, но глаза блестели, словно какие-то странные драгоценные камни; когда он заговорил, голос его был хрипл и слаб от сильного волнения, вызванного битвой успехом. Он взглянул на укрепление, к которому ни враг, ни друг не могли подойти без предосторожностей, так яростно бились там лошади в предсмертных муках, и криво улыбнулся при виде этой бойни.

– Покончите с этим лошадьми, – сказал он, – они мешают вам. Ричард Шельтон, – прибавил герцог, – я доволен вами. Преклоните колена.

Ланкастерцы снова принялись за стрельбу из арбалетов, и стрелы густо летели в середину улицы, но герцог, не обращая на них ни малейшего внимания, вынул свой меч и тут же посвятил Ричарда в рыцари.

– А теперь, сэр Ричард, – продолжал он, – если вы увидите лорда Райзингэма, немедленно пришлите мне гонца. Будь то ваш последний воин, все-таки обязательно дайте знать мне. Я лучше готов потерять позицию, чем случай нанести ему смертельный удар. Заметьте все мои слова, – прибавил он, возвысив голос, – если граф Райзингэм умрет не от моей руки, я буду считать эту победу за поражение.

– Милорд герцог, – сказал один из его спутников, – неужели вашей милости не надоело бесконечно подвергать опасности свою драгоценную жизнь? Зачем мы медлим здесь?

– Кетсби, – возразил герцог, – битва идет только здесь. Остальное – только атака для отвода глаз. Здесь мы должны победить. А что касается опасности, будь вы некрасивым

горбуном, над которым смеются даже дети на улицах, вы дешевле ценили бы свою жизнь и считали бы, что час славы стоит жизни. Впрочем, если хотите, поедем смотреть другие позиции. Мой тезка, сэр Ричард, будет продолжать защищать вход в эту улицу, где он бродит по колена в горячей крови. На него мы можем положиться. Но заметьте, сэр Ричард, с вами не покончено. Худшее еще впереди. Не спите.

Он подошел совсем близко к молодому Шельтону, заглянул ему прямо в глаза и, взяв его за руку, пожал ее так сильно, что из нее чуть не брызнула кровь. Взгляд его глаз поразил Дика. Безумное возбуждение, храбрость и жестокость, которые он прочел в этих глазах, наполнили его душу страхом за будущее. Этот молодой герцог был действительно из тех храбрых людей, что сражаются в первых рядах во время войны, но при взгляде на него казалось, что и в дни мира, в кругу верных ему людей, этот человек будет сеять смерть.

Глава III
Битва при Шорби *(заключение)*

Дик, снова оставшись один, стал оглядываться. Стрелы летели в меньшем количестве. Враги отступали со всех сторон, и большая часть площади была пустынна. Снег в иных местах превратился в грязь оранжевого цвета, в других был окрашен пятнами густой запекшейся крови; он был покрыт рассеянными повсюду трупами людей и лошадей и густо усеян оперенными стрелами.

Потери со стороны Дика были очень велики. Входы в маленькую улицу были завалены мертвецами и умирающими; из сотни людей, с которыми он начал битву, не осталось и семидесяти, способных держать оружие.

Между тем день клонился к вечеру. Первые подкрепления могли появиться каждую минуту, а ланкастерцы, уже потрясенные результатом отчаянного, но безуспешного нападения, были в слишком плохом настроении, чтобы отразить новое нападение врагов.

На стене одного из двух крайних домов были солнечные часы; при свете морозного зимнего солнца они показывали десять часов утра.

Дик обернулся к стоявшему рядом с ним маленькому, незаметному стрелку, перевязывавшему свои раны.

– Хорошо сражались, – сказал он, – и, вправду говоря, они не нападут на нас дважды.

– Сэр, – сказал маленький стрелок, – вы хорошо бились за Йоркский дом и еще лучше за себя. Никогда еще ни одному человеку не удавалось приобрести так скоро расположение герцога. Просто чудеса, что он доверил такой пост незнакомому ему человеку. Но берегите свою голову, сэр Ричард! Если вы будете побеждены, если вы отступите хоть на фут – секира или веревка накажут вас. Я честно говорю вам, что я приставлен к вам для того, чтобы нанести вам удар сзади, если вы сделаете что-либо сомнительное.

Дик с изумлением взглянул на маленького стрелка.

– Вы! – крикнул он. – И удар сзади!

– Вот именно, – ответил стрелок, – и так как мне не нравится это дело, то я и говорю вам. Вы должны удержать позицию, сэр Ричард, иначе вам грозит опасность. О, наш горбун – храбрый, хороший воин, но любит, чтобы его приказания исполнялись независимо от того, хладнокровно или горячо он относится к данному делу. Те, кто не исполняет их совсем или медлит с исполнением, подвергаются смерти.

– Однако, клянусь святыми! – проговорил Ричард. – Неужели это так? И люди идут за таким вождем?

– И с радостью, – ответил стрелок, – если он строг в наказаниях, то щедр на награды. И если он не жалеет крови и пота других, то не щадит и себя – всегда в первом ряду во время битвы, всегда последним ложится спать. Он далеко пойдет, горбатый Дик Глочестер!

Если и прежде молодой рыцарь отличался храбростью и бдительностью, то теперь он еще больше чувствовал необходимость осмотрительности и мужества. Он начинал понимать, что неожиданная милость герцога принесла с собой опасность. Он отвернулся от стрелка и тревожно оглядел площадь. Она была по-прежнему пустынна.

– Мне не нравится это спокойствие, – сказал он. – Без сомнения, нам подготавливается какой-нибудь сюрприз.

Как будто в ответ на его замечание неприятельские стрелки снова двинулись к баррикаде, и стрелы снова полетели градом. Но что-то нерешительное замечалось в атаке. Стрелки как будто поджидали сигнала к дальнейшим действиям.

Дик тревожно оглядывался вокруг в ожидании скрытой опасности. И действительно, в доме, стоявшем приблизительно посередине маленькой улицы, внезапно отворилась дверь,

и в продолжении нескольких секунд из двери и окон дома словно лился поток ланкастерских стрелков. Они поспешно выстроились, натянули луки и стали осыпать стрелами тыл отряда Дика.

В то же время нападавшие на площади увидели большое количество стрел и начали энергично наступать на баррикаду.

Дик вызвал из домов весь свой отряд, поставил людей на два фронта и, ободряя их словами и жестами, стал отвечать, насколько возможно лучше, на град стрел, сыпавшихся с двух сторон на его позицию.

Между тем на улице дом отворялся за домом; ланкастерцы продолжали выливаться потоками из дверей, выпрыгивать из окон с победными криками; вскоре число врагов в тылу у Дика почти равнялось числу стоявших перед ним. Становилось очевидным, что он не в состоянии удержать позиции и, что было еще хуже, она становилась бесполезной: если бы даже он мог удержать ее, все войско йорксистов оказалось в беспомощном положении и на краю гибели.

Стоявшие у него в тылу люди составляли, очевидно, слабую сторону неприятеля; на них-то и бросился Дик во главе своего отряда. Атака была так энергична, что ланкастерские стрелки дрогнули и отступили, потом, сомкнув ряды, начали толпами возвращаться в дома, из которых вышли так недавно и с такой самоуверенностью.

Между тем враги, явившиеся с площади, прорвались через незащищаемую больше баррикаду и ожесточенно напали на стоявших позади нее воинов. Дику снова пришлось повернуться и отгонять неприятеля. Опять мужество его воинов одержало верх; они с торжеством очистили улицу, но как раз затем из домов снова вышли ланкастерцы и в третий раз напали на них с тылу.

Йорксисты были рассеяны; несколько раз Дик оказывался один среди врагов и должен был усиленно работать своим блестящим мечом, чтобы спасти себе жизнь; несколько раз он чувствовал, что ранен. А битва на улице все продолжалась без решительного результата.

Вдруг Дик услышал громкий звук труб, доносившийся с окраин города. Боевой крик йорксистов, повторяемый множеством ликующих голосов, вздымался к небу. Наступавшие неприятели поспешно отступили и бросились с улицы обратно на площадь. Кто-то отдал приказание бежать. Трубы звучали отчаянно – кто трубил сбор, кто атаку. Очевидно, был нанесен сильный удар, и ланкастерцы, по крайней мере в данную минуту, были отброшены в полном беспорядке и даже бежали в паническом страхе.

Затем, словно театральный эффект, наступил последний акт битвы при Шорби. Воины, нападавшие с фронта, вдруг повернулись, как собака, которую призывают домой, и побежали с быстротой ветра. В то же самое время через площадь пронесся вихрь всадников; ланкастерцы, оборачиваясь назад, отбивались мечами, йорксисты опрокидывали их, давили копытами своих коней и кололи копьями.

Среди этой отчаянной схватки Дик увидел горбуна.

Он особенно выделялся и давал уже почувствовать ту яростную отвагу и умение пробиваться сквозь ряды воинов, которые он показал много лет спустя на Босвортском поле, когда он уже был запятнан преступлениями, и которые чуть было не изменили исхода сражения и не решили судьбы трона Англии. Он ловко избегал ударов, наносил их, топтал павших; он так искусно управлял своим могучим конем, так успешно защищался, так обильно расточал смертельные удары своим противникам, что давно опередил всех своих рыцарей и окровавленным мечом пролагал себе путь к лорду Райзингэму, собиравшему вокруг себя самых храбрых из своих приверженцев. Еще одно мгновение, и они встретились; высокий, величественный знаменитый воин с безобразным, болезненным мальчиком.

Шельтон ни минуты не сомневался в исходе этого поединка. Когда толпа сражающихся поредела, граф исчез. А горбатый Дик вскочил на коня и бросился в самый разгар схватки, яростно размахивая мечом.

Таким образом, благодаря мужеству Шельтона, удержавшего за собой вход в улицу во время первой атаки и своевременному появлению подкрепления в семьсот человек, юноша, известный впоследствии потомству под вызывающим омерзение и проклятия именем Ричарда III, выиграл первое свое значительное сражение.

Глава IV
Разгром Шорби

На всем видимом пространстве не осталось ни одного врага. Дик, печально оглядывая остатки своего храброго отряда, начал подсчитывать, во что обошлась победа. Теперь, когда прошла опасность, он чувствовал такую боль от раны и одеревенелость во всех членах, так устал, был так разбит, и главное – так истощен от отчаянных и беспрестанных усилий, что казался не способным к новым.

Но время отдыха еще не наступило. Шорби был взят приступом, и хотя это был неукрепленый город, который не мог оказать сильного сопротивления, было ясно, что грубые воины будут не менее грубы после окончания сражения, и что теперь должен произойти самый ужасный акт войны. Ричард Глочестер был не из тех вождей, которые стали бы защищать горожан от своих разъяренных солдат; впрочем, если бы у него и было это желание, то еще вопрос, нашлось бы у него достаточно власти для этого.

Поэтому, Дику нужно было отыскать Джоанну, чтобы защитить ее. Он внимательно оглядел своих людей. Трех-четырех из них, на послушание и трезвость которых он больше рассчитывал, он отозвал в сторону и, обещав щедро наградить и рекомендовать герцогу, повел их по пустынной теперь площади в более отдаленные улицы.

То тут, то там на улицах происходили еще схватки между двумя, а иногда и дюжиной бойцов; там и сям защитники какого-нибудь осаждаемого дома выбрасывали из окон стол и стулья на головы нападавших. Снег был усеян оружием и трупами, но, за исключением отдельных стычек, улицы были пустынны; некоторые дома стояли с растворенными настежь дверями; у других были закрыты ставни и загорожены входы; из труб не подымался дым.

Дик, пройдя между сражавшимися, быстро повел своих спутников по направлению к церкви аббатства. Крик ужаса сорвался с его уст, когда он вышел на главную улицу. Большой дом сэра Даниэля был взят приступом. Разбитые двери висели на петлях, толпы людей входили в дом и выходили оттуда, унося добычу. Но в верхних этажах, очевидно, еще оказывали сопротивление грабителям, потому что как раз в это время, как Дик увидел дом, одно из окон открылось изнутри; какого-то беднягу, сопротивлявшегося с громкими криками, подтащили к окну и выбросили на улицу.

Страшная тревога овладела душой Дика. Как безумный бросился он к дому, растолкал всех стоявших впереди и не останавливаясь добежал до комнаты на третьем этаже, где он в последний раз расстался с Джоанной. Она вся была разрушена: мебель опрокинута, шкафы открыты; кусок оторванных обоев дымился на полу.

Дик почти бессознательно затоптал начинавшийся пожар и потом остановился пораженный. Сэр Даниэль, сэр Оливер, Джоанна – все исчезли, но кто может сказать, убиты ли они в схватке, или им удалось в безопасности выбраться из Шорби?

Он схватил проходящего стрелка за плащ.

– Любезный, – спросил он, – ты был здесь, когда брали этот дом?

– Пустите, – сказал стрелок. – Черт возьми, пустите, не то я побью вас.

– Слушай, – сказал Ричард, – в эту игру могут играть двое. Остановись и отвечай ясно.

Но стрелок, разгоряченный вином и битвой, ударил Дика в плечо одной рукой, а другой вырвал одежду из его рук. Тут молодой вождь дал полную волю своему гневу. Он крепко сжал стрелка в своих сильных объятиях и прижал его как ребенка к своей закованной груди; потом, держа его на расстоянии протянутой руки, он приказал ему говорить, если дорожит жизнью.

– Сжальтесь, умоляю! – задыхаясь проговорил стрелок. – Если бы я думал, что вы такой сердитый, я был бы осторожнее. Да, я был здесь.

– Ты знаешь сэра Даниэля? – продолжал Дик.

– Хорошо знаю, – ответил стрелок.

– Был он в доме?

– Да, был, сэр, – ответил стрелок, – но как только мы вошли в ворота на дворе, он уехал через сад.

– Один? – крикнул Дик.

– С ним было, может быть, человек двадцать солдат, – сказал стрелок.

– Солдат! А женщин, значит, не было? – спросил Шельтон.

– Право, не знаю, – сказал стрелок. – Но в доме их не было, если вы это желаете знать.

– Благодарю тебя, – сказал Дик. – Вот тебе монета за труды. – Дик порылся в сумке и не нашел ничего. – Спроси завтра меня, – прибавил он. – Ричард Шель… – сэр Ричард Шельтон, – поправился он, – и я щедро вознагражу тебя.

Вдруг Дику пришла в голову одна мысль. Он поспешно выбежал на двор, пробежал изо всех сил через сад и очутился перед главным входом в церковь. Дверь была широко открыта, внутри вся церковь была набита беглецами-горожанами, окруженными семьями и нагруженными своим самым драгоценным добром; у главного алтаря священники в полном облачении призывали милость Господню. Как раз в то мгновение, когда вошел Дик, громкий хор раздался под сводчатой крышей.

Он поспешно прошел среди групп беглецов и дошел до двери лестницы, которая вела на колокольню. Высокий священник встал перед ним и загородил вход.

– Куда, сын мой? – сурово спросил он.

– Отец мой, – ответил Дик, – я пришел сюда с поручением. Не останавливайте меня. Я распоряжаюсь здесь вместо лорда Глочестера.

– Лорда Глочестера? – повторил священник. – Разве сражение окончилось так печально?

– Сражение окончено, отец мой; ланкастерцы совершенно разбиты, милорд Райзингэм – упокой, Господи, его душу! – остался на поле битвы. А теперь, с вашего позволения, я пойду по своим делам. – И, отстранив видимо пораженного священника, Дик толкнул дверь, пробежал по лестнице, прыгая сразу через четыре ступеньки, не останавливаясь и не спотыкаясь, и вышел на открытую площадку наверху лестницы.

Колокольня церкви в Шорби не только возвышалась над всем городом, но с нее можно было с обеих сторон видеть море и сушу как на географической карте. Время близилось к полудню; день был чрезвычайно ясный, снег ослепителен. Когда Дик оглянулся вокруг, он мог оценить результаты битвы.

С улицы до него доносился смутный, глухой гул и временами, но очень редко, лязг оружия. В гавани не осталось ни одного корабля, ни одной лодки, но море было покрыто парусными и гребными судами, нагруженными беглецами. На берегу снежная поверхность лугов нарушалась группами всадников; одни из них пробивали себе путь к опушке леса, другие – без сомнения, приверженцы йорксистской партии, смело останавливали их и прогоняли обратно в город. На всем пространстве открытой местности, явно обрисовываясь на снегу, лежало громадное количество павших людей и лошадей.

В заключение картины пехотинцы, не нашедшие себе места на судах, продолжали бой у порта и из-под прикрытия прибрежных таверн. В этом квартале также было подожжено несколько домов, и дым, освещенный лучами солнца, высоко поднимался в морозном воздухе и несся огромными столбами к морю.

Одна группа всадников, приближавшаяся уже к опушке леса как будто по прямому направлению к Холивуду, привлекла внимание молодого наблюдателя на колокольне. Группа была довольно многочисленна, ни в каком другом месте сражения не было видно столько

ланкастерцев сразу; они оставили за собой по снегу широкий след, загрязнивший его цвет, и Дик мог проследить шаг за шагом, откуда они выехали из города.

Пока Дик наблюдал за ними, они достигли беспрепятственно первой опушки безлиственного леса; когда они свернули немного в сторону, луч солнца упал на мгновение прямо на их одежды, видневшиеся на фоне темного леса.

– Темно-красные с синим! – выкрикнул Дик. – Клянусь, темно-красные с синим!

В следующее мгновение он спускался с лестницы.

Ему нужно было отыскать герцога Глочестера, который один при беспорядке, царствовавшем в армии, мог дать ему достаточное количество людей. Сражение в главной части города было, в сущности, закончено, и Дик, бегавший то туда, то сюда в поисках предводителя, постоянно встречал расхаживавших солдат; некоторые из них шатались под тяжестью добычи, другие были пьяны и громко кричали. Никто не мог ответить на его расспросы о местопребывании герцога. Наконец, только по счастливой случайности, Дик нашел его. Герцог, сидя в седле, распоряжался, отдавая приказания насчет вытеснения стрелков из гавани.

– Сэр Ричард Шельтон, вы пришли вовремя, – сказал он, – я обязан вам тем, что не особенно ценю – жизнью, и еще тем, за что никогда не могу отплатить – этой победой. Кстати, будь у меня десять таких воинов, как сэр Ричард, я мог бы прямо идти на Лондон. А теперь, сэр, требуйте себе награды.

– Охотно, милорд, – сказал Дик, – охотно и громко. Бежал один человек, который причинил мне довольно много зла, и взял с собой любимую и уважаемую мной девушку. Дайте мне пятьдесят коней, чтобы я мог догнать их – и всякий долг, который вы так любезно берете на себя, будет вполне уплачен.

– Как его зовут? – спросил герцог.

– Сэр Даниэль Брэклей, – ответил Ричард.

– Вперед против него, лицемера! – крикнул Глочестер. – Это не награда вам, сэр Ричард, вы оказываете новую услугу и если привезете мне его голову, то это будет новый долг на моей совести. Кетсби, дать ему солдат, а вы, сэр, обдумайте покуда, что я могу дать вам, что было бы вам приятно, почетно или выгодно.

Как раз в эту минуту йорксисты взяли одну из прибрежных таверн, окружив ее с трех сторон. Защитников таверны они выгнали и взяли в плен. Горбатый Дик благосклонно приветствовал этот подвиг и, подогнав немного лошадь, потребовал, чтобы ему показали пленников.

Их было четверо или пятеро – среди них двое слуг лорда Шорби, один лорда Райзингэма. Последний, но не в глазах Дика, был высокий, седой, старый моряк, полупьяный, с неуклюжей походкой. За ним по пятам с визгом, подпрыгивая, бежала собака.

Молодой герцог остановился и окинул их суровым взглядом.

– Хорошо, – сказал он. – Повесить их.

И он повернулся в другую сторону и стал наблюдать за ходом боя.

– Милорд, – сказал Дик, – я нашел себе награду. Даруйте жизнь и свободу этому старому моряку.

Глочестер обернулся и взглянул в лицо Дику.

– Сэр Ричард, – сказал он, – я сражаюсь не павлиньими перьями, а стальными стрелами. Врагов моих я убиваю без всяких извинений и милости. Вспомните, что в английском королевстве, раздираемом на клочки, у каждого из моих воинов есть брат или друг, принадлежащий к другой партии. Если бы я начал оказывать помилование, мне осталось бы только вложить мой меч в ножны.

– Может быть, милорд, но я буду очень смел и, рискуя навлечь на себя вашу немилость, напомню обещание вашей милости, – ответил Дик.

Ричард Глочестер вспыхнул.

– Заметьте хорошенько, – резко проговорил он, – я не люблю ни милости, ни торговцев милостями. Сегодня вы положили основание блестящей карьере. Если вы будете настаивать на исполнении данного вам слова, я уступлю. Но клянусь небесами, тем и окончатся мои милости.

– Вся потеря с моей стороны, – сказал Дик.

– Отдайте ему его матроса, – сказал герцог и, дернув лошадь за повод, повернулся спиной к Дику.

Дик не чувствовал ни радости, ни печали. Он слишком многое видел со стороны герцога, чтобы особенно дорожить его привязанностью; возникновение благосклонности герцога и развитие ее были слишком необоснованы и поспешны, чтобы внушить доверие. Одного он боялся – мстительный вождь мог отказать ему в солдатах. Но тут он был несправедлив в своем мнении о чести Глочестера (какова бы она ни была) и, главное, о его решительности. Если он раз счел Дика подходящим человеком для преследования сэра Даниэля, то не изменил бы своего мнения. Он скоро доказал это, крикнув Кетсби, чтобы тот поторопился, так как паладин ждет его.

Дик между тем обратился к старому моряку, который, казалось, отнесся одинаково равнодушно как к осуждению на смерть, так и к последующему избавлению.

– Арбластер, – сказал Дик, – я причинил тебе зло, но теперь, клянусь распятием, я думаю, что загладил его.

Однако старый шкипер только глупо взглянул на него и продолжал хранить молчание.

– Ну, – продолжал Дик, – жизнь все-таки жизнь, старый ворчун, и значит больше всяких судов и напитков. Скажи, что ты прощаешь меня. Если твоя жизнь ничего не значит для тебя, то мне-то она стоила только что начинавшейся карьеры. Ведь я дорого заплатил за это, ну, не будь невежлив.

– Если бы у меня было мое судно, – сказал Арбластер, – я был бы теперь далеко, в безопасности, в открытом море – я и мой слуга Том. Но вы взяли мое судно, кум, и я нищий, а моего слугу Тома застрелил какой-то человек в грубой одежде. Черт возьми! – сказал он и больше ничего не добавил… «Черт возьми» были последние его слова, и бедная его душа отлетела. Я никогда уже не буду больше плавать с моим Томом.

Бесполезное раскаяние и жалость овладели душой Дика; он хотел взять руку шкипера, но Арбластер уклонился от его прикосновения.

– Нет, оставьте, – сказал он. – Вы сыграли со мной дьявольскую шутку, будьте довольны и этим.

Слова замерли на устах Ричарда. Сквозь слезы смотрел он, как бедный старик, сгорбленный от пьянства и горя, медленно, с опущенной головой потащился прочь по снегу, не замечая собаки, взвизгивавшей рядом с ним. В первый раз Дик начал понимать отчаянную игру, которую мы ведем в жизни, в первый раз понял, что раз сделанное не может быть изменено или исправлено никаким раскаянием.

Но у него не было времени на напрасные сожаления. Кетсби собрал всадников; подъехав к Дику, он сошел с лошади и предложил ее Дику.

– Сегодня утром, – сказал он, – я несколько завидовал милостям, которыми вас осыпали, они недолго продолжались; а теперь, сэр Ричард, я от всего сердца предлагаю вам эту лошадь, чтобы вы ускакали на ней.

– Погоди минутку, – сказал Дик. – Эти милости – на чем они были основаны?

– На вашем имени, – ответил Кетсби. – Это главный предрассудок милорда. Если бы меня звали Ричардом, завтра я стал бы графом.

– Ну, сэр, благодарю вас, – сказал Дик, – а так как мне вряд ли придется добиться такого высокого положения, то я заодно прощусь с вами. Не стану притворяться, будто мне было неприятно считать себя на дороге к удаче, но не стану и принимать вид, будто очень огорчен,

что это кончилось. Конечно, власть и богатство – славные вещи, но шепну вам на ухо одно словечко: ваш герцог – страшный человек.

Кетсби рассмеялся.

– Зато с горбатым Диком можно далеко уехать, – сказал он. – Ну, да сохранит Господь всех нас от зла! Доброго пути!

Дик стал во главе своих людей и, дав приказание отправиться, поехал вперед.

Он ехал через город, следуя, как он полагал, дорогой сэра Даниэля, и оглядывался вокруг в ожидании увидеть что-либо, что могло подтвердить его предположения.

Улицы были усеяны мертвыми и ранеными, положение последних в этот жестокий холод было гораздо более достойно сожаления. Шайки победителей расхаживали из дома в дом, грабя и убивая, а иногда распевая песни.

Со всех сторон до ушей молодого Шельтона доносились звуки, говорившие о насилии и оскорблениях: то удары большого молота в какую-нибудь забаррикадированную дверь, то отчаянные крики женщин.

Сердце Дика только что пробудилось. Он только что увидел жестокие последствия своего собственного поступка, и мысль о той сумме несчастий, которая накопилась во всем Шорби, наполняла отчаянием его душу.

Наконец он выехал в предместье города и ясно увидел прямо перед собой тот широкий, утоптанный след на снегу, который заметил с вершины колокольни. Он поехал скорее, не переставая внимательно вглядываться в павших людей и лошадей, лежавших по обе стороны следа. Он с облегчением заметил, что все эти люди были одеты в цвета сэра Даниэля, и даже узнал лица тех, которые лежали на спине.

Приблизительно на полдороге между городом и лесом на людей, по следам которых он ехал, очевидно, напали какие-то стрелки: каждый из трупов, лежавших довольно близко друг от друга, был пронзен стрелой. Среди других Дик заметил очень молодого юношу, лицо которого показалось ему странно знакомым.

Он остановил свой отряд, сошел с лошади и приподнял голову мальчика. При этом капюшон спал, и длинные, пышные темные волосы рассыпались по плечам. В то же мгновение мальчик открыл глаза.

– А, укротитель львов! – сказал слабый голос. – Она дальше. Поезжайте, поезжайте скорей!

И бедная молодая девушка снова лишилась сознания.

У одного из людей отряда Дика была с собой фляжка с каким-то крепким напитком. Дику удалось привести девушку в чувство. Тогда он взял к себе на седло подругу Джоанны и снова поскакал к лесу.

– Зачем вы взяли меня? – сказала девушка. – Это задержит вас.

– Нет, миссис Райзингэм, – ответил Дик. – Шорби полон крови, пьянства и убийства. А здесь вы в безопасности, успокойтесь.

– Я не хочу быть обязанной никому из вашей партии, – кричала она, – пустите меня!

– Вы не знаете, что вы говорите, сударыня, – возразил Дик, – вы ранены…

– Нет, – сказала она. – У меня убита лошадь.

– Это все равно, – сказал Ричард. – Вы здесь в открытом месте, на снегу, окружены врагами. Хотите вы или не хотите, я увожу вас с собой. Очень рад этому случаю, потому что таким образом уплачу хоть часть нашего долга.

Некоторое время она молчала. Потом внезапно спросила:

– Мой дядя?

– Лорд Райзингэм? – спросил Дик. – Хотелось бы мне сообщить вам хорошие вести, но у меня нет их. Я видел его раз во время сражения, только раз. Будем надеяться на лучшее.

Глава V
Ночь в лесу. Алиса Райзингэм

Сэр Даниэль направился в Моот-Хаус, но, принимая во внимание густой снег, позднее время, необходимость избегать большие дороги и пробираться через лес, он, по всей вероятности, не мог надеяться добраться туда до следующего утра.

У Дика было два выхода: продолжать преследование рыцаря и, если возможно, напасть на него в ту же ночь в лагере, или отыскать другую дорогу и постараться пересечь путь сэра Даниэля.

И тот, и другой план вызывали серьезные возражения, и Дик, боявшийся подвергнуть Джоанну случайностям сражения, еще не решил, который принять, когда доехал до опушки леса.

Тут сэр Даниэль повернул несколько налево и затем углубился в чащу высокого, величественного леса. Отряд его был перестроен более узким фронтом, чтобы пройти между деревьями, и, сообразно этому, следы более ясно отпечатывались на снегу. Глаз мог проследить их под сводами безлиственных дубов; следы шли тесными рядами в прямом направлении; деревья стояли над ними со своими узловатыми сучьями и подымающейся кверху чащей ветвей; не слышно было ни звука, обнаруживающего присутствие человека или животного – даже шороха крыльев реполова, а на снежном поле лучи зимнего солнца отливали золотом среди узорчатых теней.

– Как вы скажете, – спросил Дик одного из людей своего отряда, – продолжать ли нам преследовать их или направиться прямо в Тонсталль?

– Сэр Ричард, – ответил солдат, – я бы ехал по следам, пока они не исчезли.

– Вы, без сомнения, правы, – сказал Ричард, – но мы отправились очень поспешно, так как времени было мало. Тут нет ни домов, ни еды, негде укрыться; к завтрашнему рассвету мы познакомимся и с отмороженными пальцами, и с голодным желудком. Что вы скажете, молодцы? Согласны вы потерпеть немного ради успеха нашей экспедиции, или повернем у Холивуда и поужинаем в аббатстве? Так как дело довольно сомнительное, то я никого не принуждаю, но если бы вы позволили мне посоветовать вам, вы выбрали бы первое.

Солдаты ответили почти в один голос, что они пойдут за сэром Ричардом, куда он пожелает.

Дик пришпорил лошадь и снова двинулся вперед.

Следы на снегу были очень глубоки, и потому преследователи имели большое преимущество над преследуемыми. Всадники ехали крупной рысью; двести подков попеременно глухо ударяли о снежный покров, а лязг оружия и фыркание лошадей подымали воинственный шум вдоль сводов безмолвного леса.

Наконец след вышел на большую дорогу из Холивуда; тут он потерялся на минуту и когда снова появился дальше, на проторенном снегу, Дик с удивлением заметил, что следов стало уже далеко не так много. Очевидно, сэр Даниэль, пользуясь дорогой, разделил свой отряд.

Так как все шансы были одинаковы, то Дик продолжал ехать по следу в прямом направлении; после часа езды, когда всадники заехали в самую глубину леса, след этот – словно лопнувшая граната – вдруг распался на дюжины две следов, расходившихся точно по радиусам круга.

Дик в отчаянии остановил лошадь. Короткий зимний день приближался к концу; солнце, темно-оранжевоо цвета, без лучей, медленно плыло среди лишенных листвы лесов; тени на снегу тянулись на целую милю; мороз жестоко кусал концы пальцев, дыхание лошадей и пар от них подымались облаком.

– Ну, нас перехитрили, – сознался Дик. – Приходится все-таки отправляться в Холивуд. Он ближе, чем Тонсталль – или должен быть ближе, судя по положению солнца.

Всадники повернули налево, оставив красный щит солнца позади себя и направились к аббатству. Но теперь все изменилось для них; они не могли уже бойко скакать по дороге, крепко утоптанной проехавшими впереди врагами, к цели, к которой прямо вела их эта дорога. Теперь им приходилось медленно, с трудом пробираться по снегу, постоянно останавливаясь, чтобы решать, куда ехать, постоянно натыкаясь на сугробы. Солнце скоро покинуло их; свет на западе исчез, и вскоре они блуждали в полной тьме под морозными звездами.

Луна должна была скоро осветить вершины холмов, и тогда можно было ехать дальше. Но в настоящее время каждый случайный шаг мог сбить их с пути. Оставалось только остановиться и переждать.

Расставили часовых, очистили от снега кусок земли, и после нескольких неудачных попыток посреди очищенного пространства запылал хороший костер. Солдаты уселись совсем близко к этому лесному очагу, делясь провизией, какая нашлась у них; фляжка пошла по кругу. Дик, собрав лучшее из грубой и скудной пищи, принес племяннице лорда Райзингэма, сидевшей отдельно от солдат, под деревом.

Она сидела на одной попоне, укутанная в другую, и смотрела на освещенную огнем сцену перед ней. Когда Дик предложил ей пищу, она вздрогнула, как человек, внезапно пробужденный от сна, и потом молча отказалась.

– Сударыня, – сказал Дик, – умоляю вас, не наказывайте меня так жестоко. Не знаю, чем я оскорбил вас; правда, я увез вас, но употребил только дружеское насилие; действительно, я подвергаю вас всем неприятностям суровой ночной погоды, но поспешность, с которой мне приходится действовать, имеет целью спасение другой не менее слабой и беззащитной, чем вы. По крайней мере, не наказывайте себя, сударыня, и покушайте, если и не голодны, чтобы поддержать силы.

– Я не хочу ничего есть из рук, которые убили моего родственника, – сказала она.

– Дорогая леди, – вскрикнул Дик, – клянусь распятием, я не дотрагивался до него.

– Поклянитесь, что он еще жив, – сказала она.

– Я не стану лукавить с вами, – ответил Дик. – Жалея вас, я принужден огорчить вас. В глубине сердца я считаю его мертвым.

– И вы просите меня поесть! – вскрикнула она. – И вас называют «сэр»! Вы заслужили ваши шпоры убийством моего доброго родственника. И если бы я не была в одно и то же время и дурой, и предательницей и не спасла вас в доме вашего врага, умерли бы вы, а он – он, который стоил двенадцати таких, как вы, – был бы жив.

– Я сделал только то, что должен был сделать; точно то же, что делал ваш родственник для своей партии, – ответил Дик. – Если бы он был жив, – Небу известно, как я желаю этого! – он похвалил бы, а не порицал бы меня.

– Сэр Даниэль говорил мне, – сказала она, – что заметил вас на баррикаде. Он говорит, что их партия потерпела поражение благодаря вам, что вы выиграли сражение. Ну так вы и убили моего доброго лорда Райзингэма, это совершенно так же верно, как если бы вы задушили его. И вы хотите, чтобы я ела с вами, когда ваши руки еще не вымыты после убийства? Но сэр Даниэль поклялся, что погубит вас. Он отомстит за меня.

Несчастный Дик погрузился в мрачное раздумье. Старик Арбластер пришел на память ему, и он громко застонал.

– Неужели вы считаете меня так виноватым? – сказал он. – Вы, которая защищала меня, вы – друг Джоанны?

– Зачем вы вмешались в эту битву? – возразила она. – Вы не принадлежите ни к какой партии, вы просто мальчик – ноги и туловище, не управляемые ни умом, ни знанием! К чему вы сражались? Из-за любви к борьбе, черт возьми!

– Да, я не знаю! – крикнул Дик. – Но так уж водится в английском государстве, если бедный джентльмен не сражается на одной стороне, он обязательно должен сражаться на другой. Он не может оставаться один, это неестественно.

– У кого нет разума, тот не должен вынимать меча, – ответила молодая девушка. – Вы, что сражаетесь по случайности, что вы, как не мясник? Война может быть облагорожена только целью, ради которой она ведется, а вы опозорили ее.

– Сударыня, – сказал несчастный Дик, – я отчасти вижу мою ошибку. Я слишком поторопился, я занялся делом, прежде чем настало мое время. Я украл судно – клянусь, что думал, что поступаю хорошо – и вызвал этим смерть многих невинных людей и горе и разорение одного старика, вид которого пронзил мне сегодня сердце, словно кинжалом. А сегодня утром я хотел отличиться и приобрести славу, чтобы жениться, и вот!.. Я стал причиной смерти дорогого вам родственника, который был добр ко мне. И сам не знаю, что я еще наделал. Потому что – увы! – я, может быть, посадил на трон Йорка, а это, может быть, худо и вредно для Англии. О, сударыня, я вижу мой грех. Я не гожусь для жизни. Из раскаяния и чтобы избегнуть возможности наделать еще больше зла, как только окончится эта авантюра, я поступлю в монастырь. Я откажусь от Джоанны и военного ремесла. Я буду монахом и стану всю мою жизнь молиться за спасение души вашего родственника.

В этот момент полного унижения и раскаяния Дику показалось, что молодая девушка рассмеялась.

Подняв лицо, он увидел, что при свете огня она смотрит на него с каким-то странным, но не сердитым выражением.

– Сударыня, – сказал он, думая, что смех был только иллюзией его слуха, но надеясь по изменившемуся выражению лица тронуть ее сердце, – сударыня, удовлетворитесь ли вы этим? Я отказываюсь от всего, чтобы загладить сделанное мною зло. Я обеспечиваю рай лорду Райзингэму. И все это именно в тот день, когда я заслужил шпоры и считал себя счастливейшим молодым джентльменом на свете.

– О, мальчик, – сказала она, – хороший мальчик!

И, к величайшему изумлению Дика, она сначала очень нежно отерла катившиеся по его лицу слезы, а потом, как бы по внезапному побуждению, обвила его шею обеими руками, притянула к себе его лицо и поцеловала. Чувство плачевного недоумения охватило простодушного Дика.

– Ну, – очень весело сказала молодая девушка, – так как вы предводитель отряда, то должны есть. Отчего вы не ужинаете?

– Дорогая миссис Райзингэм, – ответил Дик, – я хотел сначала угостить мою пленницу, но, сказать правду, раскаяние не позволяет мне переносить вида пищи. Мне лучше поститься и молиться, дорогая леди.

– Зовите меня Алисой, – сказала она, – ведь мы старые друзья, не правда ли? А теперь будем есть с вами наперегонки, так, что если вы не будете есть, то и я не буду, но если вы усердно покушаете, то и я поужинаю, как добрый пахарь.

И она сразу принялась за еду; Дик, у которого был превосходный желудок, последовал ее примеру сначала с большой неохотой, но потом постепенно входя во вкус, все с большей и большей энергией и усердием. Под конец он отказался от взятой на себя роли и вознаградил себя за все труды и волнения дня.

– Укротитель львов, – сказала наконец молодая девушка, – вам не нравится девушка в мужской одежде?

Луна уже взошла, и они дожидались только, пока отдохнут усталые лошади. При свете луны, все еще раскаивавшийся, но насытившийся Ричард увидел, что она смотрит на него несколько кокетливо.

– Сударыня, – запинаясь, проговорил он, удивленный этой новой манерой обращения с ним.

– Ну, – прервала она, – нечего отрицать, Джоанна сказала мне, но все же, сэр укротитель львов, взгляните на меня, – неужели я очень некрасива?

И она сверкнула на него глазами.

– Правда, вы немножко малорослы, – начал Дик.

Она снова перебила его, на этот раз звонким смехом, окончательно смутившим и удивившим его.

– Малоросла! – крикнула она. – Ну, будьте так же честны, как храбры, я – карлица, может быть, немного побольше, но, несмотря на это, – ну, скажите же мне – несмотря на это, достаточно красива на взгляд, разве не так?

– Да, сударыня, чрезвычайно красивы, – сказал смущенный рыцарь с жалкой попыткой казаться развязным.

– И всякий мужчина был бы очень рад жениться на мне? – продолжала она.

– О, да, сударыня, очень рад! – согласился Дик.

– Зовите меня Алисой, – сказала она.

– Алиса, – повторил сэр Ричард.

– Ну, укротитель львов, – продолжала она, – так к вы убили моего родственника и оставили меня без поддержки, вы, по чести, должны всячески загладить свою вину, не правда ли?

– Конечно, сударыня, – сказал Дик. – Хотя, положа руку на сердце, я считаю себя только отчасти виновным в пролитии крови этого храброго рыцаря.

– Вы хотите увернуться от меня? – вскрикнула она.

– Вовсе нет, сударыня. Ведь я же сказал вам. По вашему приказанию я готов даже стать монахом, – сказал Ричард.

– Значит, по чести, вы принадлежите мне, – заключила она.

– По чести, сударыня, я полагаю… – начал молодой человек.

– Продолжайте, – перебила она, – у вас уж слишком много остановок. По чести, вы принадлежите мне, пока не исправите сделанного вами зла?

– По чести, да, – сказал Дик.

– Ну, так слушайте, – продолжала молодая девушка. – Мне думается, что из вас вышел бы плохой монах, а так как я могу располагать вами, как мне угодно, то я возьму вас в мужья. Ни единого слова! – крикнула она. – Слова вам не помогут. Ведь вполне справедливо, чтобы вы, лишивший меня родного дома, доставили мне другой. Что касается Джоанны, то, поверьте, она первая одобрит эту перемену, в сущности, так как мы с ней близкие друзья, то не все ли равно, на которой из нас вы женитесь? Решительно все равно.

– Сударыня, – сказал Дик, – я уйду в монастырь, если вы прикажете, но жениться на ком-нибудь другом во всем обширном мире, кроме Джоанны Седлей, я не соглашусь, не уступлю мужской силе, не сделаю это и ради удовольствия дамы. Простите, что я выражаю так просто мои простые мысли, но когда девушка очень смела, то бедному мужчине приходится быть еще смелее.

– Дик, милый мальчик, вы должны подойти и поцеловать меня за эти слова. Не бойтесь, вы поцелуете меня за Джоанну, когда мы встретимся, я возвращу ей этот поцелуй и скажу, что украла его. А что касается вашего долга относительно меня, милый простофиля, то, мне думается, не вы один участвовали в этом большом сражении; и даже если на трон взойдет Йорк, то не вы посадили его туда. Но вот сердце у вас, Дик, хорошее, доброе, честное, и если бы я могла в чем-нибудь позавидовать Джоанне, то позавидовала бы вашей любви к ней.

Глава VI
Ночь в лесу *(окончание)*. Дик и Джоанна

Лошади между тем съели скудный запас корма и отдохнули вполне. Костер засыпали снегом по приказанию Дика; пока его воины устало взбирались в седла, Дик, вспомнив несколько поздно о предосторожностях, принимаемых лесными жителями, выбрал высокий дуб и быстро влез на его самый верхний сук. Оттуда он мог обозреть на большом пространстве освещенный луной и устланный снегом лес. На юго-западе виднелись те высокие, покрытые вереском места, где они с Джоанной испытали страшное приключение с прокаженным. Тут его внимание привлекло какое-то красное, блестящее пятнышко, величиной не более булавочной головки.

Он жестоко порицал себя за небрежность. Если то горели огни в лагере сэра Даниэля, то он должен был давно увидеть их и пойти в ту сторону, а главное, он не должен был выдавать своей близости, разведя костер. Но теперь нельзя было терять ценных часов. Прямой путь к возвышенностям был приблизительно в две мили длиной, но его пересекала очень глубокая, обрывистая ложбина, недоступная для всадников. Дику казалось удобнее для быстроты оставить лошадей и попробовать добраться пешком.

Для охраны лошадей было оставлено десять человек; условились о сигналах на случай нужды, и Дик во главе остальных отправился в поход; Алиса Райзингэм храбро пошла рядом с ним. Солдаты сняли тяжелое вооружение и оставили у костра свои копья, в хорошем настроении Духа они бодро шли по замерзшему снегу при веселом сиянии луны. Спуск в ложбину, где поток со стоном прорывался сквозь снег и лед, совершился в молчании и порядке. На другой стороне, в полумиле от места, где Дик заметил блеск огня, отряд остановился, чтобы отдохнуть перед нападением.

В глубоком безмолвии леса малейший звук был слышен издалека; Алиса, обладавшая тонким слухом, подняла палец в знак предупреждения и остановилась, прислушиваясь. Все последовали ее примеру, но как ни прислушивался Дик, он не слышал ничего, кроме, приглушенного ропота потока в лесу на расстоянии нескольких миль.

– Но я наверное слышала лязг оружия, – прошептала Алиса.

– Сударыня, – сказал Дик, который боялся этой молодой леди больше, чем десяти храбрых воинов, – я не осмелюсь намекнуть, что вы ошиблись, но этот звук мог донестись из какого-нибудь лагеря.

– Он доносился не оттуда, а с запада, – решительно объявила она.

– Пусть будет что будет и как угодно небу, – сказал Дик. – Не будем беспокоиться, а пойдем скорее вперед и узнаем, в чем дело. Вставайте, друзья, довольно отдохнули.

По мере того, как они подвигались, снег становился все более и более утоптанным копытами лошадей, ясно было, что они приближались к лагерю, где расположились значительные силы конных солдат. Наконец, они увидели пробивавшийся между деревьями дым красного цвета внизу и рассыпавшийся вверху яркими искрами.

Исполняя приказание Дика, люди его отряда развернули ряды и тихо поползли в чащу, чтобы окружить со всех сторон вражеский лагерь. Сам он, оставив Алису под прикрытием громадного дуба, пошел прямо по направлению костра.

Наконец, благодаря просеке, взору его открылся вид на весь лагерь. Костер был разведен на небольшой, покрытой вереском горке, окруженной с трех сторон чащей, он горел очень сильно, громко треща и вспыхивая ярким пламенем. Около него сидело около дюжины людей в темных плащах, но хотя снег кругом был утоптан так, как будто тут проехал целый полк, Дик напрасно искал взглядом лошадей. Им овладело страшное подозрение, что его провели. В то же время в высоком человеке в стальном шлеме, протягивавшем к огню руки,

он узнал своего старого друга, а впоследствии благосклонного врага, Беннета Хэтча; в двух же других сидевших вдали, несмотря на их мужской костюм, он угадал Джоанну Седлей и жену сэра Брэклея.

– Ну, – подумал он, – если я даже потеряю лошадей, но добуду Джоанну, то мне нечего жаловаться.

С отдаленного конца лагеря послышался тихий свист, обозначавший, что его солдаты собрались и окружение закончено.

При этом звуке Беннет вскочил на ноги, но прежде чем он успел схватиться за оружие, Дик окликнул его.

– Беннет, – сказал он, – Беннет, старый друг, сдавайся. Ты только понапрасну прольешь человеческую кровь, если будешь сопротивляться.

– Клянусь святой Варварой, это мастер Шельтон! – вскрикнул Хэтч. – Мне сдаваться? Вы просите слишком многого. Какие у вас силы?

– Говорю тебе, Беннет, нас больше, и к тому же вы окружены, – сказал Дик. – Цезарь и Карл Пятый запросили бы пощады. На мой свисток явится сорок человек, и одним залпом стрел я могу уложить всех вас.

– Мастер Дик, – сказал Беннет, – как это ни тяжело мне, но я должен исполнить свой долг. Да помогут вам святые! – При этих словах он поднес ко рту небольшой рог и издал пронзительный звук.

Наступил момент смущения. Пока Дик, боясь за дам, колебался отдать приказание стрелять, маленький отряд Хэтча схватился за оружие и сомкнулся, очевидно, готовый на решительный отпор. В переполохе, вызванном переменой мест, Джоанна вскочила со своего места и полетела как стрела к своему возлюбленному.

– Здесь, Дик! – вскрикнула она, сжимая его руку своей.

Дик все продолжал стоять в нерешительности, он был еще слишком неопытен, чтобы примириться с необходимостью, вызываемой войной, и мысль о старой леди Брэклей останавливала слова команды на его устах. Его подчиненные начали тревожиться. Некоторые из них окликали его, другие начали стрелять по собственному побуждению. При первом же выстреле бедный Беннет пал мертвым. Тогда Дик вышел из своего оцепенения.

– Вперед! – крикнул он. – Стреляйте, молодцы, и держитесь ближе к чаще! Англия и Йорк!

Но как раз в это мгновение в тишине ночной внезапно раздался стук множества копыт по снегу, звук этот приближался с невероятной быстротой и раздавался все громче и громче. В то же самое время в ответ на призыв Кэтча беспрерывно зазвучали трубы.

– Сбор, сбор! – кричал Дик. – Собирайтесь, если хотите остаться живы.

Но солдаты, спешившиеся, рассеянные, застигнутые врасплох, в то время, когда они рассчитывали на легкий успех, начали отступать; некоторые еще стояли в нереительности на месте, другие рассеялись в чаще. Когда первые всадники, стреляя, промчались по просеке и пустили своих коней в заросли яростным галопом, в кустах они опрокинули и закололи только несколько отставших солдат, большая же часть отряда Дика словно растаяла при известии о их появлении.

Дик стоял одно мгновение, с горечью наблюдая за результатами своей необдуманной и неумелой храбрости. Сэр Даниэль увидел костер; он двинулся со своими главными силами, чтобы напасть на своих преследователей или обойти их с тылу, если они решатся на атаку. Все время он действовал как прозорливый вождь, Дик же вел себя как пылкий мальчик. И теперь молодой рыцарь был один, – правда, его возлюбленная крепко держала его за руку, – весь его отряд людей и лошадей рассыпался во тьме среди леса, как бумажка с булавками, просыпанная на гумне.

– Да просветят меня святые! – думал он. – Хорошо, что меня произвели в рыцари за утреннее дело, теперешнее делает мне мало чести.

И, продолжая держать Джоанну за руку, он бросился бежать.

Безмолвие ночи было нарушено со стороны Тонсталля криками людей, галопировавших во все стороны в поисках беглецов; Дик смело пробрался через заросли и побежал прямо с быстротой оленя. Ясный, серебристый свет луны, падавший на открытые снежные поляны, увеличивал по контрасту темноту, царившую в лесных чащах; так как побежденные рассеялись во все стороны, то и преследователям приходилось направляться по различным путям. Через некоторое время Дик и Джоанна остановились в укромном месте и слушали, как звуки преследования уже замирали в отдалении.

– Если бы я оставил хоть некоторую часть в резерве, – с горечью крикнул Дик, – я мог бы еще поправить дело! Ну, век живи, век учись, в следующий раз, клянусь распятием, будет лучше!

– Дик, – сказала Джоанна. – Не все ли равно? Мы снова вместе.

Он взглянул на нее – перед ним снова был Джон Мэтчем в штанах и камзоле. Но теперь он узнал ее даже в этом неприглядном платье, она улыбалась ему, сияла любовью, и сердце его было полно восторга.

– Возлюбленная, – сказал он, – если ты прощаешь человека, наделавшего столько ошибок, то что за дело мне до всех этих неудач? Отправимся прямо в Холивуд, там находится твой добрый опекун и мой лучший друг, лорд Фоксгэм. Там мы повенчаемся, и не все ли равно, беден я или богат, знаменит или неизвестен? Сегодня, дорогая моя, я заслужил шпоры, высокие люди хвалили меня за храбрость; я считал себя лучшим воином во всей Англии. Потом я сперва потерял благосклонность знатных, а теперь разбит и потерял моих солдат. Какое унижение для тщеславного человека! Но, милая, я не жалею об этом, – милая, если ты любишь меня и выйдешь замуж за меня, я готов отказаться от рыцарского звания и нисколько не пожалею об этом.

– Мой Дик! – сказала она. – Разве тебя посвятили в рыцари?

– Да, милая, теперь ты миледи, – нежно ответил он, – или будешь ею завтра до полудня – хочешь?

– Да, Дик, от всего сердца, – ответила она.

– Э, сэр? Мне казалось, что вы должны были быть монахом! – сказал чей-то голос.

– Алиса! – вскрикнула Джоанна.

– Она и есть, – ответила, подходя, молодая девушка, – Алиса, которую ты оставила, считая за мертвую, а твой укротитель львов нашел ее, вернул ее к жизни и, по правде сказать, ухаживал за ней – если желаешь знать.

– Я не верю этому! – крикнула Джоанна. – Дик!

– Дик! – передразнила Алиса. – Дик, да Дик! Да, прекрасный сэр, вы покидаете бедных девушек в несчастье, – прибавила она, обращаясь к молодому рыцарю. – Вы оставляете их стоять под дубом. Правду говорят, что умер век рыцарства.

– Сударыня, – в отчаянии проговорил Дик, – клянусь моей душой, я совершенно позабыл о вас. Сударыня, попытайтесь простить меня. Видите, я только что нашел Джоанну.

– Я не думала, чтобы вы сделали это нарочно, – возразила она. – Но я жестоко отомщу вам. Я скажу один секрет леди Шельтон, то есть будущей леди Шельтон, – прибавила она, приседая. – Джоанна, – продолжала она, – клянусь душой, я думаю, что твой возлюбленный храбр в сражении, но, позволь мне сказать тебе прямо, он – самый мягкосердечный простофиля во всей Англии. Ну и наслаждайся с ним! А теперь, глупые мои дети, поцелуйте сначала меня – каждый из вас – от души; потом целуйте друг друга в продолжение одной минуты по часам и ни одной секунды больше, а потом отправимся все трое в Холивуд как можно скорее, так как, по-моему, эти леса полны опасностей и в них чрезвычайно холодно.

– Но неужели мой Дик ухаживал за тобой? – спросила Джоанна, прижимаясь к своему возлюбленному.

– Нет, глупая девочка, – ответила Алиса, – это я ухаживала за ним. Я в самом деле предложила ему жениться на мне, но он сказал, чтобы я шла венчаться с подобными себе. Это были его слова. Да, вот что я скажу: он более откровенен, чем любезен. Ну, а теперь, дети мои, надо же иметь какую-нибудь цель и идти вперед. Пройдем мы опять ложбиной или отправимся прямо в Холивуд?

– Мне бы очень хотелось ехать на лошади, – сказал Дик, – все последние дни меня так колотили и били всевозможными способами, что мое бедное тело представляет собой один сплошной синяк. Но как вы думаете? Что если наши люди разбежались при звуке битвы? Ведь тогда мы пройдемся зря. Отсюда прямым путем до Холивуда только три мили; колокол еще не пробил девяти часов; снег достаточно тверд для ходьбы, луна светла; что если бы мы пошли так, как есть?

– Решено! – крикнула Алиса, а Джоанна только крепче прижималась к руке Дика.

Они пошли вперед через безлиственные чащи и дальше вниз по покрытым снегом дорогам, а бледный лик зимней луны смотрел на них. Дик и Джоанна шли рука об руку, испытывая небесное блаженство; их легкомысленная спутница шла за ними и, совершенно забыв о своих собственных лишениях, то насмехалась над их молчанием, то рисовала счастливые картины их будущей совместной жизни.

Издали, со стороны леса, слышно было, как Тонсталльские всадники погоняли лошадей; время от времени крики и лязг оружия говорили о стычках между неприятелями. Но нелегко было возбудить страх или сожаление в душах молодых людей, выросших среди военных тревог и только что избегнувших таких многочисленных опасностей. Довольные тем, что звуки все более и более удалялись, они отдались всем сердцем наслаждению данного часа и шли, как говорила Алиса, свадебной процессией; ни угрюмое уединение леса, ни холод морозной ночи не могли затемнить их счастья или нарушить его.

Наконец с вершины холма они взглянули вниз на Холивудскую долину. В больших окнах лесного аббатства горели факелы и свечи, его зубцы и шпили отчетливо и безмолвно подымались вверх, золотое распятие на самом верху ярко блестело при лунном свете. Вокруг, на открытой проталине горели лагерные костры; пространство рядом было заполнено хижинами; посреди извивалась замерзшая река.

– Клянусь мессой, – сказал Ричард, – люди лорда Фоксгэма и до сих пор стоят здесь лагерем! Гонец, очевидно, не поспел. Ну, тем лучше. У нас есть силы, чтобы встретиться с сэром Даниэлем.

Но если люди лорда Фоксгэма продолжали стоять лагерем у Холивуда, то совсем по другой причине, чем предполагал Дик. Они пошли было к Шорби, но не прошли еще и полпути, как им встретился посланный и сказал, чтобы они вернулись туда, где стояли утром, чтобы преградить путь беглецам – ланкастерцам и в то же время быть поближе к главной Йоркской армии. Ричард Глочестер, окончив битву и уничтожив своих врагов в этом округе, уже шел на соединение со своим братом и вскоре после возвращения партизан лорда Фоксгэма сам горбун остановился перед дверями аббатства. В честь этого высокого гостя окна горели огнями, и, когда Дик явился со своей возлюоленной и ее подругой, герцог со своей свитой находился в трапезной, где гостей принимали с великолепием, обычным этому могущественному и богатому монастырю.

Дика провели в трапезную, куда он пошел не совсем охотно. Глочестер, усталый и измученный, сидел, подперев рукой свое бледное, страшное лицо; лорд Фоксгэм, еще не вполне оправившийся от ран, сидел на почетном месте, слева от герцога.

– Ну, сэр, – спросил Ричард, – принесли вы мне голову сэра Даниэля?

– Милорд герцог, – ответил Дик довольно смело, хотя на сердце у него было тяжело. – Мне даже не удалось вернуться с моим отрядом. Я был разбит, ваша милость.

Глочестер посмотрел на него нахмурясь, с грозным видом.

– Но я дал вам пятьдесят копий[5], сэр, – сказал он.

– Милорд герцог, у меня было только пятьдесят воинов, – ответил молодой рыцарь.

– Как так? – сказал Глочестер. – Ведь он просил пятьдесят копий?

– Позвольте доложить вашей милости, – вкрадчиво проговорил Кетсби, – мы дали ему для преследования неприятеля только всадников.

– Хорошо, – сказал Ричард. – Шельтон, вы можете идти, – прибавил он.

– Стойте! – сказал лорд Фоксгэм. – У этого молодого человека было поручение от меня. Может быть, оно лучше удалось ему. Скажите, мастер Шельтон, нашли вы девушку?

– Хвала святым, милорд, – сказал Дик, – она в этом доме.

– Правда это? Ну так, милорд герцог, – продолжал лорд Фоксгэм, – с вашего позволения, завтра утром, до выступления, я предлагаю сыграть свадьбу. Это молодой сквайр…

– Молодой рыцарь, – перебил Кетсби.

– Что вы говорите, сэр Уильям! – вскрикнул Фоксгэм.

– Я сам посвятил его в рыцари, и по заслугам, – сказал Глочестер. – Он два раза храбро послужил мне. У него нет недостатка в доблести рук: ему не хватает железной твердости духа настоящего мужа. Он не подымется высоко, лорд Фоксгэм. Этот малый будет всегда храбро биться в схватке, но у него сердце каплуна. Во всяком случае, если он должен жениться, жените его, во имя Пресвятой Девы Марии, и делу конец!

– Нет, он храбрый юноша, я знаю это, – сказал лорд Фоксгэм. – Успокойтесь, сэр Ричард. Я устроил дело с мастером Гэмлеем, и завтра вы женитесь.

Дик счел благоразумным удалиться, но не успел еще выйти из трапезной, как только что подъехавший к воротам человек взбежал по лестнице, перепрыгивая сразу по четыре ступеньки и, растолкав слуг аббатства, бросился на одно колено перед герцогом. И прежде чем Дик добрался до отведенной ему как гостю лорда Фоксгэма комнаты, в отрядах у костров раздались восторженные крики: в этот же самый день менее чем в двадцати милях от этого места могуществу ланкастерского дома был нанесен второй решительный удар.

[5] Технический термин «копье» означал неопределенное число пехотинцев, состоявших при вооруженных всадниках *(прим. автора)*.

Глава VII
Месть Дика

На следующее утро Дик был на ногах до восхода солнца. Воспользовавшись гардеробом лорда Фоксгэма, он оделся насколько возможно лучше и, получив успокоительные сведения о Джоанне, пошел прогуляться, чтобы утешить свое нетерпение.

Некоторое время он обходил солдат, которые вооружались в полусвете зимней утренней зари и при красном блеске факелов, но, постепенно идя все дальше, вышел наконец за аванпосты и пошел один в покрытый инеем лес, в ожидании восхода солнца.

На душе у него царили покой и счастье; он нисколько не сожалел о том, что потерял милость герцога, надеясь иметь женой Джоанну, а верным патроном лорда Фоксгэма, он радостно смотрел на свое будущее и мало о чем сожалел в прошлом.

Пока он шел, погруженный в размышления, печальный утренний свет стал более ярким; восток уже окрашивался лучами солнца; резкий ветерок подымал замерзший снег. Дик повернул назад, чтобы идти домой, при этом взгляд его упал на какую-то фигуру, прятавшуюся за деревом.

– Стой! – крикнул он. – Кто идет?

Какой-то человек вышел из-за дерева и сделал знак рукой, словно немой. Он был одет пилигримом с опущенным на лицо капюшоном, однако Дик сейчас же узнал сэра Даниэля.

Он обнажил меч и пошел навстречу рыцарю, который сунул руку за пазуху, как будто хватаясь за скрытое оружие, и спокойно поджидал его.

– Ну, Дикон, – сказал сэр Даниэль, – что же теперь будет! Ты сражаешься с побежденными.

– Я не замышлял ничего дурного, – ответил юноша, – я был верным другом вам, пока вы не покусились на мою жизнь; вы жаждали моей смерти.

– Я делал это только из чувства самосохранения, – ответил рыцарь. – А теперь, мальчик, вести о сражении и присутствие этого горбатого дьявола в моем собственном лесу окончательно, безнадежно сломили меня. Я иду в Холивуд, чтобы найти себе убежище в храме, потом проберусь за моря с тем, что смогу увезти, и начну новую жизнь в Бургундии или Франции.

– Вы не можете идти в Холивуд, – сказал Дик.

– Как так? Почему не могу? – спросил рыцарь.

– Слушайте, сэр Даниэль, это утро моей свадьбы, – сказал Дик, – и солнце, которое восходит, осветит лучший день моей жизни. Вы должны поплатиться, вдвойне поплатиться – и за смерть моего отца, и за ваши замыслы против меня. Но и сам я поступал дурно, я был причиной смерти многих людей, а в сегодняшний радостный день я не хочу быть ни судьей, ни палачом. Будь вы сам дьявол, я не тронул бы вас, вы можете идти куда угодно, насколько это касается меня. Просите прощения у Бога, я же охотно даю вам свое. Но если вы пойдете в Холивуд – дело иное. Я сражаюсь за Йоркский дом и не допущу шпионов в ряды его войск. Так знайте же, что если вы сделаете хоть один шаг, я велю ближайшему часовому схватить вас.

– Ты насмехаешься надо мной, – сказал сэр Даниэль. – Я могу быть в безопасности только в Холивуде.

– Мне это все равно, – возразил Ричард. – Я позволяю вам идти на восток, на запад или на юг, только не на север. Холивуд закрыт для вас. Идите и не пробуйте вернуться, потому что, как только вы уйдете, я предупрежу все сторожевые посты вокруг, над всеми пилигримами будет установлен такой строгий надзор, что – повторяю – будь вы сам дьявол, вы все же убедитесь, насколько была бы гибельна эта попытка.

– Ты обрекаешь меня на гибель, – мрачно проговорил сэр Даниэль.

– Нет, не обрекаю, – возразил Ричард. – Если желаете померяться со мной доблестью – выходите, хотя я боюсь, что это нечестно относительно моей партии; я все же приму ваш вызов, буду сражаться с вами своими собственными силами и не призову никого на помощь. Так я со спокойной совестью отомщу за моего отца.

– Да, – сказал сэр Даниэль, – у тебя большой меч, а у меня только кинжал.

– Я надеюсь только на Небо, – отвечал Дик, отбрасывая свой меч на снег. – Ну, теперь, если того требует ваш злой рок, выходите, и, если будет угодно Всемогущему, я осмелюсь накормить лисиц вашими костями.

– Я испытывал тебя, Дикон, – сказал рыцарь криво усмехаясь. – Я не хочу проливать твоей крови.

– Ну, так идите, пока не поздно, – ответил Шельтон. – Через пять минут я позову караул. Я замечаю, что был слишком терпелив. Обменяйся мы с вами местами, я был бы связан по рукам и по ногам уже несколько минут тому назад.

– Ну, Дикон, я пойду, – сказал сэр Даниэль. – Когда мы встретимся в следующий раз, ты раскаешься, что поступил так жестоко.

С этими словами он повернулся и пошел по дороге в лес. Дик наблюдал за ним со смешанными чувствами. Сэр Даниэль шел быстро и осторожно, бросая иногда злой взгляд на пощадившего его юношу, к которому он продолжал относиться подозрительно.

По одной стороне дороги была чаща, вся увитая зеленым плющом и недоступная для взора даже зимой. Внезапно оттуда, словно музыкальная нота, послышался выстрел из лука. Пролетела стрела, и рыцарь Тонсталля с громким криком агонии и гнева поднял руки и упал лицом вниз на снег. Дик подскочил и поднял его. Лицо упавшего страшно исказилось; все тело подергивалось судорогами.

– Стрела черная? – задыхаясь, проговорил он.

– Черная, – торжественно ответил Дик.

Прежде чем он успел прибавить хоть слово, приступ отчаянной боли потряс тело раненого с головы до ног так, что он подпрыгнул в руках державшего его Дика, и с этим последним усилием предсмертной муки душа его безмолвно отлетела.

Молодой человек положил тело на спину, на снег и помолился за неприготовленную, грешную душу; когда он окончил молитву, солнце сразу показалось на небе и реполовы зачирикали среди плюща. Он поднялся и увидел в нескольких шагах от себя тоже коленопреклоненного человека. Не покрывая головы, Дик ждал, когда кончится эта молитва. Она продолжалась долго.

С опущенной головой, с лицом, закрытым руками, неизвестный молился как человек, душа которого полна глубокого смятения и муки. По лежавшему рядом с молящимся луку Дик догадался, что это не кто иной, как стрелок, убивший сэра Даниэля.

Наконец он встал, и Дик увидел лицо Эллиса Декуорса.

– Ричард, – торжественно проговорил он. – Я слышал вас. Вы избрали лучшую часть и простили; я взял худшую – и вот лежит прах моего врага. Молитесь за меня.

И он пожал ему руку.

– Сэр, – сказал Ричард, – я буду молиться за вас, хотя не знаю, поможет ли вам моя молитва. Но если вы так долго ждали мести, а теперь она кажется так горька вам, то подумайте, не лучше ли простить остальным. Хэтч – он умер, бедняк! Но и лучшие люди погибают. А сэр Даниэль – его труп лежит перед нами. Что касается священника, то если бы я мог убедить вас, я попросил бы вас оставить его в живых.

Глаза Эллиса Декуорса сверкнули.

– Ну, нет, дьявол еще силен во мне! – сказал он. – Но успокойтесь – «Черная Стрела» уже не полетит больше, общество распалось. Что касается меня, то те, кто еще жив, доживут

до мирного, спокойного конца, в назначенное Господом время. А вы идите, куда вас зовет более счастливая судьба, и не думайте больше об Эллисе.

Глава VIII
Заключение

Около девяти часов утра лорд Фоксгэм вел свою воспитанницу, одетую, как подобает ее полу, и сопровождаемую Алисой Райзингэм, в Холивудскую церковь, как вдруг навстречу им попался Ричард Горбатый с лицом, уже омраченным заботами. Он остановился.

– Это и есть та девушка? – спросил он.

Когда лорд Фоксгэм ответил утвердительно, он прибавил:

– Подымите ваше личико, милая, мне хочется посмотреть на него.

Некоторое время он угрюмо смотрел на молодую девушку.

– Вы красивы, – наконец проговорил он, – и у вас есть, как мне говорили, приданое. Что, если бы я предложил вам хороший брак, соответствующий вашей наружности и происхождению?

– Милорд герцог, – ответила Джоанна, – как угодно вашей милости, но я хочу лучше выйти за сэра Ричарда.

– Как так? – резко сказал он. – Выходите за человека, которого назову вам, а до полуночи он станет милордом, а вы – миледи. А сэр Ричард, – говорю вам прямо – умрет сэром Ричардом.

– Я ничего не молю больше у Господа, милорд, как умереть женой сэра Ричарда, – возразила Джоанна.

– Вот посмотрите, милорд, – сказал Глочестер, обращаясь к лорду Фоксгэму, – на эту пару. Юноша, когда я предложил ему на выбор, что он хочет получить в благодарность за оказанные мне услуги, попросил помиловать старого пьяницу-моряка. Я предупреждал его, но он упорствовал в своей глупости. «Тем и окончатся мои милости», – сказал я, а он, милорд, ответил мне с самым дерзким видом: «Вся потеря на моей стороне».

– Неужели он так сказал? – вскрикнула Алиса. – Хорошо сказано, укротитель львов!

– Кто это? – спросил герцог.

– Пленница сэра Ричарда, – ответил лорд Фоксгэм, – миссис Алиса Райзингэм.

– Смотрите, выдайте ее замуж за надежного человека, – сказал герцог.

– Я имел в виду моего родственника Гэмлея, если вы не будете против, ваша милость, – сказал лорд Фоксгэм. – Он хорошо служил нашему делу.

– Это мне нравится, – сказал Ричард. – Обвенчайте их поскорее. Хотите замуж, прекрасная девушка?

– Милорд герцог, – ответила Алиса, – если только мой будущий жених будет строен, пря…

Она смутилась, и слово замерло на ее устах.

– Он прям, мисс, – спокойно ответил Ричард. – Я единственный горбун в моем отряде; все остальные сложены довольно хорошо. Леди, и вы, милорд, – прибавил он, внезапно изменяя тон на чрезвычайно любезный, – не сочтите меня невежливым, если я покину вас. В военное время вождь не может располагать своим временем.

И с изящным поклоном он прошел дальше, сопровождаемый своими офицерами.

– Увы! Я погибла! – сказала Алиса.

– Вы не знаете его, – ответил лорд Фоксгэм. – Это пустяки; он уже забыл ваши слова.

– Так он, значит, цвет рыцарства, – сказала Алиса.

– Нет, но он думает о другом, – заметил лорд Фоксгэм. – Но не будем мешкать.

В церкви их ожидал Дик с несколькими молодыми людьми; тут его соединили с Джоанной. Когда они счастливые, но серьезные, вышли из церкви на морозный воздух и на солнечный свет, длинные ряды армии уже тянулись впереди по дороге; знамя герцога Глочестер-

ского было развернуто и двигалось от аббатства среди леса копий; а за ними, окруженный закованными в сталь рыцарями, двинулся и храбрый, жестокосердный, честолюбивый горбун, навстречу своей судьбе – кратковременному царствованию и вечному позору. Свадебное шествие пошло в другую сторону, и гости с тихим весельем сели за завтрак. Отец эконом заботился о них и сидел за столом вместе с ними. Гэмлей, забыв о ревности, начал ухаживать за Алисой, которая ничего не имела против. А Дик и Джоанна, среди звука труб, лязга оружия и топота лошадей, сидели рядом, нежно держа друг друга за руки, и смотрели в глаза друг другу со все возраставшим чувством любви.

С этих пор грязь и кровь этой беспокойной эпохи проходила мимо них. Они жили вдали от тревог, в зеленом лесу, где возникла их любовь.

В Тонсталльской деревушке, в довольстве и мире проживали на пенсии, быть может, с излишком наслаждаясь элем и вином, два старика. Один из них всю жизнь был моряком и не переставал оплакивать своего слугу Тома. Другой, перебывавший на своем веку кем угодно, в конце концов ударился в набожность и умер самой благочестивой смертью в ближайшем аббатстве под именем брата Гонестуса. Так желание Лаулесса исполнилось – он умер монахом.